Арман Дарина [СИ]

Лина Гамос

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Он - прекрасный принц, она - дочь нищих аристократов. Они встретились на ее первом балу в императорском дворце. Далее внимательно по аннотации к разделу: "трепетные отношения влюбленных, приторно-слащавые объяснения в любви и феерически - красивая свадьба в финале."

- Лина Гамос
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - Эпилог
- notes
  -

Лина Гамос
Арман Дарина

1

Теплое летнее солнце медленно клонилось к закату. Ламис в нерешительности стояла на краю луга, сжимая тонкими пальцами незатейливый букет из полевых цветов. Набежавший внезапно ветерок, играя, спутывал распущенные по плечам пряди золотистых волос, дерзко трепал длинную юбку изношенного платья. Домой идти совершенно не хотелось. Все слишком предсказуемо, и от осознания этого становилось еще досаднее. Вистериус так много рассказывал о больших городах, особенно о столице империи Дарина, Сталлоре. Огромный город раскинулся в живописной долине, у подножия холма, на котором возвышался во всем своем великолепии императорский дворец из серого камня. Великое множество узких, извилистых улочек и проулков на городской окраине, роскошные, утопающие в зелени центральные проспекты и бульвары. Ламис мечтала поселиться там, в какой - нибудь скромной квартирке под самой крышей, а вид из окна, чтобы обязательно был на поражающий красотой и роскошью дворец Дарина. Девушка невольно прерывисто вздохнула, окидывая рассеянным взглядом огромных зеленых глаз, зеленый, пестреющий полевыми цветами луг, небольшую полоску леса и бегущий у подножия деревьев ручеек: новые соседи, новые знакомые. Люди, которые не знают, что барон и баронесса Эстенбук все глубже опускаются на дно, тихо спиваясь за обветшалыми стенами фамильной усадьбы. Дом все больше разрушается, буквально разваливаясь по кирпичику и, Ламис могла лишь беспомощно смотреть на это.

Родители уже давно не обращали внимания на единственную дочь. Пока в доме были слуги, девочка общалась с ними, но в один прекрасный день слуг рассчитали, большую часть дома заколотили, и семья барона разместилась в двух небольших комнатах возле самой кухни. В хорошую погоду Ламис гуляла по окрестным лугам и там однажды познакомилась с Вистериусом, который и стал ее единственным другом и собеседником. Старик поселился в этих местах задолго до ее рождения, но с соседями не знался и избегал любого общения. Золотоволосая девочка в замызганном платье и с искрящимися зелеными глазами на перепачканном лице, непонятным образом тронула его сердце. Она знала лишь основы грамматики, но тянулась к знаниям и книгам, и заворожено внимая его пространным повествованиям о далеких странах и бескрайних морях, устроившись в мягком кресле у окна. Ее глаза забавно туманились, будто она и в самом деле шагает теми же дорогами, что когда - то прошел молодой

Вистериус. Училась она легко и с удовольствием.

Ламис грустно улыбнулась и оглянулась назад. Туда, где за деревьями одиноко стоял небольшой коттедж старика. Она не хотела возвращаться домой: удушливый запах дешевого вина и пьяные скандалы родителей. Ламис мечтала вырваться из этого круга и обрести свободу. Денег не было совсем и надежды на избавление тоже. Будущее не манило радужными перспективами и обещанием счастья. Девушка шагнула к тропинке, ведущей к опостылевшему дому. Она мечтала вырваться отсюда, и Вистериус ей это обещал. Но откуда взять деньги на осуществление своей мечты? Деньги, ей очень нужны были деньги. Она мечтала вернуть былое великолепие фамильной усадьбе, вернуть беззаботный смех под его крышу, она хотела увидеть там то, о чем грезила в самых смелых своих мечтах.

Ламис подошла к самому порогу, когда дверь неожиданно распахнулась и появилась мать, возбужденно размахивая какой - то бумагой.

- Приглашение! Нам прислали приглашение на Бал дебютанток! Там же будет весь цвет аристократии! Тебе исполнилось восемнадцать лет и император желает, чтобы ты была представлена ко двору.

Мать была почти трезва или это письмо подобным образом отрезвило баронессу. Ламис взяла бумагу из рук матери и аккуратно развернула лист плотной дорогой бумаги с золотым тиснением. Это, в самом деле, было приглашение на Императорский бал дебютанток Дарина на имя Ламис Эстенбук, дочери барона и баронессы Эстенбук.

- У нас нет денег на наряды, дорогу и гостиницу, мама, - девушка сложила письмо и сунула его в карман передника. - Нам не потянуть путешествие в Сталлору и тем более посещение балов и светских раутов.

- Мы займем у соседей, мы заложим дом...

Ламис попыталась осторожно напомнить матери об их плачевном материальном положение, но баронесса упорно не желала слушать рассудительные слова своей юной дочери.

Но через три недели девушка стояла в белоснежном платье в длинной веренице таких же дебютанток, как и она, в императорском дворце Дарина. Роскошь окружающей обстановки неприятно поражала и подавляла, незримо подчеркивая убогость ее нового платья, купленного в магазине готовой одежды и отсутствие драгоценных украшений. Ламис оглянулась вокруг и дала себе слово не расстраиваться. Для нее это было

долгожданное путешествие в другой, прекрасный мир. Пусть она не совсем рада находиться во дворце, под пренебрежительными взглядами других девушек, за то прогулка по улицам столицы стоила дорогого. Вистериус ничуть не приукрасил красоту города. Сталлора была именно такой, какой он ее и описывал когда - то Ламис. Красивые здания с изящными балконами и портиками, множество цветов и фонтанов. Центральный бульвар с множеством небольших кондитерских и уличных кафе, изящные ландо катили по каменной мостовой и вуали, разноцветными флагами, развивались с дамских шляп. Искрящийся смех в журчание великолепных фонтанов, тяжелый аромат розовых кустов и мягкий шепот листвы над головой широко раскинувших свои ветви деревьев. Покупка нового платья, белья и туфель стало самым настоящим приключением для неизбалованной нарядами девушки. Ламис счастливо вздохнула и, не удержавшись, провела ладонью по гладкой поверхности платья. В сравнении с другими девушками и их шикарными, затканными золотыми нитями нарядами, она, возможно и выглядела, бедной простушкой с собранными в банальный узел волосами, но Ламис ощущала себя принцессой. Это был ее первый бал, и она непременно намеривалась быть на нем счастливой.

Двери распахнулись, и представление дебютанток к императорскому двору началось. Ламис была спокойна еще несколько минут назад, но чем ближе подходила к дверям в бальную залу, тем больше начинала нервничать. В тумане, она несмело ступила на красную дорожку, ведущую к двум креслам на небольшом возвышении. " Улыбка, реверанс, направо, улыбка, реверанс, направо" Два кресла сливались в одно, ладони взмокли, девушка остановилась перед возвышением и склонилась в поклоне. Тонкая бретель соскользнула с плеча, и лиф платья предательски опустился ниже, чуть обнажая ее грудь. Девушка в ужасе взглянула на императора, но тот смотрел равнодушно, и куда - то поверх ее головы. Принц смерил ее надменным взглядом, презрительно кривя губы в высокомерной насмешке, и девушка метнулась влево, потом вправо, слыша за спиной издевательский смех принца.

Ламис стояла возле гладкой мраморной стены, всеми силами, желая с нею слиться. Ей казалось, что все гости обсуждают ее скандальное поведение. Нарушение элементарных правил этикета при представлении императору и наследному принцу Дарина. Потом осторожно направилась к ближайшему выходу из бальной залы, подальше от косых взглядов и

перешептывания за спиной. Какое наслаждение было очутиться в прохладе ночного парка! Девушка пошла по мраморной дорожке вглубь, подальше от его освещенной части, увидела беседку, и, свернув с основной тропинки, направилась туда. Ламис присела на обитую зеленым бархатом кушетку и с интересом огляделась. Беседка была обставлена все с той же безумной роскошью, что и сам дворец. Здесь стоял низенький столик с бокалами и бутылками вина, несколько кресел, серебряные канделябры со слабо горящими свечами, толстый ковер покрывал все пространство пола. Девушка огляделась еще раз, стоимость только одного серебряного канделябра вполне покрывала все родительские долги, только вынести его из дворца незаметно не представлялось возможным. Ламис настолько погрузилась в несбыточные грезы по внезапному обогащению, что невольно вздрогнула, когда в дверях возник силуэт. Через мгновение мужчина шагнул вперед, и девушка едва слышно выругалась, перед ней, во всем своем великолепие, стоял наследный принц империи Дарина. Высокий, стройный, безупречный. Холодные серые глаза, прямой нос, четко очерченные губы, лишь правильный овал лица ломал несколько выдававшийся вперед квадратный подбородок. Плоский серебряный обруч с вправленным в него ониксом украшал длинные черные волосы ниже плеч.

- Какая неожиданная встреча, Ламис Эстенбук! - Льдистые глаза принца под неправдоподобно длинными ресницами, насмешливо рассматривали девушку.- И как удачно, что для своих прогулок, ты выбрала именно эту, закрытую для посещений, часть сада.

Неверное сияние свечей отразилось от затканного серебром камзола, заиграло бликами на гладких волосах. Девушка поспешно встала с кушетки и сделала осторожный шажок по направлению к выходу, старательно избегая даже смотреть в сторону принца Дарина. Запоздало вспомнила уроки этикета Вистериуса и решила извиниться за нечаянное вторжение. Девушка не помнила точно, как именно необходимо обращаться к наследнику империи, поэтому выбрала, на ее взгляд, самое нейтральное из обращений.

- Молодой человек, я извиняюсь, что нарушила правила, но я не заметила запрещающего знака.

Красивое лицо принца вытянулось самым комичным образом и, Ламис не сдержавшись, прыснула. Мужчина казалось, окаменел от подобной дерзости и высокомерно процедил сквозь ослепительно белоснежные зубы:

- Очаровательное хамское поведение, дорогая, но на этом я

тебе настоятельно и советую остановиться. Ты заинтриговала меня декольтированным платьем на Балу дебютанток и нарушением этикета, но непочтительности я не потерплю ни от кого. Мое желание увидеть тебя в своей постели вполне можно заменить желанием увидеть тебя в интерьере дворцовых казематов.

Из всей его высокопарной речи Ламис поняла лишь, то, что обидела принца своей непочтительностью и постаралась исправиться, попытавшись извиниться снова.

- Извините меня еще раз, и, пожалуй, я вернусь в бальную залу.

Девушка направилась к выходу, но мужчина грубо дернув ее за руку, притянул вплотную к себе и высокомерно прошипел с высоты своего внушительного роста:

- Опять хамишь, дорогая. Тебе учитель не говорил, что не следует злить того, кто сильней тебя?

- Отпустите мою руку! - Голос девушки невольно дрогнул, но взгляда от серых, льдистых глаз, она не отвела. Пальцы принца причиняли боль. Она постаралась высвободиться, но хватка у принца была железной.

- С твоей стороны было глупо прогуливать уроки дворцового этикета, иначе, ты бы знала, что можешь покинуть беседку только с моего разрешения. Разрешения твоего принца, Его Императорского Высочества.

Ламис еще раз дернулась, стараясь избавиться от хватки принца на своей руке, и примирительно объяснила нервному человеку, с тонкой душевной организацией:

- Я никогда не думала, что встречусь с принцем, и только поэтому не затрудняла себя запоминанием правил дворцового этикета.

Принц усилил хватку, и девушка поспешно добавила:

- Его Императорского Высочества.

- Издеваешься? - Принц с присвистом выдохнул.

В глазах девушки блеснули слезы:

- Что я опять сделала не так?

- Ваше Императорское Высочество!

- Если вы отпустите меня, то я никогда больше не попадусь вам на глаза, честно! Пожалуйста, позвольте мне уйти, - и через мгновение спешно добавила. - Ваше Императорское Высочество.

Мужчина разжал пальцы, и Ламис поспешно шагнула к выходу, растирая занемевшую руку, но ее остановил ледяной голос принца:

- Я не дозволял тебе покинуть беседку.

Принц совершенно неожиданно тепло улыбнулся.

- Я хочу продолжить наше знакомство. Моя несообразительность чуть не провалила весь твой план обольщения. - Он нежно притянул девушку к себе и прошептал, почти касаясь ртом ее губ. - Я хочу тебя. Это, конечно, не совсем то, на что рассчитывал твой учитель, отсылая тебя во дворец, но я дарую тебе шанс показать свои таланты в моей постели и поправить финансовые дела родителей.

Ламис почувствовала легкое касание губ на своем плече и внезапно поняла, о чем именно ей говорит принц. Она в панике шарахнулась в сторону, вырываясь из его рук, сбила стул и выскочила из беседки. Тяжелые шаги принца раздались за спиной совсем близко, и девушка, в отчаянной попытке, метнулась к освещенной аллее сада, но подсечка сбила ее с ног и она со всего маха упала на землю.

- Немного боли, дорогая, для пикантности. - Принц одним движением поставил ее на ноги и подтолкнул в нужном ему направлении. - Поторопись, твоя мечта, стать моей, сейчас осуществиться.

- Вы все не так поняли. - Девушка попыталась остановиться, но сильный толчок в спину, заставил ее буквально пролететь несколько шагов вперед и врезаться в стену. Дверь распахнулась, и принц втолкнул ее в ярко освещенный холл. Проволок вверх по лестнице, лакеи отворили еще одни двери, и Ламис очутилась посередине роскошной залы. Принц скинул черный, затканный серебряной нитью камзол прямо на пол и, язвительно поинтересовался у растерянно застывшей, девушки:

- Остальное снимешь с меня сама?

Принц получал от всей этой возмутительной ситуации столь явное удовольствие, что Ламис разозлилась.

- Вы все не так поняли. Я вовсе вас не соблазняла. Возможно, вы, меня просто с кем - нибудь спутали? И может быть, я плохо знаю дворцовый этикет, но я уверена, что даже принцу не дозволено вести себя подобным образом. И, если, вы еще раз позволите себе нечто подобное, я ударю вас.

Принц шагнул к девушке и, Ламис невольно шарахнулась в сторону от него. Рот принца презрительно скривился.

- Когда угрожаешь Его Императорскому Высочеству, имей смелость стоять до конца, а не шарахаться подобно трусливой дворовой собаке.

- Только не надо учить меня манерам. - Ламис осторожно, стараясь не привлекать к своим маневрам внимания, отступала к двери. - Немного странно слушать правила этикета от принца с повадками простолюдина, не находите, Ваше Императорское Высочество? Как видите, я запомнила ваш урок, напомнить

основные правила обращения с дамой?

Она уперлась в стену и начала пробираться к двери. Мужчина, снисходительно наблюдая за ее маневрами, равнодушно заметил:

- За дверью стоят мои слуги, Ламис. Как далеко ты планируешь уйти?

Девушка, весьма, похоже, скопировав его тон, заявила:

- Я планирую спуститься в бальную залу и рассказать каждому, как возмутительно ваше поведение.

- Ваше Императорское Высочество. - Принц подошел вплотную к девушке и коснулся предупреждающим жестом ее губ. - Твое хамство просто очаровательно, но я легко выхожу из себя.

Ламис, изобразив самую очаровательную из своих улыбок, мило посоветовала:

- Систематические прогулки на свежем воздухе укрепляют расшатанные нервы, Ваше Императорское Высочество.

Мужчина окинул девушку оценивающим взглядом и нарочито спокойно осведомился:

- Тебе учитель не рассказывал, что я и за меньшие дерзости отрывал людям головы?

- Мой учитель говорил, что императорская династия Дарина отличается образованностью и благородством. Как я сейчас понимаю, сильно преувеличивал.

- А мой дядя в своих письмах утверждал, что дочь барона само совершенство или ему знакомы другие стороны твоего кроткого нрава?

- Не могу знать, я незнакома ни с одним вашим родственником. Смею вам напомнить, что я ранее предупреждала вас об ошибке. Вы меня, точно, с кем - то путаете.

- Соблазнительное, белокурое создание с огромными зелеными глазами. Ты, в самом деле, считаешь, что тебя можно с кем - то спутать? Портрет нисколько не приукрашен, Ламис, на самом деле ты еще обольстительнее. Брака не обещаю, но титул и пару имений пожалую.

И не дожидаясь ответа, принц впился ртом в ее губы. Сминая, причиняя боль, подчиняя. Сжал грудь через тонкую ткань платья, девушка вздрогнула, и принц глухо рассмеялся, не в силах оторваться от сладких губ. Ламис попыталась ударить принца, но тот перехватил ее руки и заломил за спину.

- Мое терпение закончилось, дорогая. Хочешь поиграть в испуганную девственницу? - Голос принца охрип от желания. - Я полностью к твоим услугам.

- Прикоснетесь ко мне еще раз, и я вам горло перережу. - Яростно прошипела девушка.

Принц почти лениво поднял руку и неожиданно сильно ударил Ламис по лицу, так, что ее голова мотнулась в сторону и из разбитой губы потекла тонкой струйкой кровь.

- Ну, что за манеры, милая?

Казалось принц и в самом деле удивлен ее необычным поведением.

- Я всего лишь хочу помочь тебе расслабиться и получить удовольствие от тесного общения с твоим прекрасным принцем.

Арман рванул платье, одним движением разрывая его до самого подола, и тут же нанес короткий удар. Ламис упала к его ногам, судорожно ловя ртом воздух. Затуманенным от боли разумом она едва обратила внимание на то, как принц перевернул ее на спину и грубо сдернул белье. Потом раздвинул ее судорожно сжатые ноги и опустился между ними на колени, потянул на себя и вошел сразу, одним движением, бесстрастно наблюдая, как она кричит, выгнувшись от боли. Навалился сверху, не давая вздохнуть полной грудью и, до жути медленно провел языком вдоль тонкой выгнутой отчаянным криком шее.

- Ты такая сладкая, моя девочка, и такая тугая.

Ламис отчаянно рванулась, стараясь избежать раздирающей боли от движений принца, от его влажного языка, скользящего по ее щекам, собирающим слезинки. Извернулась в его руках, и, увидев перед собой смуглое предплечье, отчаянно вцепилась в него зубами. Принц замер, прерывисто дыша, и уставился странным затуманенным немигающим взглядом на девушку.

- Разожми зубы, дорогая.

Голос едва слышный, со свистящим хрипом, и от этого страшный, будто звериный. Девушка сжала зубы сильнее, и мужчина криво усмехнулся понимающей улыбкой.

- Дорогая, не советую злить меня еще больше, тебе нет смысла бороться.

Неуловимым движением намотал ее локоны на кулак и резко дернул, заставив Ламис разжать зубы. Хищно оскалился и, запечатав ладонью ее губы, врезался с новой силой в узкое лоно, страстно стремясь к финалу. Экстаз взорвался ослепительным фейерверком, и принц рванулся в сладостную глубину, изливаясь, чувствуя новую судорогу боли, пробежавшую по телу девушки. Тяжело приподнялся, сыто потянулся и цинично посоветовал, равнодушно глядя на сжавшуюся у своих ног золотоволосую девочку в разорванном платье.

- Не нужно отказывать принцу, милая.

Пробуждение было нелегким. Ламис запуталась в липком

кошмаре ночного сна. Во сне был другой мир: пугающий, жестокий, чужой. Ламис перевернулась на спину, и тут прозвучал низкий голос, заставивший ее в испуге распахнуть глаза:

- С добрым утром, красавица!

Через мгновение над ней склонился мужчина из ее сна. Длинные, черные волосы тяжелыми волнами ниспадали ему на плечи, глаза стыли серебристым льдом, губы кривила усмешка. Он широко улыбнулся, перекатился, и Ламис оказалась полностью придавленной его телом.

Она почувствовала шелк его волос, легкое касание губ и едва успела уловить яростное: "Я хочу тебя", как его рот смял ее губы, и он ворвался в нее. Впился в рот, глубоко проталкивая язык, и глухо застонал, чувствуя как ее, непривычно тесная плоть, стискивая, заставляет его кончить слишком быстро. Арман приподнялся на руках, глядя в заплаканные глаза вчерашней дебютантки. Сожаления он не чувствовал, слишком оглушительным было наслаждение от обладания хрупким телом. Несколько дней наполненных ее отчаянием, страхом и болью, обернулись самыми сладкими и желанными днями для него. Он хотел маленькую девственницу в собственность, в свою постель еще на немного, только чтобы развеять скуку дворцовой жизни для себя и научить манерам смелую девочку со слишком длинным язычком.

Ламис убаюкивала перебинтованную, горящую нестерпимым жаром руку. Лицо онемело от выверенных, хлестких ударов. Безжалостный любовник исчез и его место занял жестокий хозяин. Принц потянулся за бокалом, сделал глоток и, смерил насмешливым взглядом поверх бокала, скорчившееся в углу белокурое создание.

- Обойдемся без мелодрамы, милая, - мужчина сделал еще один глоток вина и жестом приказал девушке подойти, и сесть в кресло напротив. Та ответила мятежным взглядом и осталась на месте. - Ламис, даже мой вздох теперь для тебя непреложное правило.

Девушка упрямо вжалась в стену, но глаз не опустила и еле слышно фыркнула, выражая, таким образом, отношение к нему и его приказам.

- Милая, я становлюсь безрассудным, когда кто - то не выполняет моих просьб.

- Я бы сказала, что вы становитесь невменяемым, когда кто - то решается послать вас к такой - то матери.

Ламис заметила, как он вздрогнул от ее дерзких слов, встала и отступила подальше. Принц грациозно поднялся с

кресла, лениво, словно разминаясь, наклонил голову влево и вправо, потянул шею, повел плечами и направился к ней. Ламис предостерегающе выставила вперед здоровую руку и с чувством поклялась:

- Ударите меня еще раз, и я убью вас, когда уснете.

Арман уперся грудью в маленькую, дрожащую ручку и остановился.

- Твой острый язычок довел тебя до беды, сделай выводы, дорогая. Я - твой хозяин, смирись и прими это.

- А вы бы смирились с этим? - Глаза девушки блестели, то ли от вызова в ее словах, то ли от непролитых слез. - Вы не имеете права мной владеть.

Принц легко отбросил ее руку и, схватив ее за волосы, притянул к себе. Девушка попыталась вырваться из железной хватки, и унизительные слезы страха потекли по щекам. Она уже поняла, что он непременно будет ее снова бить, и мужчина, правильно истолковав ее загнанный взгляд, прошипел:

- Дорогая, ты ведешь себя слишком вызывающе.

Она успела прошептать "не надо", прежде, чем тяжелый кулак врезался ей в живот. Намотанные на руку волосы не дали упасть, и она беспомощно повисла, судорожно хватая ртом воздух, не в силах закричать от боли. Принц снова отвел руку, и Ламис тщетно попыталась избежать следующего удара.

Арман выпустил ее волосы, позволив ей тяжело упасть на пол у своих ног, и тут же несколько раз ударил ногой. Девушка глухо ударилась о стену и затихла. Постепенно пелена боли прояснилась и Ламис попыталась сесть. Это простое, казалось бы, движение удалось ей не сразу. Принц стоял неподалеку и, все так же спокойно, потягивал из бокала вино, равнодушно наблюдая за попыткой девушки принять вертикальной положение. Он бил в полсилы и, вряд ли нанес серьезные травмы, но заносчивости, у белокурой красавицы должно поубавиться.

- Мне просто интересно, вы каждую свою женщину избиваете или только мне повезло?

Арман прищурился, девочка не сломалась и продолжала дерзить, вопреки здравому смыслу.

- Ты - не моя женщина, ты - моя рабыня, вещь, как этот стол или стул.

Ламис безмятежно улыбнулась, и невольно мужчина застыл, недонеся бокал до рта. Девушка аккуратно пристроила забинтованную руку на коленях и невинно заметила:

- В отличие от ваших остальных вещей, я могу вполне внятно изъясняться.

- В отличие от остальных моих вещей, я вполне вероятно

могу причинить тебе боль.

Принц вальяжно развалился в кресле, закинув ноги на низенький пуфик, и смотрел странным, немигающим взглядом на бравирующую девчонку. Сцепив пальцы в замок, он закинул руки за голову, и белая рубашка соблазнительно натянулась, обрисовывая мускулистое тело.

- Ты меня забавляешь своей бессмысленной смелостью, но если ты думаешь, что я больше не трону тебя, то глубоко заблуждаешься: трону и гораздо сильнее. Я могу быть очень изобретательным в выборе наказания. Подумай об этом, в следующий раз, когда решишь наговорить мне дерзостей.

- Клеймо вы мне выжгли, изнасиловали и избили, - девушка бросила невинный взгляд на принца. - Просто интересно, что еще можно сделать с человеком, который виноват только в нарушении правил светского этикета?

- Я вижу, ты достаточно пришла в себя, чтобы я показал тебе мой любимый способ извиняться. - Арман с оскорбительной легкостью проигнорировал ее очередной вопрос. - Подойди ко мне.

У Ламис промелькнула шальная мысль ослушаться, но мужчина до жути равнодушно, пообещал:

- Я прикручу твои руки к кровати и исполосую плетью спину, потом выжгу клеймо на другом предплечье, не уяснишь урока, приглашу доктора с очень острым скальпелем. Он чисто, профессионально, по очереди, будет отрезать фаланги твоих пальцев сначала на одной руке, затем на другой. Пока не смиришься.

Он поманил девушку, и она безропотно встала перед ним.

- На колени, - скомандовал он, и Ламис опустилась на пол перед принцем. Арман расстегнул застежку на брюках, его рука коснулась ее золотых волос, склоняя голову ниже.

- Поласкай меня, милая.

2

Неясное чувство беспокойства разбудило Армана. Он протянул руку, но вместо теплого тела Ламис ощутил лишь холодные шелковые простыни. Раздражение затопило его, глупая девчонка, так и не уяснила прописные истины повиновения господину. Встал, накинул халат и вышел в гостиную.

Ламис сидела в кресле, прижав ноги к груди. Позади нее стояли двое слуг. Коротким жестом принц отпустил их и смерил оценивающим взглядом, присмиревшую пленницу. Изящные пальчики ног трогательно высовывались из под халата. Лицо спрятано в коленях, золотистые волосы немного растрепаны.

- Пыталась сбежать, - мужчина не спрашивал, а констатировал факт. - И далеко ушла, Ламис?

Принц чуть потянул за длинный локон, приказывая ответить. Девушка передернула плечиками и глухо, в колени, прошипела:

- Только двери открыла.

- Я же предупреждал, что сбежать от меня невозможно.

Ламис подняла голову и с подозрением огляделась, потом хмуро взглянула на мужчину.

- Клеймо и доктор скоро будут?

Арман присел на ручку кресла, провел кончиками пальцев по нежной коже ее лица и слегка усмехнулся:

- Думаю, обойдусь своими силами.

Девушка смерила его презрительным взглядом, испуга в глазах не было вовсе.

- Прекрасный, мужественный принц избивает слабую женщину. Сказочно, романтично и безумно притягательно. Предполагается унижать меня, пока не сломаюсь?

- Обещаешь сделать это?

Принц пристально смотрел в зеленые глаза, ожидая ответа. Ему нравилось ее сопротивление. Безрассудство, которое заставляло давать ему отпор раз за разом. Приятное разнообразие после множества согласных на все женщин. Арман привык вращаться в обществе утонченных, искушенных светских красавиц. Их опыт не уступал его собственному, и вот, он уложил в свою постель невинное создание, и это ему неожиданно понравилось. Понравилось настолько, что он решился привязать ее к себе, купить, получить в личное, безраздельное пользование, не особо заботясь о ее чувствах. Какое ему дело до того, что испытывает она? Привыкнет, смириться, понравиться... со временем. По губам принца мягко, обольстительно медленно

скользнула улыбка. Открытая, дружелюбная и от этого еще более подозрительная и опасная. Девушка отодвинулась от мужчины, насколько позволяли размеры кресла, и дерзко поинтересовалась:

- Будете бить?

- Боишься?

- Только за вас, - и видя недоумение, отразившееся на лице принца, язвительно добавила. - В вашем возрасте, и с вашими расшатанными нервами любая физическая нагрузка может привести к весьма печальным последствиям.

Ламис невольно сжалась, ожидая неминуемого наказания за очередную дерзость, но мужчина лишь хищно оскалился.

- Боюсь, твой юный возраст, и твой сумасшедший нрав уже привели тебя к печальным последствиям.

- Мои родители найдут меня, и я всем расскажу, как низко вы пали.

Ни тени сомнения в словах, одна твердая убежденность в собственной правоте. Неужели он был настолько старше и циничней ее? Нет, губы Армана чуть дрогнули в невеселой усмешке, он никогда не был настолько возмутительно наивным, даже будучи в ее возрасте. Жизнь наследного принца не располагает к сантиментам и высоким моральным идеалам. Он не мог позволить себе роскошь благородства и доброты. Он правил твердой рукой, доказывая императору и свету, что способен стать правителем, ни в чем не уступающем своему отцу.

Сейчас он смотрел в широко распахнутые зеленые глаза и молчал. Жалость, недостойное чувство, но принц не смог разбить ее наивные мечты на лучшее в людях. Вместо этого, он встал и бережно привлек ее к себе, целуя макушку золотистых волос.

- Пойдем в постель.

Девушка тут же попыталась высвободиться.

- Сейчас середина ночи, и я хочу спать. Сопротивляться будешь утром, милая.

Ламис лежала неподвижно, стараясь ничем не потревожить сон принца. Она была на редкость здравомыслящей девушкой, и расписала свою жизнь на несколько лет вперед. Она стремилась к одному: вырваться из нищеты, спасти родителей от пагубных пристрастий и зажить обыденной жизнью среднего класса. Именно последнего она желала больше всего: стабильности, предсказуемости и респектабельности. Небольшой особняк с белоснежными занавесками на окнах, ухоженный парк и вымощенная камнем дорога, чинно ведущая к ее воздушному замку. И самое главное, у нее был план, как исполнить задуманное. Ламис училась, старательно училась у старого соседа Вистериуса всему, что он знал. Она изучала науки, чтобы

поступить преподавателем в императорскую гимназию для девочек из высшего света. Жалованье откладывать в банк под проценты и кропотливо, по кирпичику восстанавливать семейную усадьбу, возвращая ей былое великолепие. Вистериус уже пообещал дать ей рекомендацию для директрисы учебного заведения, с каковой он был знаком лично.

Теперь, меньше чем за несколько дней ее жизнь изменилась до неузнаваемости. Если кто-нибудь, когда-нибудь, узнает, что она оказалась в постели мужчины, не будучи его законной супругой, позор будет просто чудовищным. Репутацию восстановить будет невозможно. Семейство Эстенбуков и так считали персонами нон грата в большинстве приличных домов. Ламис перестала посещать школу, всего через несколько недель, не выдержав града насмешек и издевательств одноклассников, с молчаливого согласия учителей. Никому не была нужна дочь опустившихся родителей, но Вистериусу она нравилась. Он считал ее слишком умной и красивой для жизни во всеми забытой провинции. Он обещал, что однажды ее жизнь измениться в лучшую сторону, ей только не стоит бояться перемен.

Сейчас ее растерзанная репутация лежала где - то в мусорном баке, рядом с ее изодранным новым платьем. Ламис вздохнула и осторожно попыталась выбраться из кольца рук принца, но он что - то, прошептав во сне, лишь крепче прижал к себе. Всю сознательную жизнь она мечтала быть нужной кому - то. Родители, окончательно разорившиеся вскоре после ее рождения, не обращали внимания на единственную дочь. Старый сосед обещал, что однажды весь мир будет у ее ног, но она сама оказалась жалкой рабыней у ног своего прекрасного господина. Девушка не представляла, что с ней будет дальше. У рабов нет желаний, нет стремлений и нет абсолютно никакой надежды. Все их существование подчиненно железной воле хозяина. Ламис тоже однажды пройдет, опустив голову, не смея без приказа поднять глаз, в темно - серой хламиде, заменяющей рабам империи одежду. Сколько раз она видела подобное на улицах их городка. Жалкие фигуры с поникшими плечами. Все в одинаковой одежде: мужчины, женщины, дети. Теперь она одна из них.

Ламис старательно пыталась смириться с новым существованием, чему ни мало способствовал жесткий характер принца. После того, как герб принца украсил ее второе предплечье, девушка возненавидела хозяина еще сильнее, но выказывать нрав остерегалась и послушно выполняла все его

приказы. Мир и гармония воцарились в апартаментах принца, но не в душе Ламис. Каждый день начинался, подобно предыдущему, и девушка, кусая губы, с ужасом смотрела, как светлеют стены сквозь занавеси на окнах, ознаменовывая новый день. Принц просыпался, лениво потягивался, разминаясь, и почти сразу наваливался сверху, с протяжным стоном входя в податливое тело юной рабыни. Ламис покорно, именно так, как и приказывал принц, приподнимала бедра навстречу его движениям, и судорожно гладила широкую спину, с перекатывающимися под смуглой кожей канатами натянутых мышц, пытаясь показать свою нежность. Она боялась боли, еще больше страшилась наказания, но в лихорадочно блестящей зелени глаз все равно дрожали слезы. И принц злился, и выходил из себя, и бил, жестоко избивал за то, что она не желала наслаждаться близостью с наследным принцем империи Дарина. После завтрака он уходил, и отсутствовал большую часть дня, появляясь в апартаментах ближе у вечеру. Истязания повторялись вновь, но теперь более изощренные и продолжительные. И однажды стало таким привычным втягивать голову в плечи, пытаясь, стать как можно незаметней, при звуках тяжелых шагов принца. Нет, она не пряталась, какой смысл в подобной глупости? Просто старалась сразу не попадаться на глаза хозяина, укрываясь за высокой спинкой кресла или плотной портьерой в изголовье кровати. Вот позовет, и она послушно выйдет: спокойная и уравновешенная. Взгляд безмятежный, спина прямая, плечи чуть отведены назад. Ни тени ужаса на лице, никакого заламывания рук, семенящей походки. Скромное поведение покорной рабыни. Все так, как приказал принц, вбивая свои слова в ее бестолковую голову. Причем вбивал он прописные истины в прямом смысле этого слова, головой девушки об стену. Ламис пыталась смириться изо всех сил, забыть себя, забыть все что было до того момента, когда она встретила заинтересованный взгляд серых льдистых глаз. Он все равно поставит ее на колени, но брать его член в рот, гораздо безболезненнее не разбитыми в кровь губами.

Она была одинока, многочисленная прислуга не обращала на нее никакого внимания, а когда она сама попыталась заговорить с молоденькой горничной, своей ровесницей, доложили принцу, и тот незамедлительно отреагировал в своей обычной манере жестокого, бесчувственного мерзавца, отхлестав ее по лицу в присутствии той самой горничной. После этого Ламис уже не пыталась подружиться хотя бы с кем - то из слуг. Лучше было быть одной, чем терпеть новые разочарования и наказания за неправильное поведение. Но однажды она увидела его. В серой одежде раба, юноша подстригал кусты роз в саду.

Иногда он отрывался от своего занятия и смотрел в небо с той же безбрежной тоской, словно читал мысли Ламис, и так же мечтал улететь из ненавистного дворца, как и она сама. Теперь, сразу после того, как за принцем закрывались двери, девушка занимала свое место у окна, наблюдая за работой садовника. Его лицо казалось ей одухотворенным, она, ничуть не сомневаясь, смело приписала ему благородство и великодушие истинного героя. На третий день, Ламис, с грохотом, уронила подсвечник ... и угадала. Юноша взглянул наверх и неуверенно, медленно улыбнулся ей, а она улыбнулась ему. Первое, робкое проявление доброжелательности по отношению к ней, в этом холодном, роскошном дворце дарило надежду на лучшие дни. У нее мог появиться друг. Они обменивались приветственными улыбками каждый день, и Ламис с волнением и внутренним трепетом ждала наступления утра, того момента, когда за принцем лакеи закроют двери. Однажды садовник пришел с топориком и пилой, ловко забрался на огромное дерево, ближе всех росшее к стене дворца и заговорщицки подмигнув Ламис, что - то метнул к ней в окно. Она нагнулась и подняла небольшой камешек с привязанным клочком бумаги.

" Я знаю, что тебя зовут Ламис, а меня зовут Талан. Приятно познакомиться, Ламис."

Ламис подошла к окну и посмотрела в сад, где сидя на дереве, Талан, ловко орудуя пилой, избавлял дерево от сухих сучьев. Словно почувствовав ее взгляд, он оторвался от работы и тепло, как старому другу, снова улыбнулся ей. Девушка прижала записку к груди, как самую большую свою драгоценность, и приветственно помахала рукой. Сейчас появится прислуга и значит надо ждать утро следующего дня.

Лакеи распахнули двери, но вместо прислуги, через приемную залу, в малую гостиную, где у окна стояла девушка, прошагал принц. Он остановился перед ней и отчего - то посмотрел прямо на руку с зажатой в ней запиской. Ламис застыла, но чего ей было бояться? Она не сделала ничего плохого, а о тайном друге никто не мог узнать. Принц молча изучал ее ледяным взглядом серебристых глаз, а потом отвернулся к окну. Ламис тоже посмотрела туда, боясь, что Талан наблюдает за ней, но юноша сосредоточенно выполнял свою работу, не глядя по сторонам. В саду появилось несколько охранников, один из которых приказал Талану спуститься вниз, и как только тот спрыгнул на землю, его неожиданно схватили. Ламис испуганно посмотрела на стоящего рядом принца, но тот равнодушно наблюдал за происходящим в саду. На крепкую ветку охранники накинули толстую веревку с петлей на конце, подтащили к ней

связанного садовника, и через мгновение безжизненное тело повисло, медленно раскачиваясь под деревом.

Принц повернулся к застывшей в ужасе девушке и холодно заметил:

- Какая нелепая смерть.

Ламис, словно очнувшись, отшатнулась от окна, но мужчина перехватил ее, и, зажав, волосы в руке, толкнул обратно, прошипев:

- Не так быстро, дорогая, ты должна насладиться зрелищем казни презренного раба. Ведь именно так, я однажды могу приказать повесить тебя, мою рабыню, собственность, мою личную шлюху. А сейчас отдай мне записку, которую тебе написал наш милый висельник.

Ламис поспешно вытянула руку и разжала дрожащие пальцы. Принц развернул клочок бумаги, прочитал и небрежно отбросил в сторону.

- Вы успели познакомиться, как это мило.

Мужчина отошел к кушетке, потянув за собой девушку. Расстегнул брюки, и удобно расположившись, приказал:

- Сядь на меня, дорогая.

Ламис оцепенев, смотрела на лениво развалившегося перед ней принца, и не могла тронуться с места от дикости происходящего. Но мужчина, видимо устал ждать, и, схватив за руку, дернул на себя.

- Дорогая, если ты не хочешь снять мое напряжение, таким образом, я буду рад прямо сейчас, оторвать тебе твою бестолковую голову.

Девушка, в полном оцепенение подняла юбку и сняла белье, потом медленно опустилась на твердый член, с трудом принимая его в себя. Руки принца нетерпеливо сжали ее бедра.

- Двигайся, Ламис.

И Ламис послушно приподнялась и снова опустилась, чувствуя привычную боль от погружения в нее твердой плоти. Она ритмично поднималась и опускалась, так как он ее научил, безучастно глядя на пуговицу его белоснежной рубашки. Сокрушительный удар по лицу свалил ее на пол: Ламис моментально сжалась, прекрасно осознавая, что за этим последует. Она не угодила, в который раз, и сейчас ее будут наказывать. Обжигающий удар плети по спине заставил, против воли, выгнуться и закричать. Новый взмах и удары посыпались один за другим. Ламис слепо рванулась в сторону, пытаясь уползти под кушетку, но наткнулась на ноги принца, обутые в высокие сапоги. В следующую секунду ее рывком поставили на колени, и огромный член толкнулся ей в рот. Это не причиняло

боли, это было только противно. Ламис безропотно обхватила головку губами, обвела языком, взяла в рот и принялась старательно сосать, скользя пальчиками по всей длине члена, другой рукой лаская мошонку. Пальцы принца зарылись в ее волосы, притягивая ближе, задавая темп. На мгновение сжались, и в рот девушки хлынула пряная, чуть солоноватая жидкость. Ламис проглотила ее всю, старательно обвела языком головку, слизывая последние капли, но губ не разжала, ожидая обязательного приказа принца.

- Можешь встать, милая.

Ламис поспешно поднялась, глядя себе под ноги. Исполосованная плетью спина горела и причиняла неимоверное страдание. Она боялась плакать, это могло разозлить принца. Сейчас он назвал ее "милой", а это значит, что он захочет продолжения. Только бы он опять захотел ее в рот. Но следующие слова принца развеяли ее отчаянную надежду.

- Сними платье, Ламис.

Девушка торопливо расстегнула ворот и аккуратно стянула платье, переступила через юбки и покорно встала перед принцем. Еще месяц назад она и помыслить не могла о том, что будет стоять абсолютно нагой перед мужчиной. Теперь на ее лице очередной кровоподтек, и спина одна сплошная рана, а она стоит и надеется взять его член себе в рот.

- Встань на четвереньки.

Ламис непроизвольно вздрогнула, но покорно опустилась на пол. Когда она только появилась здесь, случайно подслушала, как между собой, в разговоре, служанки называют ее золотоискательницей, которая намеренно заманила наследника империи в свои сети, уложила в постель, соблазнила своим телом, надеясь на новые титулы и земли для своей разорившейся семьи. Ламис искренне не представляла, какую выгоду можно извлечь из близких отношений с принцем, и как по доброй воле, можно ложиться в его постель, чтобы раз за разом испытывать ту раздирающую боль от проникновений его члена.

Его пальцы коснулись ее лона, чуть нажали, втиснулись и замерли.

- Дорогая, ты меня совсем не хочешь.

Принц убрал пальцы и рывком вошел в девушку. Ламис прикусила губу, чувство заполненности разрывало внутренности. Принц рванулся вперед, полностью насаживая ее на себя, и девушка застонала. Мужчина начал методично двигаться, все яростней погружаясь в тесное лоно, разрывая, намеренно причиняя боль. Ламис беззвучно плакала, вздрагивая в такт ударам мужского члена. Принц был ненасытен. Он намотал ее

волосы себе на руку и заставил приподняться, жестокой лаской сжал грудь, встал, не выходя из нее, подошел к столу. Опустил животом на гладкую столешницу и навалился сверху, причиняя новую боль израненной спине, и прерывисто зашептал в ухо.

- Так тебе нравиться, дорогая? Ты не видишь моего лица, и ты можешь представить, на моем месте кого угодно. Например, своего садовника, висящего в петле на суку. У тебя богатое воображение, дорогая, ты сможешь представить, что это он, а не я сейчас трахаю твое нежное тело. Как я постоянно представляю себе, что ты стонешь подо мной не от боли, а от наслаждения. Мы будем притворяться вместе, дорогая, и может, однажды ты перестанешь быть в постели холодной сукой, которую невозможно расшевелить.

Принц кончил, когда Ламис уже могла лишь обессилено стонать в ответ на особенно глубокие толчки. Мужчина встал, привел в порядок свою одежду, и равнодушно бросил, лежавшей на столе изломанной кукле.

- Заведешь себе еще одного друга, и я убью его гораздо медленней этого садовника. Ты - моя вещь, у тебя есть только хозяин, и никаких желаний и тем более нет друзей. Мне жаль портить твою смазливую внешность, но прошу поверить мне на слово. Этот месяц покажется тебе сказкой по сравнению с тем, что я устрою тебе за следующий проступок.

Арман принял ванную, переоделся и, глядя в зеркало, расчесал влажные волосы на прямой пробор. Отец прислал приглашение на неофициальный обед в кругу его нескольких приближенных. Принц уже опаздывал, слишком увлекшись своей рабыней. Стремительно промаршировав в крыло дворца, которое занимал император, Арман вошел в гостиную и с порога наткнулся на гневный взгляд единственного гостя отца. Дядя, старший брат матери, Вистериус стоял перед ним. Арман холодно поздоровался с отцом и ограничился легким кивком дяде. Представление началось незамедлительно.

- Арман, как ты мог так поступить с Ламис? Ты казнил ее родителей! Ты сделал из невинного создания наложницу. Я послал ее в столицу, чтобы ты смог назвать ее своей невестой! Она бы любила тебя, только тебя, а не свое положение принцессы Дарина. Она - настоящая, мой мальчик, искренняя. Ламис приносит счастье.

Старик расстроено замолчал, глядя себе под ноги. У Армана возникло подозрение, что старик пытается сдержать подступившие слезы. Принц совсем не помнил мать,

происходившую из знатной семьи, потратившей свое состояние на благотворительность. Став императрицей, она курировала приюты империи, и там подхватила какую - то заразу, сведшую ее в могилу за три дня, когда он был еще младенцем. Дядя приезжал несколько раз в год, но его философия и образ жизни были абсолютно чужды наследному принцу. Арман предпочитал властвовать.

Принц укоризненно посмотрел на отца: почему не предупредил? И обратился к дяде, стараясь придать своему голосу нужные интонации.

- Дорогой дядя, я уверяю вас, что девушка отлично устроена и ни о чем не жалеет. Что по поводу ее родителей, то они получили именно то, что заслуживали, продав в рабство собственного ребенка.

Дядя дернулся и, в крайней степени изумления, уставился на принца. Казалось, что он не мог поверить в услышанное и принц мысленно выругался. О том, что Ламис стала рабыней дядя, видимо, не слышал.

- От всей души надеюсь, что предложение продать своего ребенка, исходила не от тебя, Арман.

Принц тяжело вздохнул и легко солгал:

- Я лишь выкупил ее, но клеймо уже было поставлено. Я сделал все, что мог. - Голос предательски сел, как только принц вспомнил тонкое, нежное тело, вздрагивающее под ним. - Девушка счастлива, быть со мной.

- Я не верю тебе, Арман. - От пожилого человека не укрылись сладострастные нотки во внезапно охрипшем голосе племянника. - Ламис слишком консервативна, чтобы найти счастье во внебрачной связи с мужчиной.

- Даже, если он - принц крови?

- Тем более, если он - принц крови. Единственное к чему стремилась Ламис, так это обрести нечто постоянное, респектабельное, настоящее. Ее не соблазнить золотом и положением при дворе. Она лишена корысти во всех ее проявлениях. Я не могу поверить, что она по собственной воле легла к тебе в постель, согласилась стать любовницей. - Старик посмотрел принцу в глаза. - Я хочу встретиться с ней, и просто поговорить.

Арман напрягся. Это желание было не выполнимо, хотя бы потому, что вид вздрагивающей от любого шороха, рабыни с легкостью развевал все его слова о добровольности ее нового положения.

- Это невозможно устроить, дорогой дядя.

- Что ты видишь невозможного в простой просьбе. Пригласи

Ламис сюда, я встречусь с ней в твоем присутствии.

Арман сунул руки в карманы брюк, и чуть склонив голову набок, цинично признался:

- Два часа назад я избил ее, дядя, потом отымел и она так жутко кричала подо мной от боли, что боюсь еще не скоро, будет в состояние вас принять.

- Мальчишка, глупец! - Вистериус схватился за голову, в ужасе от слов племянника. - С ней бы ты узнал счастье.

Принц глумливо рассмеялся.

- Уверяю вас, дядя, когда я натягиваю на себя эту красавицу, я испытываю чистое, ни чем незамутненное наслаждение. Она дарит мне счастье. Все случилось так, как вы того и хотели.

Вистериус мечтал подарить девочке весь мир и прекрасного принца, в придачу. И сейчас старик смотрел в красивое лицо племянника и не находил в нем следов раскаяния. Арман сломал жизнь наивному ребенку и не испытывал мук совести.

- Пять месяцев назад именно ты, дядя, настаивал на нашем знакомстве. - На губах принца играла издевательская улыбка. - Я отказался, но ты прислал ее в Сталлору. Признаю, ее острый язычок в сочетании с утонченной красотой зацепил меня, но я не обещал на ней жениться. Это были ваши с отцом домыслы. Меня вполне устраивает сломленная, униженная шлюха с выжженным клеймом на обеих руках. И последнее, дядя, целиком ваша заслуга. Ну, не нужно было скрывать от девочки мой характер. Прежде, чем я приучил ее к послушанию, прошли две бесконечные недели, наполненные для нее сплошным ужасом и болью. Хотите встретиться с ней, пожалуйста, но вы не сможете ей помочь. Пока я хочу ее в своей постели, она будет там, но я непременно дам тебе знать, как только Ламис мне наскучит.

Последние слова он произнес в спину удаляющемуся Вистериусу. Лакеи закрыли за ним двери. Император, молчавший в течение всего разговора, тихо заметил:

- Ты же знаешь, что он любит девчонку, как дочь. Зачем эти натуралистические подробности ваших отношений?

Арман повернулся к отцу, сидящему в одиночестве за столом.

- Неужели мой дядя думал, что я буду читать ей сентиментальные стишки и признаваться в любви? Ты видел Ламис на представлении ко двору. Кто сможет устоять перед желанием сделать эту совершенную красоту своей, и плевать мне на ее моральные устои.

Император устало потер переносицу и примирительно взглянул на сына.

- Ты мог бы жениться на ней, если так хотел, и сломать потом. Тебе тридцать два года, империи нужен наследник.

- Дорогой папа! - Принц разозлился. - Я предпочитаю взять в жены аристократку с безупречной родословной и репутацией, которая прекрасно знает светские правила игры. Я обязательно женюсь и подарю тебе внука, но позже. Сейчас не нужно на меня давить, я плохо поддаюсь дрессуре.

- Когда девчонка тебе надоест, отправь ее к Вистериусу. Я буду, признателен тебе за эту услугу.

Арман направился к двери, остановился и ядовито сказал:

- Все мои личные вещи после употребления уничтожаются. Скажи мне, почему Ламис должна избежать подобной участи?

- Оставь девочке жизнь, Арман. - Император встал из - за стола, и подошел к сыну. - Еще месяц, два она будет развлекать тебя, потом надоест. Прояви великодушие по отношению к дяде, отправь ему девчонку. Он твой родственник, сделай ему подарок.

- Я сказал, нет, император, но я пришлю ему приглашение на ее казнь.

К себе Арман вернулся в том состояние ледяной ярости, когда ему лучше было не попадаться на глаза. Ламис он нашел ванной комнате, сжавшуюся под его бешеным взглядом, закутанную в нелепый халатик серого цвета. Принц не был поклонником жесткого секса. Он любил дарить наслаждение и получать его от умелых ласк опытных женщин. Он и с Ламис пытался построить подобные отношения, но та со всем пылом ограниченного, плебейского воспитания отказывалась получать удовольствие в объятиях самого желанного мужчины империи Дарина. И это немного задевало Армана, злило, временами выводило из себя, доводило до бешенства. Как сегодня утром.

Некоторое время назад, ему доложили о взглядах и улыбках между новым садовником и Ламис. Принц решил подождать. Настроение девушки заметно улучшилось, он видел, с какой тщательностью она стала по утрам укладывать волосы в свою любимую прическу - незатейливый узелок. Рабу тем временем уже рассказали, кто эта девушка в окне и чем она является для принца. Садовника это не остановило. Он написал записку и этим подписал себе смертный приговор. Его личная шлюха предпочла принцу крови улыбки обычного раба. Вистериус ради нее приехал в столицу и устроил натуральный скандал, с нелепыми обвинениями и претензиями.

Арман жаждал удовлетворения, а вид сжавшейся от ужаса

Ламис возбуждал.

- Сними халат, дорогая.

Девушка затравленно втянула голову в плечи, но халатик послушно скинула. Принц невольно оскалился.

- Теперь раздень меня.

Тонкие руки торопливо замелькали, освобождая мужчину от одежды. Ламис опустилась на колени, стягивая с него сапоги, и взгляду принца предстала спина, сплошь покрытая все еще кровоточащими ранами. Шрамы будут отличным напоминанием рабыне о несомненной пользе смирения и покорности.

Ламис сложила одежду и замерла, ожидая следующего приказа хозяина. Арман приподнял ее лицо за подбородок, принуждая смотреть ему в глаза.

- Как ты хочешь меня, Ламис? - Проникновенно спросил принц. - Сегодня мы будем делать то, что нравиться тебе.

Девушка была слишком молода и еще не научилась контролировать свои эмоции. Отвращение, отразившееся на ее лице, было настолько явным, что Арман невольно рассмеялся. Что ж, обоюдной страсти он предастся в постели с любовницей, а с рабыней он будет доминировать и подчинять.

- Наклонись и упрись в стену руками, дорогая.

Ламис тут же исполнила приказ. Низ живота нестерпимо ныл, она с ужасом представила, как его член снова входит в нее, растягивает и разрывает. Девушка решилась умолять. Не смея ослушаться приказа, она лишь повернула голову, глядя на принца из - за плеча.

- Прошу вас, господин, разрешите поласкать вас ртом. - Она почувствовала, как головка члена уперлась в ее лоно, и зашептала с новой силой. - Я буду стараться, умоляю, вам понравиться, господин, позвольте поласкать вас ртом.

- Смотри в зеркало, Ламис. - Принц сжал ее волосы, заставляя смотреть прямо перед собой в зеркальную стену. - Я хочу, чтобы ты видела кто именно внутри тебя.

Удар бедрами и Ламис закричала. Мышцы лона судорожно сжались вокруг члена, тщетно пытаясь вытолкнуть его обратно. Принц не шевелился, наблюдая в зеркальном отражение, как судороги боли пробегают по залитому слезами лицу. Девушка открыла глаза, и принц прохрипел, не отрывая от нее взгляда.

- Закроешь глаза еще раз, сука, накажу.

Мужчина чуть отстранился, вошел, помедлил и начал методично бить членом в измученное тело. Наблюдая в зеркало, как искусанные в кровь губы о чем - то униженно молят. Экстаз растекся по телу, Арман рванулся в глубь. Судорога боли, и протяжный стон были очень похожи на спазм желания и крик

восторга. Принц криво усмехнулся: Ламис понравилось. Он вышел из нее, и девушка тяжело упала на пол, зажимая промежность руками и трусливо отползая к стене. Ее трясло. Арман лениво потянулся, размял пальцами шею и непринужденно заметил:

- Старый, добрый Вистериус знал, что лучший секс будет у тебя лишь со мной. - Дождался вскинутых на него изумленных глаз и снисходительно пояснил. - Ваш сосед Вистериус, мой дядя, это он попросил императора выслать тебе приглашение на бал. Благодаря этому человеку ты сейчас лежишь подо мной.

Изумрудный взгляд потух. Теперь Ламис знала кто виновник ее бед. Принц усмехнулся: " Вот так, дядя. Теперь это воздушное создание будет ненавидеть тебя до конца твоих дней". Арман не был садистом, но то с каким упорством девушка пыталась избежать любого его прикосновения, приводило его в исступление. Ему не нравилось, как она сжимается и трясется от страха в его присутствии. Он желал поклонения и благодарности. Арман был в ярости, но избивать уже избитое и изнасилованное существо, казалось мало привлекательным. Он переоделся в гардеробной и направился в апартаменты любовницы.

Графиня Каммина Коттс была немногим старше Ламис, но уже успела побывать замужем и овдоветь. Принц приехал на тот бал, только по настоятельной просьбе друга, в самом жутком своем настроение. Он не хотел избивать Ламис, но та делала все, чтобы ее наказали. Герцог Мавелло что - то рассказывал ему, но принц не вслушивался, рассеяно скользя взглядом по бальной зале. Белокурая, стройная женщина стояла в одиночестве у окна. Чем - то неуловимым она на мгновение напомнила ему строптивую рабыню. Тонкий стан был соблазнительно, обтянут белым шелком, тщательно завитые локоны, небрежно заколоты на макушке. Именно в белом платье и с подобной прической Ламис впервые предстала перед ним. К окну подошли две дамы, и женщина повернулась. Принц почувствовал слабый укол разочарования: общим у них с Ламис были только цвет волос и фигура. Мавелло заметил устремленный за его спину напряженный взгляд Армана, обернулся, проследил за взглядом принца и, доверительно наклонившись, произнес:

- Это графиня Каммина Коттс. Престарелый супруг скончался не так давно, оставив ее молодой и богатой вдовой. Желаешь, чтобы тебе ее представили?

Он пожелал и, в ту же ночь графиня стала его любовницей. Он поселил ее во дворце. Она сопровождала его на балы и охоту. Каммина обладала безупречным вкусом, изысканностью манер, легким нравом и чувственной натурой. В ней было все то, что он

не смог найти в своей рабыне.

Графиня сидела на диванчике, листая книгу, и рассеяно накручивая золотой локон на пальчик. Она приветливо улыбнулась, отбросила книгу и протянула принцу руку для поцелуя.

- Мой дорогой принц, какой приятный сюрприз. Я не ждала вас раньше вечера.

Арман опустился рядом на диван, и женщина тут же обвила руками его шею, ласкаясь. Принц впился жарким поцелуем в ее губы, проталкивая язык, лаская сладкое небо. Распахнул корсаж платья, нежной лаской сжал небольшие груди, лаская пальцами чувствительные соски. Графиня извернулась, скинула платье и, расстегнув застежку брюк, вытащила возбужденный мужской член. Сыто облизнулась, но принц, притянув ее к себе, уложил на диван и, опустившись на колени между широко разведенных ног, жадно впился ртом во влажное лоно, лаская языком, покусывая, заставляя выгибаться от закипающего наслаждения. Почувствовав первую судорогу приближающегося оргазма, Арман приподнялся и принялся яростно, короткими ударами, погружаться в податливое тело, подводя к следующему, мощному оргазму. Вышел и, перевернув женщину на живот, потянул девушку на себя, толкнувшись членом в тугое колечко. Осторожно нажал головкой, помедлил, полностью вошел и остановился, чувствуя, тесное объятие судорожно сжатых мышц. Нежно прикусил трепетный изгиб шеи, притянул ближе, прижимая тонкую спину к своей груди и ласково, успокаивающе зашептал в маленькое ушко: "Милая моя, нежная, я не причиню тебе больше боли". Чуть вышел, снова вошел и, заскользил в сладком, дурманящем обоих ритме. Девушка закинула руки за голову, лаская пальцами мускулистые плечи, извернулась, подставляя губы под его жадные поцелуи. Экстаз накрыл такой оглушительной волной, что принц, не сдержавшись, зарычал, изливаясь в глубину желанного тела, судорожно сжимая его в крепких объятиях, не в силах разорвать связь. Обессилено уткнулся лбом в белоснежное плечо, не желая открывать глаз, возвращаясь в реальность. Графиня что - то сказала, но мужская ладонь запечатала ей рот. Арман криво усмехнулся. Только, что он занимался любовью с Ламис, и она отвечала ему, поддавалась навстречу, страстно шепча его имя.

Графиня лизнула его ладонь, и принц опустил руку.

- Вы были бесподобны, Каммина.

Женщина призывно улыбнулась.

- Арман, вы несравненный любовник, - графиня грациозно поднялась, потянув принца за собой. - Нас ждет ванная.

Принц встал, лениво наблюдая за соблазнительным

белокурым созданием, порхающем по комнате невесомой бабочкой. Он знал, как заставить Ламис потерять голову от страсти.

Принц заканчивал завтрак, рассеяно барабаня кончиками пальцев по отполированной поверхности стола. Настроение было отвратительным, впрочем, ничего необычного в этом не было. С тех пор, как в его жизни появилась Ламис, состояния глухого раздражения и холодной ярости сменяли друг друга с завидным постоянством. Глупая девчонка отказывалась принимать столь удачное для нее, нищей провинциалки, стечение обстоятельств. Еще месяц назад Арман и думать не собирался о том, чтобы поселить кого - то в своих апартаментах. Он всегда предпочитал нейтральные территории для встреч, благо во дворце Дарина места хватало. Полгода назад он не обратил никакого внимания на портрет Ламис, который его дядя сам написал и отправил в Сталлору. Миловидная блондинка, но, сколько таких было и будет на его пути? Слишком молода на его вкус. Арман останавливал свой выбор на искушенных, умеющих принимать и дарить удовольствие дамах. Что могла ему дать связь с юной девственницей? Вступать в брак он не собирался, и попытаться заманить его туда, с помощью смазливой мордочки было заведомо безнадежным делом. Но Ламис появилась на балу, и он зачем - то пошел за ней в ту беседку.

Да, сейчас он признавал, что все ее действия были случайными и непреднамеренными, но в тот вечер Арман решил воспользоваться ситуацией, и поддаться соблазну, почувствовав себя не охотником, а добычей. Ламис так откровенно, крайне вызывающе пыталась отделаться от его внимания. Его это завело? Нет, довело до бешенства. Юное создание, являющее собой неприкрытый, откровенный соблазн: ее кожа светилась, грудь поднималась в слишком глубоком декольте дешевого платья. Она едва провела язычком по приоткрытым губам, как он потерял голову от желания. А девчонка стояла и старалась вежливо от него избавиться, не замечая, что он уже готов разорвать на ней платье, будто помешавшийся от страсти мальчишка.

Слишком много насилия в их первую ночь? Он признавал свою ошибку, но девчонка никак не желала смирить характер. После, он пытался наладить их отношения, не его вина, что Ламис не желала получать свою долю наслаждения. А это бессмысленное простаивание у окна, игра в "переглядки" с презренным рабом? Он злился, нет! Но понять отказывался. Она

лежала в постели наследника империи, но мечтала увидеть ничем не примечательного садовника. Было ли задето его самолюбие? Вздор. Он впадал в ярость только оттого, что его личная шлюха не желала по доброй воле ложиться с ним в постель. Нищая, безродная девка отвергала принца крови. К услугам Армана были все аристократки империи Дарина. Ему не отказывали, разделить с ним постель считали честью, он был всегда щедр со своими любовницами, а эта дрянь извивалась и стонала под ним только от боли и страха. Он не был насильником, но чувствовал себя им, каждый раз принуждая Ламис разделить с собой постель.

Лакеи растворили дверь и, согнувшись в почтительном поклоне, к столу просеменил невысокий старичок, в длинной, волочащейся по полу, накидке.

- Ваше Высочество, со всем моим почтением, спешу доложить Вам, что у вашей рабыни всего лишь небольшое недомогание. Я посмел назначить лечение и уже отдать необходимые распоряжения по этому поводу горничной. Еще, если позволите, Ваше Императорское Высочество, я бы порекомендовал воздержаться на несколько дней от постельных утех с вашей рабыней.

Старик замер, не осмеливаясь взглянуть на наследного принца Дарина. Он много лет был придворным доктором, и был прекрасно знаком с нравом принца. А он только, что посмел рекомендовать воздержание от любимой игрушки наследника. При дворе сплетничали, что резко изменившийся вкус принца относительно женщин, всегда предпочитавшем жгучих брюнеток, произошел вскоре после того, как в его постели оказалась юная рабыня.

Арман не спеша, допил кофе, приложил салфетку к губам и, после этого взглянул на старика.

- Кассиус, я желаю, чтобы ты составил снадобье, возбуждающее плотское желание. Какой толк спать с женщиной, если она холодна, как лед. Добавь его к тем порошкам, которые присылаешь для Ламис. Я лично займусь этим.

Принц жестом отпустил слугу и приказал налить себе еще чашечку кофе. Сегодня его, несомненно, ждал занимательный вечер, но перед этим еще была встреча с отцом и военный совет. Арман сделал глоток кофе. Император настаивает на поездке в Инихсан, государство маленькое, но довольно богатое. Единственной наследницей правителя была красавица дочь. И если ему все доложили верно, отец приступил к переговорам за его спиной, предлагая принцессе брак с наследником престола Дарина. Арман не собирался вступать в брак, а если императору необходимы новые земли, то они вполне готовы начать военную

компанию по силовому захвату Инихсана. Да, принц презрительно скривил рот, встреча с отцом обещала стать бесполезной тратой времени.

Император завел опостылевший разговор, как только Арман опустился в кресло напротив отца.

- Хотя бы взгляни на портрет принцессы Инихсана, сын. - Император указал на стоящий у стены портрет. - Она королевских кровей и умна, а ее манеры безупречны. В ней есть все, чтобы стать идеальной императрицей Дарина и матерью твоих детей.

- Интересно, как рассуждал ты, соглашаясь на авантюру Вистериуса? - Принц закинул руки за голову, вытягивая ноги на пуфике. - Ламис не подходит ни под один из данных критериев, но ты отослал ей приглашение на бал.

Император безмятежно улыбнулся, игнорируя попытки сына перевести разговор в другое русло.

- Я прошу тебя обратить внимание на достойную во всех отношениях девушку, равную тебе по положению, а ты предлагаешь обсудить безродную шлюху.

- Но именно эту шлюху, ты в свое время, счел достойной стать матерью моего сына.

- Я всего лишь допустил ваше личное знакомство. Это Вистериус доказывал мне, что именно сей не ограненный бриллиант, способен стать любовью всей твоей жизни. А теперь скажи мне, почему ты не хочешь остановить свой выбор на принцессе Инихсана?

- Дорогой император, - Арман насмешливо посмотрел на отца. - Я не собираюсь вступать в законные отношения только потому, что вы настаиваете на внуке. Или незаконнорожденный ублюдок вас устроит?

- Ребенок Ламис станет таким же рабом, как и его бестолковая мать. - Император презрительно скривился. - Надеюсь, ты не собираешься шантажировать меня этим?

- Я всего лишь упомянул о возможном развитии событий, мой император. Будете продолжать давить на меня, и я подарю вам бастарда, если уж вам так хочется увидеть моего ребенка.

- Кассиус рассказал мне о некоторых проблемах твоей постельной забавы. Едва ли, она сможет доносить дитя до положенного срока. Будешь угрожать мне, останешься без шлюхи, Арман.

Принц встал, положив конец пустым препирательствам с отцом.

- Ламис только моя забота, император. К тому же я упоминал бастарда, а не раба.

Над Сталлорой занимался рассвет, подсвечивая бегущие по небу облака розовато - лиловым светом. Арман нежился в постели, целуя белокурые локоны и замутненные блаженством зеленые глаза юной рабыни. Ее тонкие пальчики вырисовывали замысловатые узоры на его груди. Принц коснулся легким поцелуем золотистой макушки.

- Пора засыпать, Ламис.

Она послушно уткнулась ему куда - то в бок, но, почти сразу отклонившись в его крепком объятии, доверчиво прошептала:

- Поцелуй перед сном.

Принц склонился, но ее руки притянули его еще ближе. Припухшие от ночных ласк, нежные губы приоткрылись, с легким стоном удовольствия впуская его язык, страстно отвечая на его жадный поцелуй.

- Спокойного сна, милая.

- Приятных снов.

Мужчина вопросительно приподнял одну бровь, и Ламис поспешно исправилась, счастливо улыбаясь в стывшие серым льдом, глаза.

- Арман.

Девушка уже давно заснула, а принц все продолжал перебирать золотые пряди, словно не в силах оторваться от их гладкого шелка, вдыхая аромат, исходившей от них невинности. Всего одна ночь взаимной, всепоглощающей страсти и Арман совершенно потерял голову. Она была ему необходима, он чувствовал себя счастливым от того, что тонкие руки по собственной воле обвивали его шею. Она отвечала на его ласки, вначале смущаясь, потом все смелее и жарче, теряя голову от страсти, увлекая его за собой в этот сладостный омут. Они не могли оторваться друг от друга. Арман криво усмехнулся: одна маленькая ложка порошка, растворенная в бокале вина, сделала его счастливым. Они уедут в Темный замок, на побережье. Море, соленый воздух и белый песок. Что еще нужно, чтобы забыть о мерзости прошлых отношений? Принц пошевелился и Ламис, что - то, неразборчиво зашептав, придвинулась еще ближе, обхватывая его руками и ногами. Мужчина нежно отвел упавшую на ее лицо прядь волос, невольно поморщившись при виде кровоподтека на ее скуле. Он ее больше пальцем не тронет, между ними все изменится, он станет ласковым и добрым хозяином для своей прелестной собственности. Одинокая, изолированная и сломленная безысходностью своего положения, Ламис будет ему безгранично признательна за нежность и внимание. Она полюбит его, и этим привяжется гораздо сильнее,

чем он привязал ее к себе договором приобретения.

Ламис не думала о том, почему так внезапно изменились отношения между нею и принцем. Она устала бояться, чувствовать ледяной ужас и трепет при появлении принца, и теперь просто наслаждалась удивительным и внезапным счастьем, осознанием того, что тебя любят, лелеют и заботятся. Она просыпалась от поцелуев красивого принца и засыпала в объятии его нежных рук.

Темный Замок, куда Арман увез ее из столицы, возвышался на вершине скалы, врезающейся в море. Слуг почти не было видно, и порою казалось, что они находятся здесь совсем одни. Ламис буквально лучилась от радости, и ее заливистый смех постоянно звучал под сводами старого замка. Как только прибыл ее новый гардероб, в котором полностью отсутствовал серый цвет, принц стал вывозить ее на прогулки и пикники. И каждый день Арман делал ей подарки. На ее туалетном столике уже лежали бархатные коробочки со скромной золотой цепью в паре с огромным бриллиантовым кулоном. Одно колье с изумрудами, два с кроваво - красными рубинами и пятнадцать колец различной формы. Ламис искренне была благодарна, но надевала украшения только по настоятельной просьбе принца. Гораздо больше она обрадовалась разрешению посещать библиотеку в любое время. Ее благодарный поцелуй закончился тем, что Арман, даже не попытавшись дойти до спальни, занялся с ней любовью прямо на столе с утренним чаем. Шаг за шагом, обволакивая нежностью, принц затягивал Ламис в омут страсти, где она потерялась навсегда, растворившись в безграничной любви и доверие к своему красивому принцу.

Арман просыпался и засыпал, сжимая Ламис в своих руках, как самую дорогую свою драгоценность. Они вместе завтракали и обедали. Принц усаживал ее на диван в кабинете, когда работал. Ему нравилось просто смотреть на нее, наблюдать, как порою, она отрывается от чтения книги и устремляет затуманенный взгляд в окно, словно улетая за тысячу миль от замка. Она смутилась, когда он подарил ей новые платья и драгоценности, но, получив разрешение посещать библиотеку, была так искренне и восхитительно благодарна. Ламис шептала ему слова любви, и он, теряя голову от владения ее телом, отвечал ей, шепча в ответ, такой же приторно - сладкий бред. Ей хотелось романтики, забвения о том, чем она на самом деле является для него, и принц с удовольствием подыгрывал ей. Ламис расцветала подобно цветку в его руках, и его нектар предназначался только для его губ. Он пил ее сладкие стоны, ласкал хрупкое тело, забывая обо

всем, кроме тонких рук на его плечах и тугого тепла, заставляющего хрипеть от страсти. Она мечтала, и он обещал ей исполнение любой ее грезы. Ее восторженный взгляд, которым она смотрела на него, делал его выше, лучше в собственных глазах. Ему нравилось быть просто любимым. Даже будучи мальчишкой, наследник не терял головы от первых красавиц империи Дарина, он всегда считал себя слишком умным для подобных глупостей. Возможно, Вистериус был прав. Счастье было совсем рядом. Арман мог бы жениться на ней, но это бы стало его величайшей ошибкой. Он не считает нужным быть верным одной женщине, а Ламис с ее плебейским максимализмом… Никогда не примет его образ жизни, что приведет к примитивным ссорам из - за банальной женской ревности.

3

Солнце слегка просвечивало через узорный ряд листвы, падая причудливым узором на расстеленный, под огромным деревом, плед для пикника. Муравей торопливо пробежал с хлебной крошкой возле пальца Ламис. Девушка чуть сдвинулась, убирая руку с пути насекомого, и принц тут же пошевелился, жадно прижимая ее к своей груди, и хрипло произнес, заглядывая в зеленые глаза:

- Проснулась, милая?

И не дал ответить, сминая губы жестким ртом, укладывая на спину. Торопливые ласки и девушка покорно выгибается на встречу его движениям, принимая в себя его твердый член. Арман отрывается от сладких губ, меняя положение, сжимает тонкие бедра и рывком погружается весь, чувствуя слабые, судорожные попытки девушки избежать глубокого проникновения. Он слышит болезненные стоны, ощущает плечом ее прерывистое дыхание, но желание слишком сильно мутит разум, заставляя рывками проникать в восхитительно - узкое тепло, сулящее ослепительный экстаз. Он целует ее волосы, шепча бессмысленные слова утешения и раскаяния, и Ламис гладит пальчиками его спину, стараясь расслабиться и не мешать хозяину, получать удовольствие. Но слезы предательски скатываются по лицу, и к тому моменту, когда принц глухо застонав, врывается особенно глубоко, безудержные рыдания сотрясают хрупкое тело рабыни.

- Прости, я опять был не сдержан, но ты сводишь меня с ума, милая.

Арман сцеловывает слезинки с бледного личика, прижимая с ласковой силой ближе к себе. Девушка пытается улыбнуться, и сердце принца предательски сжимается от глупого, мимолетного раскаяния. Он сделал все, чтобы уничтожить ее как личность, и теперь, когда он насилует свою девочку, та всего лишь раскаивается, что портит наслаждение любимому господину.

- Ночью было совсем не больно, Арман.

Юная рабыня нелепо утешает наследного принца империи Дарина, дабы он не испытывал мук совести, от того, что причинил ей боль. Совесть Армана не мучила вовсе, более того, он намеривался сегодня уложить девушку под себя еще минимум два раза, прекрасно осознавая, что снова причинит ей боль своими ласками, но отказываться от своих намерений не собирался.

Тонкие пальцы нежно коснулись его губ.

- Я привыкну к тебе.

Арман улыбнулся, но серые глаза уже затягивало серебристым льдом. Глупая девчонка ничего не понимает. Волшебный порошок лишь искажает для нее действительность, делая боль опьяняюще - сладкой, даруя извращенное наслаждение. Нежное создание пригодное лишь для платонической любви поэта - романтика, волею случая оказавшееся в постели принца, лишенного иллюзий.

Ламис чувствовала холод, шедший от принца и прильнула к нему, привычно прячась от проблем в тепле его тела, за завесой длинных черных волос, упавших на нее шелковым водопадом. Серебро плавилось в глазах, когда принц взглянул на нее сверху вниз, правильно истолковав ее потерянный вид.

- Ты не расстроила меня, - голос принца был исполнен сожаления. - Я всего лишь хотел развлечь тебя поездкой в лес и небольшим пикником на живописной полянке. И как обычно все испортил неуместной пылкостью.

Огромные глаза на маленьком личике доверчиво засияли. Приторно - сладкое создание, утратившее собственный внутренний огонь. Точнее он сам его затушил, соблазнившись минутной жаждой покорности, подчинив себе извечной доминантой мужчины над слабой женщиной.

- Не хочешь перекусить, милая? - Принц потянулся к корзине и, наполнив бокалы вином, один протянул Ламис. Достал тарелку с тонко нарезанным сыром и мясом, и поставил перед девушкой. - Занятие любовью на свежем воздухе вызывают во мне голод.

Ламис пригубила бокал и послушно проглотила кусочек сыра, с видимым удовольствием, поглядывая из под ресниц, как принц расправляется с мясом и сыром. Покончив с едой, Арман притянул девушку к себе на колени, с наслаждением зарываясь лицом в золотые локоны.

- Почему у меня такое чувство, что тебе не нравятся пикники?

Ламис удивленно посмотрела на принца.

- Они мне нравятся, только не вызывают бурного восторга.

- Я пытался быть романтичным.

- О, да, муравьи прибывают в нирване, растаскивая наш хлеб.

Арман хрипло рассмеялся.

- Ладно, в следующий раз можешь научить меня разглядывать в облаках фигуры. Я честно попытаюсь усвоить эту науку.

В эту минуту принц был настолько похож на обычного человека, что Ламис не удержавшись, поинтересовалась.

- Мы скоро возвращаемся в Сталлору?

- Однажды нам придется туда вернуться, милая, но между нами ничего не измениться. Я разрешу выходить тебе в сад. - Ламис невольно вздрогнула, и принц сухо добавил. - Я не могу изменить прошлое, но обещаю изменить наше будущее. Я не сделаю тебе больно, Ламис, мы будем счастливы.

Еще на прошлой неделе принц получил письмо от отца, в котором император в категоричной форме требовал завершить затянувшийся отпуск и вернуться в столицу. Несколько волшебных, заполненных любовной магией, недель на побережье должно хватить Ламис, чтобы чувствовать себя счастливой, будучи снова запертой в апартаментах принца. Армана ждали дела и новая очаровательная любовница. Рабыня была прекрасна, но принц желал разнообразия. И теперь, когда белокурое чудо отдавалось ему со всей страстью влюбленного существа, Арман вернулся к старым предпочтениям, сменив блондинку - графиню на жгучую брюнетку - виконтессу.

Прогулки по саду принц не разрешил, и Ламис не настаивала. Она, вообще, перестала подходить к окнам выходящим в сад, словно ее преследовал призрак молодого садовника. Теперь, когда за принцем закрывались двери, девушка, прихватив с собой завтрак, забиралась на широкий подоконник в спальне. Вид был не столь живописный, но по - своему даже занимательный. Отсюда была видна часть площади перед главными воротами и несколько окон соседнего крыла здания, задернутые плотными портьерами. С утра и до вечера по площади сновали лакеи в расшитых золотом, темно - зеленых сюртуках.

Ламис пила чай и наслаждалась кипевшей за окном жизнью. Здесь, во дворце, Арман больше не приглашал ее разделить с ним завтрак, обед или ужин. За столом ему прислуживали несколько лакеев, и Ламис понимала, что придворный этикет не позволяет принцу проявить учтивость, пригласив собственную рабыню присоединиться к нему за столом. Она все понимала, и очень надеялась, что однажды Арман придет к весьма простому решению этой небольшой проблемы. Ламис даруют свободу, и отправят к родителям в провинцию, где она увидит полностью восстановленный фамильный особняк Эстенбуков, а потом, именно туда, за ней приедет ее прекрасный принц, чтобы сделать официальное предложение стать его законной супругой и матерью его детей. Девушка прижалась лбом к холодному стеклу, мечтательно улыбаясь своему бледному отражению. Все будет именно так, и никак иначе. Все завистники, порочившие честь семьи умолкнут,

напрочь сраженные этим известием. Ламис будет великодушной, она не станет мстить или напоминать обывателям, как они отвернулись от ее семьи в трудную минуту. Она будет слишком счастлива, чтобы думать об этом.

Дверь в спальню скрипнула. Горничные. Ламис поспешно спрыгнула с подоконника и, поставив чашку с тарелкой на поднос, вышла в коридор. Слуги ее, по - прежнему, не замечали, а она не мешала им выполнять их обязанности. Когда она вернется сюда хозяйкой, отношения между ними изменятся. Ламис будет непринужденно переговариваться с горничными, а со своей камеристкой секретничать в будуаре. У нее будет собственная прелестная зала, обставленная со всевозможной роскошью. Для этого вполне подойдет небольшая гостиная дальше по коридору. Еще у нее будет гардеробная, не шкаф в дальнем углу гардеробной принца, а своя собственная, заполненная платьями, шляпками и туфлями комната. Девушка негромко рассмеялась, самое главное для нее любовь Армана, а все остальное мишура и фальшивый блеск. Но все же так приятно иметь свое личное пространство, а не ходить неприкаянной тенью, как сейчас, ожидая, когда слуги закончат уборку. Арман вернется только к обеду. Ламис хотела попросить у него разрешения посетить дворцовую библиотеку, но все никак не могла решиться, малодушно опасаясь отказа. Если попросить в постели, когда он лежит, лениво наматывая ее локон на палец? Низ живота сжался от предательского напоминания о болезненных проникновениях принца. Ламис терпела, глотая слезы, и корила себя за то, что не может угодить любимому человеку. С ней что - то не так, ведь иногда она теряла голову от наслаждения, а теперь, как и в начале их отношений, испытывает лишь разрывающую надвое боль от близости с принцем. Она видит, что Арману это крайне не приятно, и Ламис пытается сдерживать стоны, не зажиматься, когда принц пытается войти в нее.

Арман устал, пресытился покорностью и щенячьей преданностью неизменно светившейся в глазах юной рабыни. Кто бы подумал, что он станет скучать по ушедшей дерзости бывшей дебютантки. Принц избегал появляться в собственных апартаментах, не желая видеть кроткое, безропотное существо, все мысли которого были сведены к одному: услужить своему господину. Такая же шлюха, как и все остальные до нее. Он немного перестарался, стараясь вбить в белокурую голову почтение и трепет перед своим хозяином. Ламис стала отвратительно пресной, ничем не выделяющейся на фоне прочих девиц прошедших через его руки.

Принц сидел в кресле и читал газету, полностью игнорируя маленькую рабыню, один несчастный вид, которой навевал смертную скуку и убивал плотское желание. Арман не желал пользоваться порошком, вызывающим страсть, это было губительно для его эго непревзойденного любовника, а без него все было предсказуемо до отвращения. Дрожащая улыбка, судорожные всхлипы и металлический привкус насилия над безответным существом. Принца никогда не привлекали жесткие игры в постели, исключение он составил лишь для смазливой блондинки без толики мозгов. Это было занимательное противостояние. Арман отложил газету и холодно взглянул на покорно сидящую возле его ног Ламис. Жаль, ее строптивости хватило так не надолго, пропало занимательное развлечение на целый день. Подумать только он хотел ее круглые сутки, сумасшедшее желание бурлило в крови подобно старому вину, заставляя терять голову. Все ушло, почти сразу, как только они вернулись с побережья. Его жизнь снова наполнилась светскими развлечениями и флиртом, случайными связями на одну ночь или несколько недель. Совещания с отцом, военные советы и вполне ожидаемое восстание рабов в провинции Дилав. Он лично руководил карательной операцией, утопив провинцию в крови. Рабов казнили за малейшее подозрение или проступок, по сути, за то, что они являлись рабами. Вернувшись в Сталлору Арман жаждал покоя и легких развлечений, а его ждала забитая шлюха, не вызывающая желания. Казнить? Жаль, она принадлежала только ему. Дать вольную и отправить Вистериусу? Принц коснулся золотых волос, и лицо девушки осветила счастливая улыбка обожания. Никогда. Эта девка сдохнет, являясь его личной собственностью. Низ живота налился приятной тяжестью, и принц чуть потянул за светлые локоны. Тонкие руки со всей поспешностью освободили его плоть, и Ламис склонилась, лаская ртом член господина. Арман еле слышно застонал, это было единственным, что рабыня делала лучше его многочисленных любовниц. Смуглые пальцы зарылись в золотистые пряди, тяжелые веки прикрыли льдистые глаза: он запрет ее в дворцовых казематах, оттуда невозможно сбежать.

И однажды она его потеряла. Изысканные интерьеры апартаментов принца сменились на крошечную камеру, напоминающую каменный мешок, с тусклым светом из единственного окна где - то под потолком. Ламис не понимала за что? Ламис не понимала почему? Мысли путались, причиняя боль, разрывая сердце на части. Она так любила его, так старалась ему угодить, а он даже ничего не сказал, только махнул

рукой, отдавая молчаливое приказание лакеям. Ее привели сюда и, втолкнув в комнату, заперли дверь. Ее мечты уничтожили, планы разрушили, ей грубо указали на то, чем она была для наследного принца империи Дарина. Ламис заламывала руки, рыдала, колотила кулаками в дверь, требуя ее выпустить. Потом отчаяние сменилось злостью и пониманием. Глупая, глупая кукла сама поставила себя на пьедестал. Она устала бояться, она хотела любви и участия, и сама придумала себе сказку и заставила себя поверить в нее. Ламис, так гордившаяся своими разумными взглядами на жизнь поверила в грезу, дуновение сна, стоило принцу лишь ласково улыбнуться ей и протянуть руку, чтобы не ударить, а приласкать. И вот, она уже лежит у его ног, покорная, сломленная и раздавленная его величием. Глупая, глупая кукла. Ее играючи ломали и калечили, а, наигравшись, выкинули вон за ненадобностью.

Ламис сидела на тонком матрасе, брошенном прямо на пол, и, обхватив себя руками, смотрела вверх. Туда где серый свет дня сменялся чернотой ночи, наполняя тесную камеру криками боли от предательства собственного разума, позволившего ей разрушить свою личность. Ламис почти не притрагивалась к еде в оловянной тарелке, которую, дважды в день, проталкивали сквозь узкое отверстие внизу двери. Она не хотела больше жить, понимая, что так и умрет здесь, позабытая всеми. Надо было бежать при малейшей возможности, не бояться наказания, повторять попытки обрести свободу раз за разом. Настойчивость в достижение цели - вознаграждается. Так говорил старый учитель. Глупый, глупый старик. Ламис закрыла глаза, она не хотела больше жить.

Избавление наступило внезапно, когда она уже потеряла счет дням. Дверь скрипнула и открылась. Слуги, в ливрейных камзолах, что - то говорили, но Ламис ничего не понимала, отупев от пребывания в этом каменном мешке. Тогда ее подхватили за руки, выволокли во двор, впихнули в карету и вот она уже проезжает через малые дворцовые ворота.

- Его величество Император Дарина дарует тебе вольную.

Ламис подпрыгнула от неожиданности, только сейчас разглядев еще одного пассажира. Невысокий плотный мужчина, в добротном камзоле без шитья. По виду зажиточный торговец, или мелкопоместный дворянин. Мужчина смерил девушку презрительным взглядом и продолжил:

- Также Его Императорское Величество поручил мне, своему доверенному лицу, устроить тебя, в приличном доме и подобрать пристойную работу.

Еще один полный презрения взгляд в ее сторону.

- Я буду представлять твоего отца для окружающих. Теперь тебя зовут Тиа Виссона. Родители отправили свою единственную дочь в город, подальше от волнений в провинции Дилав. Ты будешь жить там, где я тебя поселю, работать будешь там, где я тебе скажу, будешь делать то, что я тебе приказываю и Его Высочество Принц, тебя никогда не найдет. Из Сталлоры носа не высовывать. Пока ты в столице, Его Величество Император Дарина гарантирует тебе безопасность. После, когда Его Величество Император убедиться в твоей безопасности, он прикажет выдать тебе новые документы и вывезет за границу владений Дарина. От тебя требуется одно - не делать глупостей, пытаясь вырваться из рук наследного принца Дарина самостоятельно. За побег рабыни наказание - смерть. Ты знаешь, нрав Его Высочества Дарина, твоя смерть будет мучительно долгой, Тиа Виссона.

Девушка кивала, как заведенная, соглашаясь со всеми словами мужчины. В голове крутилась лишь одна ликующая мысль: свободна, свободна, свободна! Карета остановилась перед традиционным, из серого камня с красной черепичной крышей, дома. В распахнутых окнах приветливо колыхались кружевные занавески. В отведенную ей комнату внесли несколько чемоданов с ее вещами, "отец" представил ее хозяйке пансиона, прослезился на прощание и отбыл к супруге, во вновь бунтующую провинцию Дилав. Ламис распаковала вещи, обнаружив в чемоданах множество нарядов с длинным рукавом. Она понимала: печать принца на обоих предплечьях никто не должен увидеть. На дне одного из чемоданов лежал кошель, туго набитый золотыми. Целое состояние, на не искушенный взгляд девушки. Разобрав вещи, Ламис присела в кресло и оглядела комнату. Веселенькие обои в цветочек, светлый ковер на полу, кровать под бледно - розовым покрывалом, шкаф, комод, умывальник и ванная за дверью, в углу. Все скромно и прилично. Сквозь распахнутые, вымытые до блеска окна, развевая занавески, влетел весенний ветерок, и Ламис зажмурилась, стараясь не расплакаться. Он принес в комнату сладостный запах свободы и надежды на безграничное счастье. Ей помогли, над ней сжалились, подарив то, на что она перестала надеяться.

Ламис с поразительной легкостью привыкла к новой жизни. Словно ее легенда была сущей правдой. Ламис чувствовала себя Тиа Виссона, юной неискушенной девушкой из провинции. Хозяйка пансиона относилась к новой жиличке с искренним сочувствием. Да и как не пожалеть бедное дитя, пережившее бунт рабов? Такого насмотрелась, поди, вон, до сих пор вздрагивает от

любого шороха или резкого движения. Одевается, в отличие от прочих молодых барышень, подчеркнуто скромно. Платья сплошь закрытые, рукава длинные и неизменная шляпка с розовой лентой на тулье.

На работу Ламис взяли в небольшой кондитерской лавке. Немного помогала на кухне, подавала покупателям выбранный товар, убирала со столиков использованную посуду. В неделю выходила приличная сумма на мелкие расходы и питание. К деньгам императора Ламис не притрагивалась. У нее были другие планы на эти деньги. Когда она уедет за границу, то сможет купить себе на эти деньги дом и привезти туда родителей. Они опять заживут вместе под уютной крышей нового дома.

Напряжение постепенно отступало. Страх, что принц непременно отыщет ее, забывался, уходил кошмарным призраком в прошлое. Ламис начала улыбаться. Молодые люди, заходившие иногда в лавку за тортом и пирожными, делали комплименты симпатичной помощнице хозяев. Девушка не относилась к подобным словам серьезно, но ей было приятно. Как и любой другой юной девушке на ее месте. День она проводила в кондитерской, вечера в комнате, за чтением. Выходить в людные места, на прогулки в городской парк, Ламис все еще не решалась.

Прошло несколько недель тихой, ничем не примечательной жизни. Жизни на свободе. Ламис наслаждалась завтраком, сидя за столом в небольшой гостиной пансиона. Хозяйка только что развернула утреннюю газету и что - то, пробурчав себе под нос, отложила ее в сторону. Ламис из вежливости, чтобы поддержать разговор, поинтересовалась:

- О чем пишут сегодня?

Женщина недовольно скривила губы, кивнув в сторону отложенной газеты.

- Я надеялась, что в этом выпуске напечатают портрет невесты нашего принца, но его опять не напечатали, - и, не замечая впечатления, которое ее слова произвели на девушку, продолжила. - Видимо, решили напечатать сегодня, но в вечерних выпусках.

Ламис выпила свою чашку чая и, только почувствовав, что успокоилась и взяла себя в руки, спросила:

- Его Высочество решили жениться?

Хозяйка недоуменно взглянула на девушку.

- Еще вчера объявили о помолвке принца Дарина с принцессой Савирой. Об этом говорит весь город, Тиа. Мне сказали, что принцесса просто обворожительно прекрасна, но все же, хочется увидеть портрет. - Женщина долила чаю Ламис и себе. - Это так романтично, Тиа, прекрасная свадьба, красивые

наряды. Наш принц будет просто неотразим в официальном черном, затканном серебром камзоле. Я видела его издалека на свадьбе герцога Мавелло. Как принцу идут его длинные черные волосы, а серебряная корона своей простотой лишь подчеркивает правильные черты его мужественного лица.

Ламис заледенела. Она прекрасно помнила, как принц был неотразим в своем официальном наряде. Обруч на его голове, оказывается, был короной, а она этого даже не знала. Длинные черные пряди шелковистых волос падали на его совершенное лицо, когда он размахивался и бил ее, жалкую, у своих ног. Принц прекрасно двигался, изящный поворот, черные локоны мягко скользят по широким плечам и обутая в сапог нога, врезается в ее живот. Всплеск дикой боли, когда, заломив ей голову, за волосы, прекрасный принц тащит ее в постель, чтобы бесконечно долго там насиловать.

Девушка, как во сне, допила чай, поблагодарила хозяйку и отправилась на работу. День был теплым и солнечным. Все идет к лучшему, принц жениться на принцессе, и навсегда забудет о жалкой рабыне. Ламис перестанет бояться.

Грандиозная свадьба наследника Дарина состоялась поздней осенью. Праздничные гуляния устраивались по всей империи несколько дней. Салюты и фейерверки расцвечивали ночное небо радужными цветами.

Ламис вывезли за границу империи, в крошечное государство Манигет. Все тот же приближенный слуга императора вновь разыгрывал для окружающих роль отца Ламис. Благодаря новым документам и рекомендательным письмам неких аристократов империи, согласно которым Ламис Виласо служила в их домах гувернанткой, девушка поступила учительницей в общественную школу для девочек. Здание школы, трехэтажный особняк из красного кирпича, окружал небольшой сад. Кованые ворота большую часть дня были распахнуты, и привратник запирал их только на ночь. Заведение посещали в основном дочери зажиточных горожан, занимающихся торговлей. Родители желали дать своим дочерям образование с легким налетом аристократизма. Поэтому в школе преподавали не только основные предметы, но также рисование, танцы, пение и историю искусств. Ламис, которая выглядела совсем юной и неопытной для новой должности, назначили учителем арифметики младших классов. Директриса, женщина волевая и строгих моральных принципов, едва ли согласилась бы взять тщедушную девицу, с наивным взглядом бездонных зеленых глаз на должность учительницы, но ее отец, мистер Виласо внес

довольно ощутимое пожертвование в фонд школы. И директриса согласилась принять его дочь под свою опеку, пока он с супругой не уладят дела на родине, в империи Дарина, которую они решили покинуть после повторного восстания рабов в провинции Дилав.

Ламис зажила размеренной, немного скучной, но респектабельной жизнью учительницы. Она преподавала четыре часа в день, потом составляла план на следующие занятия, в обеденный перерыв, вместе с другими учительницами, следила за порядком в столовой. Легкий нрав, чувство юмора и стремление всегда прийти на помощь, помогли Ламис завоевать уважение коллег и нежную привязанность маленьких учениц. Пока однажды, одна из девочек не решила представить ее своему папе. Ламис привычно пожала на прощание ручку самой младшей из своих учениц, но та, сжав ее ладонь, потянула в сторону, к стоявшему у стены мужчине. Ламис подняла глаза и буквально утонула в теплоте карих глаз и белозубой улыбки. Мужчина был немногим выше нее, с небрежно зачесанными назад русыми волосами. Все еще улыбаясь, он представился явно растерявшейся девушке.

- Вайя Навино. Моя дочь постоянно твердит о том, какая вы добрая и красивая. Моя жена оставила нас, вернувшись к родителям, и Лии очень не хватает женской ласки. Вы совершенно покорили ее.

Ламис смутилась и покраснела, ей показалось, что мистер Навино намекает ей на то, что свободен от обязательств перед другой женщиной и также как дочь считает ее прелестной. Девушка скомкано попрощалась и вышла из холла. Директриса, также находившаяся в холле и заметившая явный интерес отца ученицы к молоденькой учительнице, пошла следом за девушкой и окликнула ее в коридоре.

- Ламис, я стала случайной свидетельницей вашего разговора с мистером Навино. Поверьте, если его слова чем - то обидели вас, то сделал он это не специально. Семья Навино весьма уважаема в нашем городе. Вашему отцу понравиться такой жених.

Меньше всего, сейчас Ламис была готова к каким - либо отношениям с мужчиной. Она не хотела влюбляться, хотя вполне понимала, что не все мужчины подобны Арману. Точнее, нет больше мужчин подобных наследному принцу Дарина. Его садистские наклонности и извращенное самомнение являлись его личным достижением по уничтожению всего доброго и прекрасного в империи Дарина и в собственной душе.

Ламис вошла в комнату и присела на стул у окна, наблюдая

за тем как постепенно, расходятся родители, держа за руку детей. Жених? Нет, этого с ней не произойдет никогда. Принц Дарина слишком усердно над этим поработал. Довериться мужчине, вручить ему свою судьбу? В Манигете нет, и никогда не было рабства, и как отнесется к клейму рабыни Вайя Навино, когда увидит ее руки? Отвращение? Она была вещью. Брезгливость? Она принадлежала другому так, как никогда не будет принадлежать ему. Понимание? Ламис закрыла лицо руками. Она знала, что почувствует сама, увидев в теплых глазах молочного шоколада презрение. Она почувствует отчаяние. Он предаст ее, как до него ее предал Арман. Раздался звонок к ужину, и Ламис встала. Всего один намек на интерес к ней мужчины, а она уже впадает в истерику. Мистер Навино просто отец одной из ее учениц, и не станет для нее кем - то большим.

Арман был в ярости. Император, сидя в кресле, недалеко от напряженно застывшего у письменного стола, сына, напротив абсолютно безмятежен.

- Ты сказал, что вернешь мне ее сразу после свадьбы. - Арман глубоко вздохнул, пытаясь держать себя в руках. - Но теперь требуешь внука.

- Я всего лишь хочу, чтобы мой единственный сын излечился от пагубного пристрастия к своей смазливой постельной игрушке. Как только принцесса произведет на свет наследника, я скажу тебе, где прячется рабыня.

Принц стоял перед императором с перекошенным от бессильной ярости лицом и тяжело дышал, как после продолжительной гонки. Император усмехнулся.

- Я бы советовал тебе поторопиться с наследником. Ламис умна и красива, а сейчас совсем расцвела. Мне написали, что у нее появился постоянный поклонник, с самыми серьезными намерениями, между прочим. Как думаешь, ее отцу следует принять предложение этого уважаемого человека?

Арман оскалился.

- Я вижу, ты хорошо подготовился к играм в прятки. Именно поэтому, я до сих пор не смог напасть на ее след. Весьма проницательно, не только новое имя, но и новая семья. Но я тоже обещаю тебе, если не вернешь мне девку, я разведусь с принцессой.

Император сложил пальцы перед собой и продолжил изображать спокойствие.

- Разводы в Дарина вне закона, особенно в императорской

семье.

На лице принца отразилось притворное изумление.

- Ну, тогда моя дражайшая супруга сдохнет на гильотине. - Арман повел плечами, разминая затекшие от напряжения мышцы. - Верни мою девку, и я лягу в постель с этой самовлюбленной дурой.

- Отлично. После трех месяцев брака, ты все - таки соизволишь разделить ложе со своей супругой.

Император с такой легкостью согласился на условия принца, словно и не надеялся добиться от сына большего.

- Где прячется Ламис?

Арман видимо расслабился и даже присел на край стола, но подрагивающая жилка на шее, выдавала его внутреннее напряжение.

- Манигет. Мой доверенный человек встретит тебя на границе.

- Что она там делает?

- Преподает в столичной школе для девочек, проживает там же, в пансионе для учительниц. Как видишь, я устроил все достаточно пристойно, словно для того, чтобы ты мог вернуть ее.

Принц взял со стола ручку, и некоторое время молча поигрывал ею, вертя между пальцами.

- Ты упоминал поклонника.

Император недовольно прищурился, разглядывая сына. Ему не нравилось поведение сына, слишком напоминавшее ревность. Ламис не была рабыней по рождению, но стала ею, утратив честь и положение. Он не был против брака наследника с дочерью барона, но он был против столь длительной связи единственного сына с никчемной рабыней.

- За ней пытается ухаживать отец одной из ее учениц. Он ведет себя весьма осмотрительно, не желая скомпрометировать будущую невесту. Этот мистер Навино более деликатен с Ламис, чем был ты в свое время. Он хочет на ней жениться, Арман.

Принц резко встал, нетерпеливо бросив ручку на столешницу.

- Если бы я сделал тогда то, на что рассчитывали вы с Вистериусом, то остался бы и без жены, и без наследника уже через полгода.

- Меня беспокоит твое упорное нежелание расставаться с этой бесполезной куклой. Ты выбросил ее из спальни, но уже через месяц прислал за ней, намереваясь вернуть в свою постель. - Император задумчиво разглядывал сына. - Ты красив, богат и знатен. Ты - принц крови. У твоих ног лежат жаждущие тебя женщины, готовые сделать ради тебя все, чтобы ты не попросил.

Но ты укладываешь в постель глупую провинциалку, и мало того, селишь в своих апартаментах. Ты насилуешь ее по нескольку раз в день, так что приходиться прибегать к услугам врача. Потом приказываешь изготовить зелье, вызывающее плотское желание. Очень странный каприз, учитывая твою репутацию непревзойденного любовника. И сразу после этого ты увозишь рабыню на побережье. Пикники, морские прогулки, ты лично учишь Ламис держаться в седле и управлять яхтой. Все это чрезвычайно напоминает мне медовый месяц счастливых молодоженов. С законной супругой ты не пожелал столь романтично уединиться в отдаленном замке. Мало того, ты ни разу не переступил порог ее спальни, предпочитая развлекаться с многочисленными любовницами.

- Моя невинная супруга слишком занята фамильными драгоценностями Дарина, чтобы жаловаться на мое равнодушие. - Принц направился к двери, намереваясь тут же отдать распоряжения к подготовке его немедленного отъезда. - Сейчас я отправлюсь к ней, и будем, надеется на ее плодовитость, потому что спать с жеманной дурой еще раз у меня нет никакого желания.

Арман смотрел в окно кареты, на то, как Ламис шагала по тротуару, что - то, весело щебеча небольшой стайке девочек в школьной форме. Золотые локоны небрежно сколоты на затылке, и несколько прядей, выбившиеся из прически во время ходьбы небрежно спускаются вдоль тонкого овала лица. Черное пальто слегка приталенное, выгодно обрисовывало стройную фигурку. У школьных ворот к Ламис подошел молодой мужчина, к которому сразу подбежала одна из девочек и принялась нетерпеливо дергать за руку, требуя внимания. Мужчина с видимой неохотой отвел глаза от молодой учительницы и посмотрел на дочь. Арман резко выдохнул сквозь стиснутые зубы. Вайя Навино. Между тем остальные девочки уже скрылись за воротами и Ламис, улыбаясь ученице, что - то ей сказала и та, побежала догонять детей. Ламис шагнула следом, но мужчина придержал ее за руку, словно умоляя остановиться. Пальцы скользнули вверх по рукаву пальто, коснулись локона на меховом лацкане и девушка, покраснев что - то поспешно сказала, отступая от мужчины к распахнутым воротам. Но тот проявил настойчивость, удерживая девушку, торопливо пытаясь объясниться. И Ламис улыбнулась, нежно, с той теплотой, с какой когда - то смотрела на Армана, лежа в его объятиях, рассеяно накручивая его черные волосы на свой тонкий пальчик.

Принц одним ударом распахнул дверцу наемного экипажа и

стремительно двинулся к застывшей на тротуаре парочке. Мужчина его заметил первым, смутился очевидца своих робких ухаживаний, и поспешно убрал пальцы с рукава пальто девушки. Арман презрительно скривился: учтивый ухажер чуть было не скомпрометировал даму сердца. Как это романтично и благопристойно. Как это в духе заветной грезы Ламис. Принц перепрыгнул сточную канаву и с размаху врезал кулаком в симпатичное лицо поклонника своей рабыни, сокрушительным ударом ломая челюсть противника. Ламис оглянулась, вздрогнула, и в ужасе застыла на месте, глядя в перекошенное яростью лицо своего господина.

- Я из тебя ремни нарежу, сука - выдохнул тот, замахнулся, но ударил в пол силы, не желая сразу калечить беглянку.

Случайные прохожие замерли, с недоумением и возмущением глядя, как высокий мужчина в приличной одежде, прямо у них на глазах избивает беззащитную девушку. Ламис не закрывалась от ударов. Она словно заледенела, упав с размаху в липкие воды жгучего отчаяния, не встать, не вывернуться. Он нашел ее. Схватив ее за волосы, принц резко потянул, заставив ее встать на ноги. Сломанная заколка со слабым звоном упала на каменную мостовую. Ламис опустила глаза вниз, на звук, и только сейчас заметила неподвижно лежащего на белоснежном, только что выпавшем снегу мистера Навино. И Талан, среди буйной зелени императорского сада... Искаженное мукой лицо, судорожно дергающиеся ноги и мерное раскачивание неподвижного тела под деревом. Принц уничтожал все доброе и прекрасное вокруг нее, оставляя лишь себя, дарившего ей боль и ненависть.

Ламис бросили на пол кареты, скрипнула ступенька под обутой в высокий сапог, ногой принца, дверь захлопнулась, ее везли на встречу с ночными кошмарами. Арман некоторое время просто разглядывал девушку неподвижно лежавшую у его ног. Потом вытащил носовой платок и небрежно бросил ей в лицо.

- Вытри кровь.

Девушка покорно выполнила то, что ей приказали. Затем приподнялась и села на обитое бархатом сиденье, не спрашивая разрешения у принца. Мужчина оценивающе смерил ее тяжелым взглядом, но ничего не сказал. Выяснение отношений оставил до возвращения в гостиницу, где он снимал часть здания с отдельным входом. В Манигет принц Дарина прибыл инкогнито, прихватив лишь нескольких слуг. Он остановился в гостинице пять дней назад, и нанял экипаж, желая немного понаблюдать за тем, как живет его рабыня. Она появлялась раз в день, неизменно в окружении учениц, выстроенных парами. Однажды он увидел

сквозь огромную витрину галереи, как она что - то вдохновенно рассказывает детям, указывая на одну из картин. Арман не знал, что Ламис разбирается в искусстве. Девушка буквально светилась от непонятной радости, освещая мягким светом все вокруг себя. Принц наблюдал и ждал, ждал непонятно чего. Он так рвался сюда, желая прикоснуться, зарыться лицом в пахнувшие цветами золотые локоны, сжать в руках тонкий стан, растворяясь в блаженстве обладания ее телом. Но видел ее открытую улыбку, лучащиеся теплым светом глаза, плавные движения и боялся разрушить ее хрупкую иллюзию счастья. Он знал, что как только она увидит его, свет навсегда померкнет, она зажмется, привычно втягивая голову в плечи, будто стараясь стать еще меньше и незаметней. Она боялась его, даже когда думала, что любила. Резкий взмах руки, неосторожное движение и она инстинктивно шарахается в сторону, прикрываясь руками. В глазах липкий ужас, потом осознание произошедшего и заискивающая, извиняющая улыбка на все еще дрожащих от страха губах. Он тянул время, выжидал, наверное, внутренне страшась больше не увидеть на ее лице теплого света искренней любви. Она любила своих непослушных учениц, город с грязными улицами и прохожих. Она лучилась этой любовью, заставляя блики радуги танцевать вокруг себя. Арман выжидал день за днем, но появление на мизансцене Вайя Навино развеяло все его намерения быть терпимым. Теперь она сидит перед ним с разбитыми, припухшими губами, и багровый кровоподтек растекается по левой стороне лица. Он не хотел ее бить, не хотел ломать, снова превращая в вечно дрожащее в углу существо. Он всего лишь хотел, чтобы его собственность любила и почитала своего господина.

Экипаж остановился, и лакеи распахнули дверцу, спустив лесенку. Арман вышел, оглянулся, уверенный, что Ламис придется вытаскивать силой, но девушка послушно покинула карету следом за ним. В гостиной принц остановился и, скинув в кресло пальто, повернулся к замершей у дверей девушке.

- Поужинаешь?

Ламис криво усмехнулась и с вызовом посмотрела на принца.

- Предполагается сделать меня десертом?

Арман расстегнул и сбросил камзол, оставаясь в тонкой шелковой рубашке и узких, обтягивающих мускулистые бедра, брюках.

- Я могу быть твоим десертом. - Принц провокационно улыбался, подходя к Ламис. - Можешь меня зацеловать и зацарапать, милая. Я совсем не против.

Девушка отступила, но Арман успел стянуть с нее пальто и небрежно швырнуть его в сторону.

- Для этого тебе придется увеличить дозу волшебного порошка, а потом все это силой влить в меня.

Она ожидала, что принц смутиться, но тот лишь лукаво ухмыльнулся, разглядывая ее из под невероятно длинных ресниц.

- Умная девочка. Ты всегда любила читать.

- Я прочитала травник. В нем описывались и эти растения.

- Тогда ляг со мной в постель по собственной воле, не вынуждай снова насиловать. - Арман подошел вплотную, провел рукой вдоль ряда мелких пуговиц на застежке форменного платья. - Ты же понимаешь, что с твоим согласием или без оного, я все равно уложу тебя в постель.

- С каких пор тебе необходимо мое согласие, чтобы удовлетворить похоть?

Принц коснулся кончиками пальцев ее лица, не отводя потемневших от желания глаз от ее рта.

- Я хочу, чтобы между нами все изменилось.

- Отпустишь меня?

Принц нетерпеливо притянул ее к себе, набрасываясь жадным ртом на сладкие губы.

- С этого дня будешь принимать порошок.

Арман перекатился на спину, раздосадовано закрывая рукой глаза. Ламис судорожно всхлипывала, глотая слезы. Кровать скрипнула, принц встал и, потянувшись за халатом, приказал:

- Иди в ванную. Приведи себя в порядок. Возле умывальника я оставил твои порошки, не забудь принять.

Дверь хлопнула. Девушка с трудом села в постели, закуталась в простыню и осторожно пошла в ванную. Голова сильно кружилась. Умылась, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Потом взяла стакан с водой, растворила в нем порошок и выпила, судорожно глотая горьковатую жидкость. Гарантия от нежелательных последствий ее связи с принцем. Она опять оказалась там, откуда сбежала к свету. Как только она выйдет отсюда, сильные руки снова уложат ее под мощное тело. Девушка судорожно всхлипнула, и ее стошнило. Стошнило от ужаса перед предстоящим. Она, как никто другой, знала темперамент принца, он не выпустит ее из постели так скоро. Ламис прополоскала рот и снова умылась. Она выдержит, она будет пытаться сбежать от принца, чего бы ей это не стоило. Ей помогал император, он может помочь ей снова.

Когда она покинула ванную, принц, стоя у кровати, сыпал в

бокал вина кристаллики порошка из стеклянной бутылочки. Перемешал и протянул Ламис:

- Выпей.

- Я не желаю...

- А я желаю! Желаю, чтобы ты кричала подо мной от наслаждения, а не от боли. Не выпьешь сама, волью силой. - Он снова протянул ей бокал и повторил приказ. - Выпей, сейчас же.

Ламис взяла бокал дрожащей рукой и покорно выпила его до дна. Уже через минуту бледные щеки окрасил румянец, и дыхание заметно сбилось. Арман скинул халат, притягивая послушное его воли тело. Зарылся лицом в золотые локоны, жадно вдыхая аромат летнего дня, неизменно исходивший от Ламис, и соблазнительно зашептал в нежное ушко:

- Покажи, покажи мне, как ты ненавидишь меня.

Арман лениво наблюдал, как Ламис отодвинула тарелку с бутербродом, так к нему и, не притронувшись, и пододвинула чашку с кофе. Сделала небольшой глоток, скривилась и недовольно оттолкнула ее прочь. Небрежно собранные с двух сторон в хвосты волосы делали ее похожей на ученицу старших классов. Принц понимал, что ее тревожит, но развеивать ее страхи не спешил. Ламис подтянула под себя ноги и, наконец, перестала делать вид, что не замечает, сидящего за столом напротив принца.

- И когда предполагается меня наказывать?

Арман отложил нож и вилку, и отхлебнул ароматный кофе.

- Я не люблю этих игр, милая, но если тебя это заводит, пойдем в спальню и я тебя отшлепаю.

Девушка подтянула ноги к груди и обхватила их руками, напоминая ему еще больше капризную девочку, не желающую есть кашу на завтрак.

- Только не нужно делать вид, будто ты не понимаешь, о чем я говорю. - Ламис уткнулась лицом в колени и еле слышно добавила. - Я же знаю, что за побег раба казнят.

- И все равно пошла на это, Ламис.

Девушка вскинула на него свои огромные глаза, в которых плескались слезы.

- Я думала, что любила тебя, а ты отправил меня в каземат, даже ничего не объяснив.

- Я прислал за тобой через месяц. - Арман допил кофе и закурил тонкую сигару. - Ты просто не представляешь, на что мне пришлось пойти, чтобы вернуть тебя.

- Посланник императора уверял, что ты меня никогда не найдешь.

Принц снисходительно усмехнулся доверчивости своей юной рабыни.

- Мой отец разыграл собственную партию, а ты стала его пешкой. Когда мне доложили, что ты сбежала, я, естественно, отправился к отцу. Только он мог приказать что - то слугам через мою голову, фигурально выражаясь. Он не отрицал, что организовал твой побег, но поставил условие после выполнения которого, скажет мне, где тебя спрятали. Я, вполне естественно, отказал ему и отправил на поиски лучших людей. Но император предвидел нечто подобное. Слуги нашли четырех блондинок, спешно покидавших город, но ни одна из них не оказалась тобой. Я только потерял время, на что и рассчитывал мой отец.

Ламис невольно притронулась к левой стороне лица, на которой расплылся кровоподтек.

- Ты убил бы меня сразу?

- Возможно, - принц глубоко затянулся, разглядывая Ламис сквозь сизый дым. - Сказать, что я тогда был зол, значит, ничего не сказать.

- Его слуга обещал мне безопасность. Зачем было вообще затевать всю эту историю, если император с самого начала знал, что ты вернешь меня обратно.

- Вероятно, император предполагал, что я исполню любое его желание, чтобы вернуть тебя.

Ламис промокнула глаза салфеткой и громко высморкалась. По губам принца скользнула кривая усмешка. Ни одна из его женщин никогда не смела при нем вести себя настолько отвратительно. В его присутствие леди благоухали и соблазняли красотой грации. Вспомнить хотя бы собственную супругу. Немногим старше Ламис, благопристойная барышня, приходящая в неописуемый восторг от драгоценных украшений. Она отдалась ему, едва увидев в его руках рубиновое колье и серьги. И торговалась не хуже базарной торговки, вытребовав себе еще два колье и диадему, за то, что он использовал ее ночью не один раз. Ламис была другой. Она ничего не хотела от него получить, она не хотела его самого. А он хотел, стремился, сходил с ума от желания обладать ею, прикасаться, смотреть, как она просыпается в его постели, от его ласк.

- Что заставил тебя сделать император, если не секрет?

Арман раздавил сигарету в пепельнице и ухмыльнулся, глядя на Ламис.

- Я женился, милая.

- И я не понимаю, зачем было искать меня, если ты женился на прекрасной принцессе, - Ламис даже привстала со стула от переизбытка эмоций. - Больше нет никакой нужды удерживать

меня.

Арман налил себе кофе и, снисходительно глядя на Ламис, поверх чашки, заметил:

- Мой брак не имеет никакого отношения к нашей связи, милая. Боюсь разбить твои наивные представления о нравственности, но большинство мужчин, не удовлетворяются одной женщиной.

Ламис опять присела в кресло, подтянув ноги к груди.

- Вистериус говорил, что нравственность понятие неизменное.

- Мой горячо любимый дядя забил твою голову пустой болтовней о прекрасном, а потом отправил ко мне, желая устроить наше взаимное счастье. Ты стала счастливее после встречи со мной, Ламис?

- Мне понравился дворец и бал, - девушка глубоко вздохнула и решительно прибавила. - И ты был очень красивый.

- Пока не превратился в зверя, изнасиловавшего тебя на полу гостиной? - Арман раздраженно забарабанил пальцами по столу. - Если бы Вистериус не забил тебе голову глупостями, то между нами все закончилось еще на той кушетке. Я подарил бы тебе кольцо или серьги, и тут же забыл, едва отвернувшись. Все, что между нами произошло, было ошибкой. Я не привык к отказам, а ты и вовсе не знала, как себя вести с наследником империи Дарина или обычным мужчиной.

- Недопонимание и незнание привели нас на эту террасу и за этот стол. - Ламис придвинула чашку и отпила остывший кофе. - Мне не нужно было отказывать наследному принцу.

- Тебе нужно ценить то, что сделал наследный принц ради тебя, - и, видя недоуменный взгляд девушки, пояснил. - Я женился, а свободу свою я ценю очень и очень высоко, милая.

- Я свою не меньше, милый, - Ламис насмешливо взирала на мужчину. - Мы сквитались.

- Опять дерзишь, девочка. - По лицу Ламис скользнула тень, и принц примирительно добавил. - Я не против, уж слишком скучно было с тобой в последнее время. Покорная, сломленная, безответная.

- Кто сказал, что теперь со мной будет веселей?

- Ты изменилась. - Арман откинулся на спинку кресла и изучающее уставился на Ламис, закинув руки за голову. - Стала прежней, даже красивее. Я опасался, что ты встретишь кого - нибудь, решишься на обман, может быть, даже выйдешь замуж.

- Я не встретила ни одного принца крови, ради которого стоило лгать и мошенничать.

- Эта надежда не покидала меня все то время, что я тебя

разыскивал. - И неожиданно предложил. - Хочешь, уедем на побережье, в Темный замок?

- Ты бросил меня, едва мы оттуда вернулись в прошлый раз.

- Этого больше не случиться. Вынужденная разлука внесла определенные коррективы в мое отношение к тебе.

- Ты дашь мне вольную?

- Никогда, Ламис. Это мои гарантии, что ты меня не оставишь.

Девушка смотрела, нервно теребя дрожащей рукой прядь волос у виска.

- Я могла бы пообещать находиться рядом с тобой столько, сколько ты потребуешь. Зачем держать возле себя рабыню? Я останусь с тобой по своему желанию.

- Я предпочитаю собственные гарантии. Смирись.

- А ты, ты бы смирился?

- Я буду хорошим хозяином, Ламис, если ты боишься этого.

- Значит, теперь я могу не ложиться с тобой в постель?

- Не передергивай, или мы вернемся к нашим прежним отношениям. Я приказываю, ты молчишь и подчиняешься. Цени, милая мою доброту и склонность к компромиссам.

Принц встал из - за стола, лениво потянулся, разглядывая городской пейзаж за окном, и повернувшись к лакею у дверей, коротко приказал:

- Отправляемся через час.

4

В Темный замок прибыли поздним вечером, под проливным дождем и шквалистым ветром с моря. Измученная дорогой, Ламис отказалась от ужина и сразу легла отдыхать в жарко натопленной спальне. Девушка проснулась лишь поздним утром, солнце светило по - зимнему тускло, но ни ветра, ни дождя слышно не было. Аромат свежесваренного кофе витал в комнате. Ламис села в кровати и огляделась. Принц, в небрежно наброшенном прямо на голое тело, халате полулежал в кресле, вытянув ноги к огню. Рядом, на низеньком столике стоял кофейник и две чашки. Арман оторвался от созерцания пламени в камине и взглянул на Ламис.

- Я приказал принести кофе сюда. Подумал, ты захочешь выпить чашечку в постели.

Он наполнил чашку и присел на край постели, протягивая девушке горячий напиток.

- Спасибо.

Ламис обхватила чашку ладонями, с наслаждением вдыхая бодрящий аромат кофе.

- Отблагодаришь меня позже, милая, когда примешь порошок.

Девушка, иронично взглянув на принца, поинтересовалась:

- Как можно думать об этом все время?

Арман, вытянувшийся во весь рост поперек кровати, насмешливо заметил:

- Многим женщинам это нравиться, они находят меня обворожительным любовником.

- Ничуть не сомневаюсь, сказать правду наследному принцу, надо быть еще той дурой.

- Сегодня утром ты особенно самокритична, милая.

Его пальцы скользнули вверх, поглаживая узкие ступни девушки и, Ламис отодвинулась в сторону, пытаясь избежать его прикосновений.

- Ваши действия, мой господин, немного отдают пошлостью.

- Что плохого в том, что я хочу приласкать красивую девушку?

- А что хорошего в принуждении к близости против воли этой самой девушки? Где свобода выбора? Хотя о чем это я, разве может презренная рабыня иметь право голоса, если наследный принц империи Дарина желает осчастливить ее своим высоким вниманием? В этой ситуации учитываются только интересы Его

Высочества Армана Дарина, а не какого - то стула или коврика у дверей. Вот только я не пойму, если я, равна по положению мебели, то почему бы деспотичному господину ни вступить в связь с собственными портьерами на окнах или с самими окнами? Зачем принуждать кого - то силой, если всегда найдется множество согласных на все прекрасных леди вашего круга?

Принц лежал, подперев голову рукой, и молчал, насмешливо изучая разговорившуюся рабыню. Ламис аккуратно отпила кофе и бросила короткий взгляд на подозрительно спокойного принца.

- Вы знаете, что все газеты империи вдохновенно описывают каждое ваше увлечение великосветскими красавицами? Почитайте, ознакомитесь с образом брутального самца, с легкостью покоряющего неприступные сердца дам высшего света. Меня из всего прочитанного удивляет только одно, к чему вам я после столь блистательных побед над различными титулованными леди? А не стоит ли задуматься, может это всего лишь миф? В вашем возрасте, и с вашей тонкой душевной организацией и деликатными манерами простолюдина, мой господин, вы просто свалитесь в горячке от переутомления, пытаясь осчастливить хотя бы половину из того списка, что я составила, выписывая имена красавиц. Возможно, поэтому вам и пришлось вступить в связь с неопытной провинциалкой, больше того сделать рабыней, исключить любое общество, даже общество слуг, для того чтобы она случайно не проболталась о вашей мужской несостоятельности?

Ламис пригубила кофе и заговорщицки прибавила, глядя в смеющиеся глаза принца:

- Если дело только в страхе потерять репутацию, то я вам обещаю, что буду превозносить ваш опыт и умение каждому кто согласиться выслушать мой панегирик в вашу честь.

Обычно бледное лицо девушки окрасилось легким румянцем. Арман изменил положение, скидывая халат и осторожно придвигаясь к девушке.

- Дать тебе свободу?

Ламис зачарованно глядя на обольстительно - обнаженное тело, провела языком по внезапно пересохшим губам.

- Ты так красив, Арман, к чему тебе я? Я же видела, как на том балу девушки глаз не могли оторвать от тебя. От чего то у тебя, получается, быть соблазнительным, даже когда ты в плохом настроение. И ты так прекрасен, что иногда дух захватывает.

- И иногда я так умен, что могу удержать и привязать к себе самую желанную для меня девушку. - Принц забрал из ее рук чашку, небрежно отшвырнув в сторону, и добавил, заглядывая в

подернувшиеся дымкой желания зеленые глаза. - И иногда я добавляю в утренний кофе немного порошка из хрустальной бутылочки.

Он притянул девушку к себе, лаская кончиками пальцев хрупкие плечи, едва касаясь ртом нежных губ. И Ламис не выдержав, выгнулась, притягивая тонкими руками смуглое тело, раскрывая с легким стоном губы навстречу сладостному поцелую. Она снова окуналась в магию волшебного зелья, даривщего ей наслаждение и непостижимое желание прикасаться к теплу смуглой кожи, терять голову от чувственных ласк прекрасного принца.

Арман коснулся губами влажной кожи хрупкого плечика Ламис, бережно сжав талию, придвинул ближе к себе, устраивая удобней в ванной, наполненной ароматной водой. Девушка лениво шевелила пальцами ног, играя в теплой воде с пузырьками мыльной пены. Ее голова лежала на широкой груди принца, его сильные руки выписывали замысловатые узоры на ее животе. Сладостная нега от легких, игривых поцелуев и терпкого, молодого вина разливалась по телу, неся ощущение безоблачного счастья. Принц протянул руку за бокалом, и немного отпив, склонился над юной любовницей, раздвигая припухшие от его поцелуев губы, вливая в ее рот сладкое вино. Ламис послушно проглотила и, выгнувшись, слизнула языком несколько капель с лепных губ принца. Неверное пламя свечей дрожало причудливыми узорами по стенам ванной комнаты и, отражаясь в многочисленных зеркалах, рассыпалось огненными всполохами. За окном опять метался шквалистый ветер, бросая в переплеты окон ледяные капли дождя. Волны с угрожающим ревом бросались на неприступные скалы и, разбившись о камни, покорно уходили прочь, чтобы тут же, вновь, броситься на следующий штурм врезающихся в море скал.

Но здесь, в приглушенном сиянии свеч, царил безмятежный покой и сладостное тепло. Ламис, переплетя свои пальцы с пальцами принца, некоторое время молча любовалась контрастом смуглой кожи принца и своей совсем белой.

- Почему ты отказываешься дать мне вольную?

Принц приглушенно выругался сквозь стиснутые зубы и грубо сжал тонкую ладонь в своей руке, выражая неудовольствие затронутой темой.

- Ты и, правда, думаешь, что между нами что - то измениться после того, как я дам тебе свободу?

- Для меня измениться все, Арман. Я перестану быть вещью, я стану человеком, вольным делать то, что захочу.

Принц снисходительно, как маленькому ребенку, объяснил:

- Моя глупая, наивная Ламис, ты никогда и ничего не сделаешь без моего на то дозволения. Я жуткий собственник, милая, и не привык ни чем и ни с кем делиться.

- Тогда я сбегу снова, и буду сбегать снова и снова, пока ты не потеряешь ко мне интерес и не забудешь меня.

- Давай заключим пари. - Арман чуть прикусил аккуратное ушко и соблазнительно зашептал. - Ты рассказываешь мне, как именно можно сбежать из Темного замка, минуя мою личную охрану, а я соглашусь подумать над твоим бессмысленным предложением. Моя невинная девочка, неужели ты думаешь, что сможешь покинуть этот замок, а тем более дворец в Сталлоре? Отец больше не станет помогать, тебе больше не на что надеяться. Подумай, к чему приведут эти намерения, Ламис. Я же пообещал тебе измениться, я осыплю тебя мехами и драгоценностями.

- Я твоя собственность. Мило делать подарки самому себе.

- Иногда ты становишься невозможной.

- Иногда ты становишься поддонком.

- Кажется, я уже извинялся за то, что принудил тебя к близости.

- Подпиши мне вольную.

- Я этого никогда не сделаю.

Ламис выпрямившись, села, оттолкнув удерживающие ее руки, и обернувшись через плечо, приторно - сладко проговорила:

- Мне остается утопить тебя в ванной или задушить подушкой.

- Предпочитаю быть замученным ласками среди шелковых простыней.

- Вы просто невозможны, наследный принц империи Дарина.

- А вы, Ламис Эстенбук, - принц притянул девушку обратно в свои объятия. - Просто непозволительно дерзки для невинной девочки из глухой провинции.

- Если бы я знала тогда, как именно нужно вести себя с прекрасной мечтой аристократических леди империи то кинулась бы вам на шею прямо в тронном зале.

- При твоей внешности кроткой и покорной куколки, ты обладаешь на редкость вздорным характером.

- Я вовсе не такая!

- Такая, такая, - принц, смеясь, поцеловал ее в макушку. - Огромные зеленые глаза, вздернутый носик и отвратительные манеры.

Девушка шутливо ударила его по руке и, извернувшись,

потерлась носом о его грудь.

-Ты выглядишь еще более волосатым, чем обычно.

- Волосы на груди растут не только у меня, милая.

- А на спине только у тебя.

- Женщины находят меня весьма привлекательным.

- Мне абсолютно все равно, как ты выглядишь. Не забыл, - Ламис вытянула заклейменные руки вперед. - Я - твоя собственность. Мне не позволительно иметь собственное мнение.

- Но ты, - принц перебил девушку. - Мне постоянно его высказываешь, второе клеймо тому доказательство. Чем хочешь заняться завтра?

- Можно пройтись по магазинам, встретиться с подругами в кондитерской за углом или лучше нет, - девушка притворно вздохнула, словно задумавшись, и тут же с фальшивой радостью выпалила. - Я ведь не могу иметь желаний, кроме одного, исполнять прихоти моего прекрасного господина. Как еще я могу мечтать провести день, кроме как, одурманив себя зельем, стонать от фальшивого наслаждения. Главное, чтобы тебе было приятно, главное доставить наслаждение своему хозяину.

Арман закрыл ее рот рукой, не давая продолжить, и холодно сказал:

- Я не желаю больше слышать подобных слов, немного нахальства, чтобы позабавиться, допускаю, но на этом и остановимся, Ламис. Хочешь продолжить свое очаровательное хамство?

Принц разжал пальцы, и девушка глухо пообещала:

- Я все равно сбегу от тебя в один прекрасный день.

- Главное смотри, чтобы этот чудесный день не стал днем твоей казни.

- Тогда мне стоит броситься вниз с балкона этого замка.

Арман погладил ее по голове, как маленькую девочку.

- Боюсь тогда, я всерьез возьмусь за твоих родителей. Ты знаешь, что палач может убивать жертву несколько дней? Занимательное зрелище, даже мне порою становиться не по себе.

Ламис судорожно вздохнула, неосознанно прижимаясь к принцу.

- Ты говорил, что мои родители ничего не знают обо мне.

- Ну, вот и случай представиться рассказать о том, во что превратилось их милое дитя.

- Это гнусный шантаж.

- Не ты ли называла меня мерзавцем? И я такой, Ламис, высокородный, властный подлец, полностью лишенный моральных принципов, особенно когда это касается моих собственных интересов. Может быть, ты сочла меня слабым, когда

я великодушно помиловал тебя?

- Прости.

- Ты знаешь, мой любимый способ извиняться, милая.

Две недели неистового шторма сменились временным затишьем. Ламис сидела на подоконнике, закутавшись в плед, и пыталась читать книгу, но разыгравшееся во дворе замка представление заставило ее окончательно захлопнуть книгу и прижаться носом к стеклу, пытаясь разглядеть сцену во всех подробностях, не упустив не единой детали. Теперь она поняла, по какой причине принц запретил ей покидать это крыло замка. Дорожная карета, запряженная четверкой великолепных серых лошадей, стояла у крыльца. Принц, стоял, засунув руки в карманы брюк, с откровенно скучающим выражением лица. Его спутница, высокая, почти одного с ним роста, симпатичная брюнетка что - то горячо ему говорила, выразительно жестикулируя руками. На неискушенный взгляд Ламис женщина была великолепна в узком платье и пышном меховом манто. Арман шагнул вниз по ступеням, спускаясь к карете, и женщина порывисто схватила его за рукав камзола, словно пытаясь удержать рядом с собой, потом закрыла лицо руками и заплакала, судя по вздрагивающим плечам. Принц продолжал равнодушно смотреть в сторону и брюнетка, перестав картинно рыдать, опять приблизилась к нему, подобострастно заглядывая ему в лицо. Ее руки обвились вокруг шеи мужчины, и она страстно впилась в его рот. Ламис замерев у окна, невольно ахнула, ее собственной смелости на нечто подобное хватало только под действием зелья. Тем временем, Арман уже видимо порядком, уставший от прощания с великосветской любовницей, разжал ее руки на своей шее и довольно таки грубо затолкал даму в карету, собственноручно закрыв за ней дверь. Принц неторопливо поднялся по ступеням и, не оборачиваясь вслед удаляющейся карете, скрылся за парадными дверями замка.

Ламис взглядом проводила карету, пока та не скрылась на дороге, за холмом. Ей было жаль эту незнакомую женщину, даже в слезах остававшуюся красивой. Ламис так не умела, если она плакала, то ее нос и глаза неизменно краснели, а лицо шло пятнами. Может быть, в высшем свете девушек учат не только светским манерам, но и методом изысканно плакать, глядя на мужчин проникновенным взглядом с поволокой? То, что эта прекрасная незнакомка, несомненно, являлась любовницей принца и была приглашена им в Темный замок, особо не волновало девушку. Из подборки городских газет она знала, что принц, принуждая ее к связи, всегда имел при этом интрижку с

какой - нибудь аристократкой. Ламис только не понимала, зачем при такой любвеобильности и склонности к многочисленным романам силой удерживать ее в своей постели. Она совсем не походила на тех женщин, с которыми принц состоял в интимной связи. Слишком молодая, неискушенная и незнатная. Но у Ламис был план, и она надеялась на то, что именно на это ей хватит опыта и везения.

Арман появился через час после отъезда аристократки, в шелковом халате и с все еще влажными после купания волосами.

- Я же просил тебя оставить эту дурацкую привычку сидеть на подоконнике, - принц раздраженно отшвырнул полотенце, и налив бокал вина подошел к Ламис, продолжавшей сидеть на подоконнике. Выглянул в окно и холодно заметил, презрительно глядя на девушку сверху вниз. - У тебя появилась плохая привычка, дорогая.

- Спектакль был настолько захватывающим, что невозможно было оторваться от сцены. Игра основных актеров просто блестящая.

- Я рад, что отъезд леди Миллс нисколько тебя не расстраивает, - принц пригубил бокал и, усмехаясь, добавил: - Ведь теперь это тебе придется стонать одурманенной подо мной в луже собственной крови. Я видимо зря побеспокоился о наличие любовницы в замке, стараясь, свисти к минимуму наши интимные развлечения. Может быть, для тебя все и не так отвратительно, как ты это пытаешься мне показать? Только намекни, Ламис, и вся моя страсть будет принадлежать тебе безраздельно.

- Вот уж неправда, я с радостью отдам тебя в цепкие ручки аристократок, судя по всему, они находят тебя неотразимым.

- Я щедрый любовник, дорогая.

- Ну, да, бесценные подарки от наследного принца. Почему бы тебе ни признаться, что ты покупаешь любовь? По собственной воле с тобой спят только проститутки.

Пощечина обожгла щеку, но девушка, улыбнувшись, упрямо добавила:

- С прекрасным принцем Дарина спят проститутки, а еще он насилует беспомощных рабынь, не стесняясь применять силу.

- Кажется, твой пикник на берегу моря отменяется, милая.

Для пикника выбрали живописное место на берегу, где лес почти вплотную подходил к морю. Пока Арман с недовольной миной перетаскивал корзины из ландо и привязывал лошадей, Ламис расстелила покрывало в укромном уголке между двумя огромными валунами. Потом расставила приборы и разложенные

поваром по тарелкам холодные закуски и бутылку вина. Принц вернулся, демонстративно кутаясь в куртку и потирая озябшие ладони.

- С каких это пор ты стала испытывать тягу к пикникам? Я бы понял твое желание подышать свежим воздухом в прекрасный летний день, но зимой! Этого я не понимаю.

Девушка, лучезарно улыбаясь, протянула свой бокал, и принц наполнил его вином, потом наполнил свой.

- В такую погоду надо пить нечто покрепче вина, - заметил принц, опускаясь на покрывало.

- Сегодня тепло и ветер утих и, если ты перестанешь придираться, то сам заметишь какая сегодня замечательная погода. К тому же отсюда открывается весьма впечатляющий вид на бухту.

- Я бы вполне понял твое внезапное желание устроить пикник в теплый летний день, но сейчас? Это немного выше моего понимания, Ламис, хотя ты выглядишь вполне довольной собой. Надеюсь, твое настроение перестанет колебаться между "очень плохо" и "все будет только хуже"? Для меня немного утомительно постоянно находиться рядом с девушкой, испытывающей постоянные приступы депрессии.

Ламис залпом выпила бокал вина и вызывающе предложила, глядя на наследного принца:

- Ты всегда сможешь пригласить к себе самых прекрасных высокородных леди, единственной проблемой, которых станет забота о твоем настроение и твоем совершенном теле первого любовника империи Дарина. У них будет выбор, у меня, его нет, и никогда не было. Ты принуждаешь меня ложиться в твою постель, ты заставляешь меня чувствовать себя вещью для потребления. Я не имею права выбора и права своего голоса. Ты и только ты, решаешь какое платье мне носить, какие книги мне читать и с кем я имею право общаться. Я одна, я совершенно одна, и я несчастна. Я хочу быть другой, я хочу быть подобной тем леди, с которыми ты танцуешь и флиртуешь на балах. Они живут, а не существуют, подобно мне, заключенной в этих апартаментах, полностью зависимой от тебя. Я хочу любить и быть любимой, а тебе это никогда не было нужно. Вокруг тебя только леди, жаждущие твоего внимания, потому что это дает им преимущество, пусть временное, но преимущество перед другими, тебя окружают вельможи, восторгающиеся тобой только для того, чтобы получить имение или новый титул. И никто, никогда не будет любить тебя просто за то, что ты милый, добрый и красивый. Ты никому не будешь, нужен, если лишишься титула наследного принца империи Дарина. Ты станешь никем, вокруг

тебя будет полоса отчуждения, совсем такая, какую ты создал вокруг меня, сделав своей рабыней.

Арман безразлично смотрел на расстроенную, заламывающую от волнения руки, девушку и начинал понемногу выходить из себя.

- Я буду надеяться, что не лишусь, права на престол и не потеряю свое алчное окружение. Но, милая Ламис, ты слишком много позволяешь себе говорить для смазливой девочки, согревающей мою постель.

Ламис порывисто поднялась и зашагала к кромке прибоя, остановилась, постояла, глядя на холодные волны и, пошла обратно. Виновато улыбнулась, и присев за спиной принца, прижалась щекой к его широкой спине.

- Прости меня, прости. Я, конечно же, не права, но ты отказываешься дать мне свободу, а у меня нет больше сил, быть твоей рабыней. Я не могу так, Арман, я не могу быть просто вещью. Ты совсем не оставляешь мне выбора, у меня нет ничего впереди, кроме постоянного ожидания того, что ты однажды оставишь меня запертой в каземате, как сделал до этого. И я буду сидеть там, день за днем, глядя в серые отблески под потолком, раздавленная, сломленная, всеми забытая. Я не хочу больше так. Прости.

Принц слегка повернул голову, намереваясь прекратить истерический лепет, но внезапно его обступила тьма.

Арман медленно приходил в себя, попытался открыть глаза и глухо застонал от пульсирующей боли в голове. Перепил вчера с Джаном и Мавелло? Но он же собирался уехать на побережье с рабыней.

- Ваше Высочество! Ваше Высочество!

Принц с трудом открыл глаза, гадая, что здесь делает капитан его личной гвардии.

- Ваше Высочество, вам лучше?

Арман обвел недоуменным взглядом комнату. Он находился в Темном замке, но где тогда Ламис и что здесь делают его гвардейцы?

- Что случилось капитан?

Гвардеец склонился в поклоне и коротко доложил:

- Мы рассредоточились вдоль кромки леса на берегу. Через какое - то время увидели вашу рабыню, бегущую по направлению к Нассену. Я приказал ее задержать, а сам отправился к месту проведения пикника. Вы, Ваше Высочество, лежали лицом вниз, рядом валялся камень со следами крови. Судя по всему, ваша рабыня попыталась вас оглоушить и сбежать.

Арман тяжело приподнялся в кровати, растирая рукой онемевшую шею.

- Где она?

- В соседней комнате, Ваше Высочество, под охраной двух солдат.

- Надеюсь, вы ничего не предпринимали, капитан?

На обветренном лице гвардейца появилось почти детское выражение обиды.

- Ваше Императорское Высочество, как можно, без вашего приказа? Но мы вынуждены были ее связать, пока доставляли в замок, так как девушка очень сильно сопротивлялась.

По губам принца скользнула мимолетная ядовитая усмешка. Он мог себе представить, как будет сопротивляться Ламис возвращению в Темный Замок после того, что попыталась с ним сделать. Ведь знала, на могла не знать, чем заплатит за преступление и все равно пошла на это, чтобы вырваться на свободу.

- Приведите ее сюда, капитан.

Солдат вышел и почти сразу вернулся, втащив за собой упирающуюся девушку. Ламис выглядела немного взъерошенной, но не испуганной, наоборот: подбородок вздернут, спина прямая и только взгляд старательно отводит, избегая смотреть в сторону принца.

- Оставьте нас наедине.

Гвардейцы покинули спальню, прикрыв за собой двери. Арман молча разглядывал застывшую посередине комнаты Ламис, потом холодно приказал:

- Подойди ближе, дорогая.

Девушка пренебрежительно передернула хрупкими плечиками и осталась стоять на месте.

- Что ты пытаешься доказать мне, Ламис? Думаешь, я сейчас наброшусь на тебя и забью до смерти? Ошибаешься, так легко ты не отделаешься.

- Ну, конечно, же, - Ламис повернулась и окатила принца презрительным взглядом. - Я пыталась вас убить и сбежать, за это меня будут пытать и только после этого казнят. Но зря надеетесь, я не буду умолять меня пощадить. Я все для себя решила. Лучше так, чем лежать под высокородным мерзавцем, считая себя его собственностью. Я никогда не буду вашей, чтобы вы там себе не придумали.

- Я помню время, когда ты относилась ко мне иначе. Что было плохого в твоей любви ко мне?

- Только не надо об этом. Тривиальный ход примитивного поддонка: унижать, запугать, а потом дать чуточку ласки и

внимания, приправленного волшебным порошком. Кто не растает от подобного обращения? Я давно все прекрасно понимаю, мой принц, и ненавижу вас с каждым днем все сильней и сильней. Меня просто накрывает волна ненависти, когда я смотрю в красивое лицо негодяя, с легкостью поломавшего мою жизнь. До того как я встретила вас, меня никогда не обуревали подобные страсти, но вы, как никто умеете вызывать подобные чувства у окружающих.

Арман встал с постели и подошел к Ламис. Девушка заметно напряглась, но не отступила и взгляда не отвела.

- Бить будете лично?

- Значит, не раскаиваешься?

Ламис смерила принца презрительным взглядом и высокомерно произнесла:

- Начнете убивать прямо сейчас?

Но принц молча подошел к двери и, распахнув ее, коротко приказал ожидавшим за ней солдатам:

- Спустите вниз, подвесите на крюк, но чтобы и пальцем не дотрагивались до девчонки.

Потом повернулся к Ламис и, усмехаясь, намеренно для нее пояснил:

- В этом замке есть такие комнаты, о знакомстве, с которыми люди вспоминают, вздрагивая от ужаса. Посмотрим, чем запомниться это приключение для тебя.

Принц отошел в сторону, впуская в спальню солдат.

Ламис связали руки и подвесили на вбитый в потолок длинный крюк. Девушка не сопротивлялась, сосредоточившись на том, чтобы убедить себя вынести достойно все то, что придумает извращенный ум наследного принца Дарина. Время шло, руки затекали, теряя чувствительность, но Арман не появлялся. Когда дверь открылась, девушка даже невольно вздохнула от облегчения, можно было уже не бояться. Принц медленно обошел пленницу, приподнял за подбородок лицо, заглядывая в мятежные глаза.

- Я долго думал, дорогая, как именно можно тебя наказать. Высечь? Но мы это проходили, к тому же так не хочется больше портить твою нежную кожу. Шрамы на твоей спине и так портят мне эстетическое наслаждение твоей нежной, бархатной кожей. Избить? И это между нами было. Какой толк будет от тебя ближайший месяц? И тут я вспомнил то, чего ты боишься больше всего, и то, что лично мне приносит ничем неизмеримое удовольствие. Мы займемся любовью, дорогая.

Принц лениво, не спеша, расстегнул все пуговицы платья,

обнажая спину и рванув ткань, разорвал юбку да самого подола. Ламис инстинктивно дернулась, пытаясь избежать прикосновений его рук и, Арман тихонько рассмеялся над ее тщетными попытками.

- Ну, не надо так делать, дорогая, а то у меня пропадет всякое желание быть милым. А это вовсе не в твоих интересах, поверь мне. Этот вид занятия любовью тебе точно не понравиться, Ламис, а, учитывая обстоятельства и мое прескверное настроение, тебе будет не просто больно, а очень - очень больно. У меня же нет причин проявлять снисхождение к тебе моя маленькая, глупенькая рабыня. Ты все еще не раскаиваешься, Ламис, даю совет: начни умолять, и я сниму тебя с этого крюка, и для начала позволю приласкать себя твоими нежными губами.

Девушка высокомерно молчала.

- Не хочешь поплакать? Ну, тогда будешь визжать от боли, милая.

Ламис очнулась от потока ледяной воды, окатившего ее с головы до ног. И тут же жалостливо заскулила, стараясь поджать под себя ноги.

- Не нужно больше, я прошу вас.

Девушка безуспешно пыталась извернуться, чтобы заглянуть в лицо принца, но тело уже давно ее не слушалось, и она лишь безвольно закачалась. Арман неслышно подошел со спины, грубо сжимая ее грудь руками, потом одна рука скользнула вниз, к животу, вдавливая в мускулистые бедра мужчины. Ламис заплакала.

- Я больше не буду, пожалуйста, я согласна на все. Я буду вашей рабыней. Только не надо так делать. Ну, пожалуйста, пожалуйста, не надо так делать.

Принц чуть прикусил основание тонкой шеи.

- Ммм, ты сзади такая восхитительная, Ламис, думаю, мы будем и дальше практиковать нечто подобное. Но ты слишком быстро теряешь сознание, дорогая, и я никак не могу закончить.

Кассиус бежал по переходам дворца со всей прытью, на которую был еще способен. Он остановился напротив двери, жадно хватая ртом воздух и прижимая руку к груди, как будто пытаясь остановить бешеный стук сердца. Лакеи, затянутые в изумрудные с золотом ливреи с высоты смотрели на сморщенного старика, давая ему, время отдышаться перед тем, как тот войдет к императору. Наконец, старик оттер с лица проступившую испарину, двери скрипнули и, он проскользнул в приоткрывшуюся дверь. Император сидел за столом и как только

старый лекарь склонился перед ним в поклоне, нетерпеливо спросил:

- Ты осматривал рабыню моего сына и сказал, что она неспособна, выносить ребенка до положенного срока. Сейчас я хочу знать все о том, что станется с девчонкой, если она отяжелеет.

Кассиус недоуменно сморгнул, не до конца понимая странное желание своего императора.

- Ваше Величество, ваш сын, Его Императорское Высочество, всегда принимает меры для того, чтобы ни одна из его женщин не оказалась в подобном положении. Его рабыня тому не исключение, мой император.

Император недовольно поморщился на недогадливость слуги и холодно заметил:

- Я не спрашиваю у тебя, что и как делает мой сын. Я хочу знать точно, что станет с рабыней, если она окажется в положении?

Кассиус испуганно склонился еще ниже.

- Ваше Величество, - голос старика дрожал от страха. - Я осматривал рабыню несколько раз и могу достоверно сказать, что ее телосложение совершенно не подходит для того, чтобы не то, что выносить дитя, но и получать хотя бы слабое удовольствие от плотской близости с вашим сыном.

- Я не спрашиваю тебя, нравиться этой потаскухе лежать под моим сыном или нет. Я спрашиваю тебя, как именно ее не станет в жизни моего сына?

- Если Его Высочество принц Арман, допустит однажды нечто подобное, у девочки случится кровотечение, которое будет невозможно остановить. Она и ребенок погибнут. Если же каким то чудом, она и доносит до положенного срока, родить не сможет.

Император, откинувшись на спинку кресла, довольно улыбнулся услышанному.

- Какой срок ты допускаешь до финальной развязки?

Кассиус осторожно приподнял голову, взглянул на императора и коротко сказал:

- Полгода, может быть меньше.

- Будет ли шанс выжить у ее ребенка?

- Никаких, Ваше Императорское Высочество, ребенок погибнет еще в утробе матери.

- Прекрасно, Кассиус, прекрасно.

Настроение императора заметно улучшалось с каждым словом, произнесенным стариком. Он даже встал и, выйдя из-за стола, прошелся по кабинету, выглянул в окно, словно о чем - то, задумавшись, потом остановился перед стариком и сказал,

презрительно глядя на согнутую спину слуги:

- Ты отсылаешь порошки для рабыни каждую неделю, Кассиус, и теперь ты заменишь их на пустышку, сахарную пудру, на все что угодно. Зная темперамент сына, рабыня перестанет представлять проблему весьма скоро.

Старик внезапно вспотел, все внутренности затряслись только от одной мысли о том, что сделает с ним принц, если узнает, что он натворил, выполняя приказ императора. Он же видел, он знал о той болезненной, противоестественной тяге наследника престола к собственной рабыне. Принц был известен при дворе, как опытный и щедрый любовник. Но он превращался в зверя, как только дело касалось безвестной девчонки с Вэлльских болот. Нежный, искушенный любовник исчезал без следа, обнажая самые неприглядные наклонности наследного принца. Он избивал, унижал и насиловал хрупкое существо, явно не способное что - то противопоставить ему в свою защиту, ломая ее волю, превращая в собственную игрушку для плотских утех. Кассиус знал, что однажды император уже избавлялся от рабыни, но принц все же вернул ее себе, и теперь увезя ее на побережье, отказывался возвращаться в Сталлору, к своему отцу и своей принцессе.

Старик нервно сглотнул внезапно появившийся ком в горле и еле слышно пролепетал:

- Ваше Величество, но если принц Арман узнает, что я наделал, он же перебьет всю мою семью? Позвольте, мне хотя бы вывезти из страны семью и спрятать их от гнева вашего сына.

- У тебя будет время спрятаться, когда ты все сделаешь. Я помогу тебе и щедро вознагражу за службу.

Император отпустил его величественным жестом, а потом снова взял письмо, доставленное ему курьером этим утром. Рабыня пыталась бежать, оглушив принца ударом камня по голове. Ее схватили, но Арман придя в сознание, не только не приказал ее убить, но даже не высек, а заперся с ней в спальне на несколько дней. Император недовольно поморщился, он не понимал желания своего сына спать именно с этой рабыней. Хотя он с ней даже не спал, он давно жил с ней так, словно они были супругами.

Ламис, крадучись выбралась из своего укрытия за плотной портьерой, постоянно оглядываясь и, готовая моментально юркнуть обратно, в спасительную тень задрапированного тканью изголовья кровати. Она не боялась, просто мудро избегала любых случайных встреч с наследным принцем. Схватила с оставленного на столике подноса сладкую булочку и тут же шмыгнула назад, от

страха с трудом переводя дыхание. Повезло.

- Милая, я тебя видел.

Ненавистный голос. Было так легко, даже забавно представлять себе, как ты убегаешь из замка, прочь от хозяина и, если даже поймают, стоически выдержав любые пытки, идешь на встречу с палачом, прямо держа спину и гордо вздернув подбородок. Последний презрительный взгляд на прекрасное лицо и все. Но если у принца не было никакого желания расставаться с ней, или отдавать на расправу палачу? Ламис как - то совсем не подумала, что именно сделает с ней принц, когда она окажется в его руках. А она оказалась в его руках гораздо раньше, чем представляла, устраивая эскападу. Ну, откуда ей было знать, что принца всегда и везде охраняют? Она никогда не замечала вокруг солдат. Ну, разве что на стенах замка или во дворе дворца Дарина. Глупо, так все глупо получилось. И умолять она начала, едва только почувствовала первые признаки боли, а потом теплая кровь, стекающая по ногам и, она потеряла сознание. Только измываться над бездыханным телом никоим образом в планы принца относительно нее не входило. Он всегда отличался редким упорством, приводя ее в чувство и пространно показывая, каким именно может быть изнасилование. Прекрасный принц Дарина мог быть изобретательным в своей жестокости. Они вернулись назад, к тому, что Ламис пыталась забыть, к тому, что Арман однажды пообещал не повторять. Хотя он и не повторялся, все происходило по-новому, и от этого еще страшней.

- Милая, ты долго собираешься прятаться от меня?

Ламис зажала кулачок зубами, пытаясь выровнять дыхание, зажмурила глаза, вздохнула, встала на ноги, открыла глаза и вышла из-за занавески.

- Мой господин.

Взгляд в пол, руки вдоль тела, плечи опущены и чуть отведены назад. Мелькнула какая - то тень и Ламис с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться в сторону. Всего лишь игра света, может быть, принц переставил подсвечник на камине.

- К тебе заходил Кассиус?

Девушка ограничилась согласным кивком.

- Я не слышу ответа.

- Да, мой господин.

Значит, он не смотрит на нее. Ламис быстро взглянула в сторону камина. Принц стоял спиной к ней, обе руки в карманах брюк, ноги чуть расставлены. И тут до нее донеся характерный запах. Пьян.

- Что он сказал?

Сердце остановилось, пропуская удар. Он не говорил со стариком. Вполне можно солгать, немного, всего лишь невинная ложь, только чтобы не было снова больно.

- Он сказал, что все заживает и, завтра можно будет делать все, как вы пожелаете.

- Странно, милая. - Принц, слегка пошатываясь, повернулся лицом к ней. - Несколько минут назад он мне сказал, что с тобой все в абсолютном порядке.

Арман подошел к ней и, приподняв ее лицо за подбородок, заставил смотреть в свои стывшие серым льдом глаза.

- Значит, ты пришла в себя уже настолько, что начинаешь лгать своему господину?

Ламис знала, что ответа он от нее не ждет. Просто заводит себя настолько, чтобы уже не сдерживаться и дать волю своим наклонностям садиста. Ничего, девушка непроизвольно сжалась в ожидание первого удара, за то потом она сможет дня три вообще ничего не бояться. Слуги отнесут ее в соседнюю комнату, и оставят там до тех пор, пока она не начнет сама подниматься. И принц туда никогда не заходит, только слуги приносят все самое необходимое. Она будет там совсем одна, сможет спать на тонкой циновке не опасаясь проснуться от того, что принц навалившись, раздирает ее внутренности своим огромным членом. Однажды он ударил ее так сильно, что она пришла в себя уже лежа в той комнате. Если бы и сейчас он ударил сразу по голове, а только потом начал насиловать. Он же достаточно пьян для того, чтобы не обращать внимания на то, что его рабыня никак не реагирует на проникновения.

- На колени, сука.

Ламис поспешно опустилась вниз. Снова короткий приказ.

- Поласкай.

Девушка сомкнула губы, лаская языком мужскую плоть.

- Ложись в постель.

Ламис понимала, что это означает. Ее губы заскользили в ускоренном ритме, пальчики ласкали, но принц резко потянул за волосы, отстраняя, прочь.

- Милая, ты очень плохо выполняешь приказы. Я приказал лечь на кровать.

Девушка встала на трясущихся ногах и, подойдя к кровати, опустилась на колени, уткнувшись лицом в шелковое покрывало. Принц поднял юбку вверх, стянул шелковое белье. Горячая влажная плоть легла между округлых ягодиц.

- Надеюсь, ты не разорвешься, как обычно, с первого раза, милая?

Ламис не потеряла сознания и все еще продолжала истошно

визжать, когда две дородные служанки выволакивали ее за руки из спальни.

Арман, развалившись в кресле и закинув ноги на низенький столик, лениво курил тонкую сигару, небрежно стряхивая пепел прямо на пол. Он был уже достаточно пьян, чтобы приказать привести к нему Ламис и получить новую порцию удовольствия, принуждая девушку к занятиям любовью со своим прекрасным принцем. Арман протянул руку за стаканом, но тот был пуст. Повелительный жест рукой и лакей вновь наполняет его стакан. Появление Ламис в дверях заставило принца затушить сигару и тяжело подняться с кресла. Он неуклюже запнулся о ковер и выругался сквозь стиснутые зубы. С каких это пор ему понадобилось напиваться, чтобы заглянуть в потухшие глаза, поцеловать искусанные им же губы, сжать в руках тонкий стан? Он никогда не предполагал ее бить, он вообще никогда до нее не поднимал руку на женщину. Нужды не было, он обладал теми качествами, от которых все женщины сходили с ума. Он был красив, богат и знатен. Женщины хотели быть с ним, но только не она. Арман пытался быть обходительным и терпеливым, он позволял рабыне то, что никогда не спустил бы никому другому. И как отблагодарила маленькая дрянь его за благородство и учтивость? Попыталась размозжить голову и сбежать, чтобы обрести свободу. И это та самая милая, добрая, юная леди, какой ее описывал Вистерус в своих письмах?

- Подойди, Ламис.

Девушка послушно остановилась перед ним. Арман криво усмехнулся, разглядывая судорожно сжатые кулачки. Она боялась его. Нет, и никогда не будет между ними ничего другого. Она может быть только упрямой, своевольной и дерзкой, жаждущей получить свободу и однажды рискнувшей всем ради достижения этой цели. Или вот такой, поломанной безвольной куклой, покорной до зубовного скрежета. Принц протянул руку, касаясь белокурых волос, рассеянно наматывая локон на палец. Он не хотел быть жестоким, только немного придушить ее жажду к свободе.

- Ламис, - голос внезапно сел. - Если ты пообещаешь больше не делать глупостей, я и пальцем тебя не трону. Я же не садист, чтобы ты там обо мне не думала. И я, правда, хочу, чтобы между нами все было иначе. Ну, вспомни, как все было замечательно, пока ты не решилась на побег. Тебе же нравилось ложиться со мной в постель. Да, под дурманом, но ты никогда не была так счастлива, как после того, как принимала его. Ты смеялась, говорила возмутительные вещи и потом так сладко стонала от

моих ласк. А к чему мы пришли сейчас? Опять твоя боль, твоя кровь и я ненавижу это выражение тупого смирения на твоем лице. Ты же не такая, Ламис. Ты совсем другая. Пообещай не сбегать больше, скажи мне это и я пальцем к тебе не притронусь против твоей воли.

Девушка подняла голову и, в ее глазах впервые за последнее время промелькнуло нечто осмысленное.

- Я для себя все решила, господин. - Неосознанный шажок назад. - Лучше убейте.

Принц внезапно оскалился.

- Как тебе будет угодно, дорогая.

Нет, убивать он ее не собирался, только немножко поучить и остановился сразу после того, как Ламис потеряла сознание. Вытирая руки о носовой платок, Арман вызвал лакея и приказал привести Кассиуса для девушки. Слуга вернулся почти сразу с сообщением о том, что доктор отбыл в столицу. Принц выругался, он же сам отпустил старика в Сталлору по его настоятельной просьбе.

- Отправляйся в город и привези кого - нибудь оттуда. - Арман бросил взгляд на неподвижно лежащую на полу девушку. - И поторопись.

В Нассене был только один врач, совсем молодой, недавний выпускник университета. Он старательно осмотрел девушку, едва пришедшую в себя, задал пару вопросов, совершенно не относящихся к осмотру. Принц, к тому моменту достаточно вышедший из себя от странного поведения и его вопросов доктора, уже хотел приказать его вывести из комнаты, когда парень закрыл саквояж и сам направился к дверям, учтиво попросив Его Императорское Высочество уделить ему несколько минут его драгоценного времени. Едва они оказались в гостиной доктор, чуть склонив голову набок и глядя на принца серьезными карими глазами, вежливо произнес:

- Состояние вашей рабыни вполне удовлетворительное, но я должен предупредить вас, Ваше Императорское Высочество, что при таком... - Парень покраснел. - Образе жизни, есть весьма определенная вероятность потерять ребенка. Телосложение девушки весьма и весьма далеко от того, чтобы способствовать деторождению. Возможно, Ваше Императорское Высочество уже консультировались по этому вопросу с придворным лекарем, но я все же настоятельно советую несколько изменить ... э - э, образ жизни вашей рабыни.

Арман бессмысленно смотрел на внезапно вспотевшего парня, нервно вытиравшего покрытый испариной лоб, и безуспешно пытался понять смысл только что сказанного. Ламис

ждет ребенка? Но это невозможно. Арман тщательно следил за этой стороной отношений, и не только с этой рабыней. Принц не желал иметь побочных детей от своих многочисленных любовниц. Империи нужен только законный наследник. Он встряхнул головой, в безуспешной попытке сбросить остатки опьянения и тяжело опустился в кресло.

- Этого не может быть. - Арман смотрел на свои сцепленные в замок руки, лежащие на коленях. - Этого не может быть. Кассиус...

Внезапно приехавший из столицы Кассиус так настаивал на тщательном осмотре Армана после глупого нападения Ламис, а потом остался для того, чтобы понаблюдать лично за дальнейшим состоянием принца, и он осматривал, несколько раз осматривал Ламис по его собственному приказу и постоянно повторял, что все в полном порядке, причин для беспокойства нет. Кассиус, тот самый Кассиус, занявший место придворного доктора после того, как Вистериус покинул Сталлору и поселился в провинции Вэлли. Кассиус, никогда не смевший делать ничего без личного приказа императора. А Ламис мешала его отцу. Арман не хотел возвращаться в столицу и не проявлял интереса к супруге, а император настаивал на наследнике. Ламис мешала и, ее решено было убрать. Очень, очень тонко придумано. Если бы не случай, то Арман никогда бы и не узнал, что Ламис ждет его ребенка. Кассиус сказал бы, что это последствия очередного наказания, и он бы поверил ему.

- Есть ли шанс у моей рабыни?

Принц знал ответ, его отец просчитал все на несколько ходов вперед, не оставив не малейшего шанса Ламис и ребенку. Император бы не допустил рождения единственного ребенка наследного принца империи Дарина от ничтожной рабыни. Значит, Кассиус гарантировал ему удобное для всех решение проблемы, каковую и представляла собой золотоволосая девочка из глухой провинции. Арман застонал, уткнувшись лицом в ладони. Он не мог потерять Ламис, потерять своего ребенка, они принадлежали ему.

- Ваше Императорское Высочество, - осторожно обратил на себя внимание доктор. - Я не так давно практикую, но еще во время учебы слышал о том, как под воздействием определенных снадобий, делают надрезы через каковые, и появляется ребенок. Больше детей такие женщины иметь не могут, но остаются, живы, как и их потомство. Наверняка придворный доктор все это знает лучше меня.

Арман грустно усмехнулся: конечно, знает, но сделает исключительно так, чтобы избавиться и от Ламис, и от ребенка

своего принца. Кассиус сделает все, чтобы воля императора была исполнена. Принц поднялся из кресла и махнул лакеям: проводите, и направился в спальню. Ламис лежала трогательно хрупкая на огромной кровати под темно - синим балдахином. Арман прилег рядом, старательно не обращая внимания на ее затравленный взгляд и непроизвольное дрожание тонких рук, поверх атласного покрывала. Он мог бы пойти ей навстречу, когда она просила его даровать ей вольную. Однако он упорствовал, не желая давать ей хотя бы малейший шанс избавиться от его власти. И теперь перед ним плескалось море отчаяние и панический ужас возможной потери. Он желал Ламис, он жаждал взять на руки своего ребенка, он хотел их обоих навсегда. Весь невыразимый ужас произошедшего накрыл с головой и Арман, не сдержавшись, притянул девушку к себе, покрывая поцелуями, перепуганное лицо и неистово шепча пересохшими губами только одно слово: люблю. Он знал, что она ничего не понимает и боится его и, сделав над собой усилие, с трудом сказал:

- Прости.

Он видел зияющую пустоту безразличия в зеленых глазах и понимал: одно слово ничего между ними не изменит.

5

- Ты сам толкнул меня на этот шаг. - Арман отрешенно смотрел в окно, не замечая буйства красок в императорском саду. - Чего ты ожидал, отец? Думал, что я окажусь настолько глупым, что не замечу, произошедших изменений в Ламис? Убью ее, убив собственного ребенка?

Мужчина в изнеможении провел рукой по лицу. Он устал бояться, бояться смотреть в запавшие глаза рабыни и понимать, что в любой момент все может измениться: и он потеряет и ребенка, и любимую женщину. И тонкие, под прозрачной кожей, руки Ламис бережно охватывающие только наметившийся животик. Когда девушка была уверена, что ее никто не слышит, она разговаривала с еще не рожденным ребенком и напевала ему мелодичные песенки. И эта затаенная нежность, и безграничная любовь к его наследнику дарила Арману шанс на ее прощение.

- Принц крови, наследник Дарина отрекается от трона и покидает империю ради дешевой потаскухи? - Император почти шипел с перекошенным от злобы лицом. - Кого ты хочешь обмануть, Арман? Ты никогда не думал ни о ком кроме себя. С чего тебе меняться сейчас? Тебя окружает множество готовых на все леди, и ты не пренебрегаешь их общество, и твоя постель никогда не пустует. Так откуда эта немыслимая жертва: никому непонятная и никому не нужная. Ты думаешь, Ламис это оценит и перестанет вздрагивать от отвращения при твоем появлении?

Арман посмотрел на отца и холодно произнес:

- Мой ребенок не будет рабом, дорогой отец, и именно ради него я отказываюсь от привилегии быть наследником трона Дарина. Тебе пришла пора позаботиться о том, чтобы официально признать Джана своим сыном и наследником.

- Ты добровольно отдаешь свои привилегии принца крови незаконнорожденному брату?

Арман презрительно усмехнулся.

- Мой сын родится рабом, благодаря вам, дражайший император. Так мне ли осуждать кого - то за право сомнительного рождения? В Дамана нет рабства, мы переберемся туда, как только Ламис и ребенок окрепнут настолько, чтобы перенести это путешествие. И этого времени должно вполне хватить на то, чтобы вернуть принцессу обратно в Инихсан и ввести Джана в курс его новых обременительных обязанностей на месте наследника престола Дарина. Все наши ошибки возвращаются к нам, отец. Ты отказался признать сына герцогини младшим принцем, хотя вся империя это знала доподлинно и теперь

именно он на радость его маман станет наследником императора. Я же сделал Ламис своей любимой игрушкой, и упорно отказывался видеть и признавать в ней нечто большее, чем средство для забав в постели и теперь я отрекаюсь от прав на империю ради того, чтобы быть с ней и нашим сыном. Перед нами маячат заманчивые перспективы, отец.

Император промолчал. Он сидел, откинувшись в кресле, и изучал сына холодным взглядом из под тяжелых век. Наконец, его губы чуть дрогнули.

- Все еще может сложиться так, что тебе вовсе и не нужно будет отрекаться от законного права на трон, мой дорогой сын. Зачем торопить события, если можно выждать.

- Я откажусь от короны в пользу Джана в любом случае, император. Не пресечешь попыток вмешиваться в мое личное пространство, и я больше никогда не назову тебя отцом.

Арман уперся руками в стол напротив отца и, наклонившись к императору, прошипел тихо, с расстановкой:

- Кассиуса я убью лично, но вначале я уничтожу весь его род, на его глазах. Подосланные тобою крысы должны знать, чем для них вполне могут, закончится небольшие поручения от императора Дарина. Не нужно было, отец, трогать мою рабыню.

- Ты ведешь себя как глупый мальчишка. Ты носишься с этой девкой так, словно она все для тебя.

- Я люблю ее.

Император рассмеялся.

- Так люби, мой сын! Прикажи докторам подчистить ее и развлекайся дальше, я не против. Арман, ты - принц крови, наследник трона Дарина и твоего сына должна родить твоя законная супруга, принцесса Инихсана. Неужели ты думаешь, я пошел бы на подобные меры, если бы ты не забывал появляться в апартаментах собственной супруги? Да, она вовсе не предел мечтаний каждого мужчины, но она красива и ее происхождение просто идеально для того, чтобы она стала матерью моего внука.

- Мне жаль, отец, - принц усмехнулся. - Но сына мне подарит Ламис.

Поздней осенью, когда снег еще не выпал, но по утрам было холодно и, мелкие речки покрывались тонким узором льда, Арман взял на руки новорожденного сына. Младенец был совсем крошечный, с легким пушком темных волос и мутным взглядом. Он едва слышно пищал, краснея от натуги и, еле заметно дергал тонкими ручками и ножками, завернутый в батистовые пеленки с монограммой Дарина. Доктора, кормилица, привезенная из деревни, и две няни наперебой уверяли, что красивее младенца

давно не видели. Арман милостиво улыбался льстивым словам: он и вправду считал, что его сын весьма близок к совершенству.

Ламис металась в горячке несколько дней и, измученный опасениями мужчина почти не отходил от ее постели, оставив сына на попечение многочисленной прислуги. Иногда девушка будто очнувшись, тепло, и вполне осмысленно, смотрела на него бездонными зелеными глазами на маленьком осунувшемся личике и просила принести ребенка, но жар не отступал и, Ламис снова металась в бреду, умоляя потрескавшимися губами спасти ее от ужасного человека, пытающегося ее убить. Арман догадывался от кого именно она пытается убежать в своих кошмарах и с неизъяснимой тоской глядя на единственную, что любил, ясно понимал, что никуда он ее не отпустит и если нужно будет, сломает окончательно. Кризис миновал и Арман позволил принести рабыне сына. Ламис усадили, подложив под спину гору подушек, и кормилица бережно положила на ее колени завернутого в голубое покрывало спящего младенца.

- Он такой красивый.

Девушка беззвучно заплакала, судорожно глотая слезы, и Арман присел рядом на постель, касаясь губами макушки золотистых волос.

- Глупенькая, зачем же плакать? Вот смотри, - он сжал безвольные пальцы в своей руке и протянул к ребенку, касаясь кончиками ее пальцев нежной щечки сына. - Видишь, наш маленький спит, но у него отличный аппетит и все наперебой меня убеждают, что скоро он будет совсем большим и очень непоседливым.

Арман заботливо вытер ее заплаканное лицо своим носовым платком и поцеловал покрасневший кончик носа.

- Ламис, ты подарила мне замечательного сына.

Вся жизнь мужчины сузилась до спальной комнаты, где Ламис, сидя в постели держала на руках его сына, напевая незамысловатые песенки тоненьким, прерывистым голоском. Она все еще была слаба, и Арман уступив умоляющему взгляду зеленых глаз, позволил слугам приносить ей ребенка по нескольку раз в день. Когда малыш засыпал, его перекладывали в колыбель рядом с их кроватью и, Ламис укладываясь на самый край постели, любовалась спящим сыном. Тоскливое равнодушие последних месяцев исчезло без следа, и принц наслаждался таким непривычным умиротворением в его отношениях с Ламис.

В день, когда он подписал официальный документ отречения на наследование империи Дарина и вручил его обозленному отцу в присутствии советников и министров, Ламис

встала с кровати и прошлась по комнате, с поддержкой служанки. Через две недели Арман с сыном и рабыней отбыл в Даману. Он больше не был наследным принцем империи Дарина, он стал военным советником Дамана. Арман Калин. Новое имя, новый дом, новая жизнь и все это для одного крошечного существа с прозрачными серыми глазами и мягкими прядями темных волос, сладко посапывающего в колыбели.

Ламис, сидя в кресле у окна, наблюдала за тем, как принц, растянувшись на газоне, играет с маленьким Латером, заставляя того тянуться за игрушкой. Мальчик капризничал, пробовал заплакать, но, видя, что его слезы не имеют никакого влияния на отца, пополз за любимой игрушкой. Девушка улыбнулась, из нее маленький шалун вил веревки, он уже прекрасно усвоил, что стоит только матери увидеть его дрожащий подбородочек и опущенные уголки рта, как любой его каприз тут же исполнялся. Арман был недоволен тем, как она воспитывает сына, но снисходительно закрывал глаза на ее слабые педагогические способности, позволяя баловать ребенка сверх меры. Ламис буквально растворилась в своей любви к сыну, проводя все время в детской и даря нерастраченное тепло и ласку единственно - важному человечку в своей жизни. Она бы и спала там же, рядом с кроваткой сына под голубым балдахином, но Арман холодно отказал ей в этой просьбе, осторожно высказанной ею за ужином.

Он не прикасался к ней после рождения сына, но по-прежнему желал, чтобы Ламис спала с ним в одной постели. Почти каждый вечер принц уходил из особняка и возвращался под утро с едва слышным шлейфом аромата духов другой женщины. Ламис старательно притворялась спящей и пыталась сдержать дрожь отвращения от его прикосновений, когда он ложился в постель, притягивая ее ближе, привычно зарываясь лицом в золотистые пряди ее волос. Она была ему благодарна, благодарна за то, что он не принуждал ее больше к близости, находя удовлетворение в постелях аристократичных леди своего круга. Единственное, что ее действительно волновало так это то, что по законам Дарина маленький Латер считался рабом, таким же, как и его мать. Арман же вел себя так, словно это нечто обычное, и не заслуживает его внимания. Ламис пыталась несколько раз завести разговор на эту тему, но принц, после переезда в новый особняк был достаточно мрачен, чтобы она решилась на более настойчивые расспросы.

Мужчина рассмеялся и, подхватив на руки радостно взвизгивающего сына, вошел в комнату, передавая его няням. Все еще улыбаясь, проследил за тем, как прислуга уносит сына в

детскую и, повернулся к Ламис.

- У нас замечательный малыш, милая.

Ламис сцепила руки перед собой и, не смея поднять глаз на принца, тихо спросила:

- Латер будет рабом?

Арман не отвечал, и девушка была вынуждена взглянуть на него. Он стоял, насмешливо улыбаясь, искоса наблюдая за судорожно сжатыми руками любовницы. Твердые губы насмешливо дрогнули:

- По законам империи моего отца, Латер действительно считается рабом и, именно поэтому я отказался от права на трон и перевез вас в Дамана. Здесь нет рабства.

Ламис стремительно поднялась и жадно переспросила:

- Мы находимся в Дамана? Я все правильно поняла?

Мужчина усмехнулся, глядя на озаренное напрасной надеждой тонкое личико.

- Мы живем в Дамана последние несколько месяцев, но ты сделала неправильные выводы, дорогая.

- Но это же все меняет! - Девушка заливисто рассмеялась, совершенно не обращая внимания на сардоническую усмешку, змеившуюся по лепным губам принца. - Мой сын свободен и я, я тоже больше не считаюсь рабыней! Я совершенно свободна и могу делать все, что только захочу.

- Дорогая Ламис, боюсь, ты снова неправильно воспринимаешь сложившиеся обстоятельства. Ты никуда от меня не уйдешь.

Ламис снисходительно, как на ополоумевшего от весеннего гона лося, взглянула на принца.

- Боюсь, вам не удержать меня. Теперь я совершенно свободна и могу делать все, что только пожелаю.

- Ну, тогда я искренне надеюсь, что ты пожелаешь себе немного практичности и здравого смысла. Ты свободна, Ламис, это истинная правда, но - мужчина шагнул к Ламис, заставляя ее, невольно пятится. - Я являюсь военным советником, уважаемым человеком, правой рукой местного королька, а ты никому неизвестная девка, которую употребляли для определенных целей. И что мы имеем при таком раскладе, Ламис? Меня, знатного аристократа, отрекшегося от престола Дарина, ради своего единственного сына и тебя, далеко уже не невинную, незамужнюю и потасканную, пусть только мною, но все же основательно попользованную. Как же называют таких женщин...

Арман прижал Ламис к стене и нависал над ней всей мощью своего тела, задумчиво глядя в сторону, словно пытаясь что - то припомнить.

- Ах, да, подобных тебе в любом приличном обществе называют содержанками, или проститутками. Это уже зависит от степени воспитанности человека. Подобным тебе вход в приличное общество закрыт навсегда. Как думаешь, сколько лет исполнится Латеру, когда он поймет, что его мать всего лишь жалкая шлюха, лишенная основ светской морали и нравственности? Ты можешь считать меня злобным ублюдком, Ламис, но я думаю, нашему сыну будет лучше остаться с респектабельным и добропорядочным отцом.

- Только попробуй забрать у меня ребенка...

- Только попробуй уйти от меня с этим самым ребенком. - Арман нагло усмехался, даже не пытаясь скрыть получаемое удовольствие от своих угроз. - И узнаешь, каково это - просить у меня прощение.

- Ты больше не посмеешь прикоснуться ко мне.

- Я даже не буду пытаться, Ламис. Просто выставлю тебя из дома, и ты сама будешь умолять меня на коленях пустить тебя обратно.

Арман приподнял руку и провел большим пальцем по ее губам, слегка придавил, заставляя раскрыть рот, но девушка зло мотнула головой и уперлась ему в грудь обеими руками, безуспешно пытаясь оттолкнуть.

- Не злись, милая, но если ты и вправду встанешь на колени и приласкаешь меня своим сладким ротиком, а потом позволишь мне сделать то же самое с тобой. Ммм, - принц наклонился, нежно прихватывая зубами нежную кожу за ее ушком. - У нас так давно ничего не было, Ламис, и доктор говорит, что рубец уже давно затянулся, превратившись в тонкую полоску. Я буду очень, очень нежен и предельно осторожен, тебе понравится ложиться в мою постель.

Его губы спустились ниже, оставляя влажный след на тонкой шее.

- Я мог бы сделать все, что угодно, ляг ты со мной в постель прямо сейчас.

- Ты только что назвал меня шлюхой, - глухо произнесла девушка.

Арман коротко хохотнул, притягивая ее руку вниз, накрывая свой налившийся член.

- Что ты хочешь от неудовлетворенного мужчины, милая?

- Перестань, - Ламис отчаянно попыталась оттолкнуть его прочь. - Ты спишь с другими и не особо скрываешь это от меня.

- Ты лучше остальных.

- Меня это перестало беспокоить довольно давно. Ты можешь спать хоть со всеми аристократками, но не трогай меня.

Я тебя ненавижу.

Ламис невольно сжалась, опасаясь расправы за столь смелое заявление, но мужчина рывком приподнял ее над полом, вжимая в стену и раздвигая бедром ее ноги под длинным утренним платьем.

- Только вот не надо изображать забитую рабыню. Когда я к тебе в последний раз пальцем прикасался, сама помнишь? - и внезапно оскалился, насмешливо глядя в испуганно распахнувшиеся глаза. - Прекрасно вижу, что помнишь, а можно было бы и забыть. Доверься мне, Ламис, и если я буду, осторожен, а ты перестанешь зажиматься, то у нас все получится к обоюдному удовольствию. Постель не всегда приносит боль и унижение, иногда удовольствие бывает настолько сильным, что женщины кричат от наслаждения и просят мужчину продолжать еще и еще. Это даже лучше, чем напиться дурмана. Только позволь показать, расслабься, наконец, настолько, чтобы не напоминать фарфоровую куклу в кровати. Позволь мне показать тебе, что может быть между нами.

Глаза Ламис подозрительно блестели и, она тихо попросила:

- Убери от меня свои руки и оставь свои соблазнительные слова для тех, кто им поверит. Я хочу уйти от тебя и никогда больше не видеть.

Арман послушно поставил девушку на пол и отошел.

- Латера я тебе не отдам, Ламис. Подумай, стоит ли сын того, чтобы немного потерпеть меня? Даю слово, больше пальцем тебя не трону пока сама не попросишь.

- Ты этого от меня никогда не услышишь.

- Хорошая память, милая, не всегда является источником счастья.

Ламис невесело усмехнулась.

- Ты, в самом деле, думаешь, что я все смогу так легко забыть?

Арман налил бокал вина и, залпом осушив его, обернулся к девушке.

- Я же как - то привык к мысли, что меня, принца крови и наследника трона Дарина, какая - то пустоголовая девчонка не считает достойным своей обожаемой персоны.

- Когда я любила тебя, ты вышвырнул меня, из своей жизни не задумываясь.

Мужчина налил еще бокал вина и, пригубив, снисходительно объяснил, как маленькому, бестолковому ребенку.

- Мне никогда не была нужна подобная любовь. Много ли

чести от любви сломленной рабыни? А когда ты приходила в себя, то устраивала эскапады с побегом и покушениями на мою величественную особу.

- Я не просила тебя делать меня рабыней.

- Но сделала для этого все необходимое.

- Ты еще обвини меня в том, что я соблазняла тебя, - прошипела обозленная девушка.

- Невинное создание в искушающе - откровенном платье на балу краснеющих дебютанток. Ты думаешь, у меня был шанс устоять против твоих чар? К чему опять возвращаться к тому, что уже не изменить? Мы вместе и у нас чудесный сын.

- Я не хочу быть с тобой, Арман, я свободный человек и хочу жить так, как сама пожелаю.

Мужчина равнодушно пожал плечами и лениво отсалютовал бокалом.

- Желаю тебе принять правильное решение! Останешься со мной, будешь видеть сына, нет, тогда и я перестану играть роль заботливого и преданного отца семейства.

Ламис напряженно застыла, не сводя глаз с Армана.

- Ты угрожаешь мне?

- Когда я опускался до обычных угроз, милая? Просто ставлю перед фактом: будешь изображать из себя самостоятельную и самодостаточную личность, вышвырну за ворота. У тебя новый гардероб, драгоценности, слуги и няни, не позволяющие тебе утомиться. Чего тебе еще надо? Перестань хотя бы на мгновение видеть во мне только насильника, взгляни под другим углом: я богат, щедр и временами бываю необыкновенно терпеливым.

Ламис чуть склонив голову на бок, услужливо напомнила:

- Твой удар по лицу в ночь бала несколько сместил мои взгляды на окружающее в общем, а последующее изнасилование навсегда заставило поверить в твое исключительное терпение.

Арман резко выдохнул и напряженно спросил:

- Кого ты делаешь счастливее, упорно отказываясь меня принять? Ты, правда, думаешь, что будешь меня игнорировать, и я буду покорно это сносить?

- Поэтому я и хочу уйти от тебя и никогда больше не видеть.

- Это не самое лучшее решение, Ламис. - Мужчина подошел вплотную и, приподняв ее лицо за подбородок, жарко выдохнул, почти касаясь ртом ее губ. - Я не прикасался к тебе больше года, пытался быть милым и чутким, думал ты оценишь это и однажды примешь меня по собственной воле. Если все мои старания были тщетными, то есть ли смысл и дальше сдерживать мои желания,

милая? Ты не оценила мой благородный порыв, это твой выбор. Ты решила поиграть в сопротивление, я же буду ломать и властвовать.

- Только прикоснись ко мне, - девушка ударила по его руке, освобождаясь от захвата. - Я больше не твоя рабыня.

Арман, не сдержавшись, рассмеялся над маленькой храброй девочкой, отчаянно сопротивляющейся своему самому большому страху и все еще улыбаясь, легко скользнул по плечу, вдоль шеи, невольно прихватывая низко собранные на затылке в неизменный пучок, волосы. Ламис дернулась, пытаясь освободиться, и застыла, оценив силу захвата. Мужчина ощерился:

- Ты же на самом деле не думала, что мне можно угрожать безнаказанно, дорогая?

Ламис заворожено смотрела в льдистые глаза, не в силах отвести взгляда от плескавшегося в них желания и хищно оскаленного рта, уже прекрасно понимая, чем все для нее закончится. Она не ощутила боли, когда Арман все, также крепко придерживая за волосы и заломив руки за спину, выволок ее из гостиной, проволок по коридору и, втолкнув в спальню, бросил на кровать. Потом стянул через голову рубашку, стащил брюки и сапоги и, достав из комода стеклянную баночку, подошел к постели.

- Разденешься, сама или поиграем в очередное изнасилование?

Ламис судорожно сглотнула, но с места не сдвинулась. Липкий ужас струился по спине, сковывая движения, вызывая панический страх перед наказанием. Платье затрещало по швам и вместе с тончайшим бельем полетело в сторону. Кровать прогнулась, и она отстраненно ощутила мимолетное касание разгоряченного тела. Арман развел в стороны точеные ноги и жадно провел вдоль небольшой груди, спускаясь к плоскому животу с едва различимым шрамом. Окунул два пальца в стеклянный сосуд и, зачерпнув щедрую порцию крема, осторожно ввел пальцы в узкое лоно. Ламис дернулась и тут же оцепенела, невольно зажимая его пальцы в соблазнительной глубине своего тела. Мужчина склонился над безвольно раскинувшейся на шелковых простынях девушкой, и провел языком вдоль линии пухлых губ, надавил на зубы, заставляя раскрыть рот и, поцеловал, вначале осторожно, потом, страстно проталкивая язык глубоко в рот, лаская небо, пытаясь ощутить встречное движение ее губ. Приподнялся на локте, тяжело дыша, с затуманенным взглядом, надеясь хоть что - то разглядеть в остекленевших глазах, безразлично устремленных куда - то в складки затканного золотом полога. Ламис послушно лежала так, как он ее и

положил. Зачерпнул еще немного крема, теперь уже смазывая член по всей длине и опустившись на колени между покорно раскинутых ног, потянул на себя, аккуратно придерживая за бедра. Не отводя взгляда от безразличного лица девушки, не спеша, ввел головку, выдохнул и, мягко массируя большим пальцем крошечный клитор, толкнулся членом глубже. Ламис не шевелилась. Арман усилил давление пальца на клитор и погрузился весь, не в силах сдержать удовлетворенного стона, когда узкое лоно тесной лаской сжало член. Девушка по-прежнему не издавала ни одного звука и не двигалась. Мужчина размахнулся и отвесил полноценную затрещину. Тонкие руки судорожно сжались в кулачки, стискивая простынь. Девушка зажмурила глаза.

- Не надо изображать жертву насильника, милая. Твое истеричное поведение только мешает наслаждаться близостью и получать удовольствие.

Арман вышел наполовину и тут же толкнулся вниз. Ламис дернулась, словно пытаясь избежать проникновения. Следующий толчок был осторожней и теперь Арман погрузился лишь на половину, девушка всхлипнула, прикусила нижнюю губу, но больше избежать проникновения не пробовала. Принц перевернул ее на живот и, навалившись сверху, толкнулся твердым членом между стиснутых ног. Ламис тихо заскулила от нахлынувшего ужаса. Но Арман, не обращая внимания на всхлипы, немного развел в стороны ее ноги и, помогая себе рукой, ввел головку в узкое лоно.

- Сожми ноги.

Девушка торопливо вытянулась под ним и испуганно затихла. Арман приподнялся, помедлил и мягко толкнулся в тесное лоно. Ламис прерывисто задышала, но выскользнуть из под него не попыталась. Ощущения были слабее, удовольствие смазывалось, но если именно так ее можно было приучить к тому, что занятия любовью не всегда сопровождаются болью, мужчина был согласен на замутненное вынужденной сдержанностью наслаждение. Толчки стали резче, прерывисто дыша, Арман буквально вколачивался в распростертое под ним тело и, уже чувствуя приближение оргазма, протяжно застонал, и рывком поставив Ламис на колени, вошел весь, чувствуя судорожные сжатия плоти. Он был более не в силах сдерживаться и, принялся погружаться с яростной силой, уже не заботясь о силе и глубине толчков, не думая о том, что причиняет боль. Ударил в последний раз и хрипло застонал, кончая в сладостное тепло. Тяжело дыша, отстранился и четко очерченный рот дрогнул в кривой усмешке: крови не было. Он был практически нежен.

Арман вытянулся на кровати, все его, вольготно раскинувшееся тело излучало умиротворение и довольствие. Черные волосы, не стянутые шнурком, разметались по шелковым простыням, серые глаза слегка прикрыты веками. Он притянул Ламис ближе, укладывая на грудь, с неподдельной ласковостью перебирая шелковистые пряди золотистых волос. Девушка не плакала, и хотя щеки были влажны от пролитых слез, она не вздрагивала от его прикосновений. Но приподнять ее лицо за подбородок и заглянуть в зеленые глаза, он все же не решался, боясь прочесть в них ужас пережитого насилия.

- Ну, вот, я же обещал, что больше не причиню боли.

Заговорил хрипло, словно пытаясь доказать самому себе, что этот раз значительно отличался от того, что было между ними раньше. Хотел что - о еще добавить, но сбился и замолчал.

- Тебе было ... неприятно, так же, как и прежде? - и замер, страшась услышать ответные слова.

Ламис молчала, и он мягко перекатившись на бок, опять сбивчиво заговорил в макушку золотистых волос.

- Признаю, я был не сдержан, а в последний момент и вовсе потерялся, но я так давно к тебе не прикасался. Пойми, я столько времени лежал рядом с тобой, изнывая от желания коснуться, приласкать и, вынужден был постоянно сдерживаться. Посмотри, до чего ты меня довела.

Его рука стиснула ее, опуская вниз, заставляя ладонью накрыть твердеющую под этими движениями плоть.

- Я опять хочу тебя, Ламис. Только не нужно больше плакать, попытайся расслабиться, я буду нежен.

Он склонился ниже, заглядывая в блестящие от слез глаза, накрывая требовательным ртом податливые губы, принуждая отвечать на жаркие поцелуи. Его пальцы легли на член поверх ее, сжимая и заставляя ее ладонь двигаться в определенном ритме. Он глухо застонал в ее рот, не прерывая поцелуя, властно прижимая к себе, не позволяя, отстранится. Мимолетной лаской прошелся по ноге, забрасывая себе на талию, и неспешно вошел во влажное лоно, мягко растягивая тугую плоть. Тяжело задышал и принялся осторожно раскачиваться, стараясь не причинить боли. Кончил почти сразу, уловив облегченный выдох Ламис.

Арман стоял в королевском дворце Дамана, лениво потягивая вино из тонкого бокала на изящной витой ножке. Холодный взгляд рассеянно скользил по переполненной бальной зале. Дамы блистали драгоценностями, мужчины хвалились чистокровными рысаками и, на тон ниже, победами на любовном фронте. Музыканты наигрывали что - то ненавязчивое, словно

приглашая кавалеров закружить своих спутниц в элегантном танце. Арман презрительно усмехнулся: свет везде одинаков. Одни и те же разговоры, рискованный флирт на грани фола и алчные взгляды охотниц за мужьями. Он больше не был наследным принцем и не мог предложить своей спутнице короны, но желающих заполучить его в свои цепкие лапки красавиц меньше не становилось. Арман легко заводил романы, но быстро остывал к предмету недавней страсти, слишком уж явственно проступало через маску благородной красоты ненасытная жажда заполучить его в супруги. Он уже был женат на аристократической красавице - принцессе и повторять еще раз нечто подобное более не входило в его планы.

- Глубокоуважаемый советник Калин, какая приятная встреча.

Арман сухо кивнул интенданту столичного гарнизона. Граф де Монсе заискивающе всматривался в каменное лицо, пытаясь прочитать в нем хотя бы отголоски доброжелательности к его персоне. Проверка, начавшаяся во вверенной ему воинской части, грозила вскрыть весьма приличную недостачу государственных средств, потраченных не по назначению.

- Разрешите вам представить мою супругу...

Арман слегка поклонился пышнотелой брюнетке.

- И моей единственной дочери Мидель.

Кокетливый взгляд голубых глаз из под неимоверно длинных ресниц и соблазнительная улыбка. Девушка была прекрасна. Достаточно высокая для него, шелковое платье выгодно подчеркивало тонкую фигуру, смело, обнажая белоснежную кожу груди и точеную красоту изящных рук, не затянутых в перчатки. Арман взглянул на графа и тот поощрительно улыбнулся. Он откровенно предлагал свою дочь для того, чтобы главнокомандующий закрыл глаза на финансовые махинации. Родители Ламис в свое время поступили почти также. Арман оценивающим взглядом скользнул по девушке. Интересно, она в курсе того для чего именно ее драгоценный папенька притащил на бал? Он протянул руку Мидель, приглашая на следующий танец. Девушка двигалась грациозно, с легкостью скользя в его руках, угадывая движения. Ламис бы ему уже отдавила ноги. Арман усилил нажим на тонкую спину, прижимая партнершу гораздо ближе, чем требовал танец. Мидель застыла, впервые сбилась с такта, но тут же послушно заскользила по паркету, словно не замечая интимности момента. Музыка стихла, и пары остановились. Арман проводил девушку к родителям и учтиво поцеловал кончики дрожащих пальчиков, благодаря за танец. Граф кликнул слугу, передав каждому по бокалу и,

предложил немного освежится, пройдясь по саду. Арман с ленивой усмешкой повернулся к Мидель, выразив желание сопровождать ее на прогулке. Девушка взглянула на отца и, получив одобрительный кивок, положила ладонь на согнутую в локте руку мужчины.

Королевский сад утопал в полумраке, лишь изредка ночь расцвечивали цветные фонарики, развешанные на деревьях и кустарниках. Арман двинулся по тропинке, в глубь сада и, оглянувшись через плечо, убедился в правильности своего предположения. Граф и графиня Монсе остановились на террасе, не спеша присоединиться к удаляющейся паре. Он все это уже проходил, и пусть не в той последовательности, не в этом саду, и девушка была другой, совершенно не похожей на Ламис. Все это уже было. Арман свернул на боковую дорожку, освещавшуюся фонариками вдоль тропинки и, остановился. Мидель продолжала все так же безмятежно улыбаться, кокетливо поглядывая на него из под длинных ресниц. Он наклонился, невесомо касаясь ее рта губами. Тонкие руки мягко легли ему на плечи, ласково перебирая черный шелк его волос. Он провел большим пальцем вдоль низкого выреза декольте и, девушка прерывисто задышала. Арман отступил, и Мидель распахнула глаза. Испуга не было, только разочарование от прервавшейся ласки.

- Ты представляешь, что будет между нами дальше?

Девушка мило покраснела и еле заметно кивнула.

- Монсе надеется списать растрату за твой счет, и ты согласна на это?

- Он мой отец.

- Не все родители достойны подобного послушания. Мне только поцелуев будет мало.

Арман немного надеялся, что она откажется и испуганно убежит, подобно тому, как, несомненно, сделала бы Ламис, но Мидель равнодушно пожала плечами и снова безмятежно улыбнулась.

- Я надеюсь, вам все понравится.

- Я пришлю за тобой карету.

Граф и графиня Монсе продолжали беседовать на террасе, когда Арман подвел к ним дочь и поблагодарил за приятную компанию, учтиво пригласив все семейство почтить его завтра своим визитом.

Завтрак накрыли на лужайке перед домом. Арман, развалившись в кресле, и закинув ноги на соседний стул, курил тонкую сигару. Ламис бледная, с припухшими от поцелуев губами вяло помешивала давно остывший кофе в тонкой фарфоровой

чашке.

- Сегодня я принимаю гостей и хочу, чтобы ты привела Латера в гостиную.

Ламис покорно кивнула, но взгляда не подняла. Арман прикрыл глаза и довольно улыбнулся. Встреча с Мидель будет отличным уроком для зарвавшейся дряни, так и не пожелавшей его принять.

Монсе прибыли ближе к вечеру и Арман радушно принимал их в малой гостиной, тонко подчеркивая свое отношение к столичному интенданту. Как только гости расселись: граф и графиня в кресла, Мидель на небольшой диванчик. Арман приказал привести сына и занял место рядом с мило покрасневшей гостьей.

Ламис вошла, держа маленького Латера на руках и, Арман представил гостям:

- Мой сын, Латер Калин и ...

Девушка учтиво присела.

- Его няня.

Графиня восторженно отметила явное сходство отца и сына, граф ее энергично поддержал, а Мидель с придыханием пролепетала: "Какой прелестный малыш". После минутного оживления вызванного появлением няни с ребенком, опять заговорили о погоде и светских новостях. После некоторого молчания, прерываемого только протестующими воплями Латера, требовавшего, чтобы его пустили ползать по ковру, граф проявил интерес к небольшому саду, разбитому на краю лужайки и, получив согласие хозяина дома, отправился с супругой прогуляться по живописным местам. Как только они вышли, Арман отправил сына со служанкой в детскую, приказав Ламис задержаться в гостиной. Девушка покорно опустилась обратно на свой стул и затаилась, на сколько это было возможно, старательно не отводя взгляда от аккуратно сложенных на коленях рук.

Арман взглянул на Мидель, нервно косившуюся на белокурую девушку, слишком красивую, чтобы быть в доме только гувернанткой. Мужчина положил руку на спинку дивана, едва касаясь, провел кончиками пальцев вдоль стянувшей платье на спине, шнуровки и Мидель перестала обращать внимание на непонятную девицу, сосредоточив все свое внимание на мужчине. Она кокетливо взмахнула ресницами и соблазнительно провела язычком по приоткрытым губам. Арман принял приглашение, впиваясь в податливый рот, обводя языком контур ее губ, переплетаясь с ее языком, нежно лаская небо. Стянул тонкую ткань с покатых плеч, освобождая упругую грудь, склоняясь ниже,

захватывая поочередно губами тугие соски. Прикусил, Мидель выгнулась и тихо застонала, прикрывая глаза от чувственных ласк. Арман встал, притягивая ее к себе, увлекая из комнаты, и проходя мимо Ламис, нагнувшись к самому ее уху, прошипел:

- Не замерзни без меня, сука.

Дверь закрылась и тут же, из сада появились граф и графиня Монсе. Ламис, не знала, разрешено ли ей покидать гостиную и, пытаясь избежать прямого нарушения приказа Армана, решилась остаться и вежливо побеседовать с гостями, предложить чай и печенье. Она поднялась на встречу, вошедшим гостям и предельно учтиво осведомилась:

- Не желаете освежиться? Чай со льдом, может быть соки, фрукты?

Граф прошелся таким оценивающим взором вдоль ее персоны, что Ламис невольно смутилась от подобного взгляда. Мужчина мерзко улыбнулся супруге и та, все тем же тошнотворным от сладкого сиропа, голоском язвительно протянула:

- Знаменитая рабыня наследного принца Дарина. Походная проститутка, которую он таскает за собой из страны в страну.

Ламис растерялась от подобного, ничем не завуалированного оскорбления. Она слышала подобные замечания из случайно подслушанных разговоров прислуги, но это были аристократы, принадлежавшие высшему свету. Она ничего плохого не сделала этим людям и искренне не понимала причин подобной грубости. Она всего лишь пыталась быть вежливой и обходительной.

- Только хорошенькой мордашки маловато, чтобы столько лет удерживать возле себя принца Дарина. Представляю, что ты выделываешь в постели, - мечтательно протянул граф Монсе, гаденько потирая руки. - Советник Калин случаем не делится тобой с особо близкими гостями? Я был бы не прочь поразвлечься с такой куколкой.

Ламис перевела ошеломленный взгляд на графиню, но женщина продолжала улыбаться неизменной слащавой улыбочкой, словно прилипшей к ее губам, будто не замечая пошлостей произнесенных графом.

- Может, мы тоже уединимся, пока наш гостеприимный хозяин забавляется?

Осторожный шажок к боковой двери, Ламис не сводила напряженного взгляда с Монсе, еще один, и круто развернувшись, девушка выбежала из гостиной. Стараясь успокоиться, медленно прошла к детской, глубоко вздохнула и открыла дверь. Гувернантки нянчились с маленьким хозяином, весело

подшучивая над его шалостями, на какие он был горазд. Она пробыла в детской до самого вечера, поужинав вместе с сыном, и напряженно прислушиваясь к шагам в коридоре, но принц не появлялся. И только Ламис решилась переночевать здесь же, как явился слуга, передав приказ хозяина немедленно ее видеть.

Арман, в шелковом халате, сидел, развалившись в кресле, курил, потягивая вино, и выглядел настолько довольным собой, что у Ламис невольно возникло желание запустить в него массивным подсвечником.

- Весьма неприлично бросать гостей в одиночестве, милая. Я надеялся, что ты их немного развлечешь, пока я буду отсутствовать.

- После того, как меня обозвали твоей потаскухой, я подумала, что не стоит навязывать столь изысканно изъясняющимся представителям высшего света свое общество.

- Как невежливо было со стороны графа так отозваться о тебе. - Арман глубоко затянулся и, выпустив ароматное облачко дыма, пригубил бокал. - Больше не буду оставлять вас наедине.

Ламис, расстилавшая постель, застыла с покрывалом в руках.

- Ты хочешь сказать, что снова заставишь меня присутствовать при вашей встрече?

- Мне нравится Мидель.

- Ее отец делал непристойные предложения.

Арман затушил сигару и, любуясь вином на просвет бокала, безразлично произнес:

- А каких предложений ты ожидала от посторонних людей? Тебе сказать, сколько стоило моему отцу пристроить тебя в приличном обществе среднего класса? Сколько надо было заплатить, чтобы обыватели, в лице директора гимназии, например, закрывали глаза на подозрительность твоей легенды и были учтивы с тобой? Неужели ты думала, что можно вылезти из моей постели и остаться невинной девочкой с прелестной улыбкой и не испорченной репутацией?

- Я не напрашивалась в твою постель. Ты принудил меня.

- Я это знаю, ты это знаешь, - Арман равнодушно пожал плечами. - Но кто в это поверит? Мидель очень понравилось спать со мной, если бы ты слышала ее стоны...

- Милый, ты не с того начал. - Ламис взбивала подушку, представляя на ее месте смазливое личико принца. - Нужно было невинную девочку вначале избить, изнасиловать, потом опять избить, прижечь руки каленым железом, выпороть плетью, не забывая периодически между пытками и побоями насиловать и

ставить на колени, трогательно объясняя ребенку, как именно надо ласкать тебя языком и губами.

- Ты удивляешь меня, Ламис, - Арман насмешливо смотрел на девушку поверх бокала. - Значит, пока я отрекался от престола, ради того, чтобы дать свободу тебе и нашему сыну, ты преспокойно продолжала меня ненавидеть, лелея самые плохие воспоминания того, что было между нами? Мило, конечно, но не благодарно.

- Извини, но других воспоминаний ты мне не оставил. - Ламис закончила расстилать постель и, остановившись перед трюмо, принялась вытаскивать шпильки из своей незамысловатой прически. - И различие между Дарина и Дамана я совершенно не замечаю. Ты запер меня в этом доме, так же как до этого запирал в своих апартаментах императорского дворца Сталлоры. У меня нет ничего, чтобы я могла назвать своим. Вокруг меня твой дом, твои слуги, твои гости, вокруг меня только ты один и никого, никого кого бы я знала и любила. Несколько лет обособленной пустоты, моя персональная клетка, без шанса вырваться когда - нибудь из твоих рук. И постоянный липкий страх не угодить, вызвать твое недовольство... Я устала.

Мужчина поднялся и, подойдя к девушке, встал за ее спиной, лениво скользя по их зеркальному отражению в холодном стекле. Она избегала его хищного взгляда, трусливо отводя глаза, и он скользнул губами вдоль изящного изгиба шеи, больно прикусывая нежную кожу у основания шеи. Ламис прерывисто всхлипнула и шепотом закончила:

- И я презираю себя, ненавижу за то, что подчиняюсь тебе.

Арман распустил корсаж, и властно надавив на узкую спину, заставил Ламис упереться руками в стену по бокам от зеркала. Потом приподнял юбку и одним движением сорвал белье. Повел плечами, сбрасывая халат и придерживая рукой, подрагивающий член, провел им несколько раз вдоль судорожно сжавшихся ягодиц. От прикосновения девушка вздрогнула и беззвучно заплакала.

- Занимательно слышать от тебя нечто подобное, Ламис, и я правильно понял твои слезы: ты боишься меня. Я пытался быть внимательным, чутким, позаботился о том, чтобы занятия со мной любовью стали тебе если не приятны, то хотя бы относительно безболезненны. Напрасно, в твоих глазах я по-прежнему жестокое чудовище, насилующее юную девственницу. Все мои стремления изменить отношения между нами разбиваются о прочную стену страданий, какие ты с завидным усердием лелеешь и бережешь.

Ламис дернулась, как от удара и подняла голову,

всматриваясь долгим взглядом влажных глаз в его зеркальное отражение. Она молчала, потом ее губы дрогнули в презрительной усмешке.

- Все твои стремления разбиваются о твои же приказы. Я не по собственному желанию стою здесь с распущенной шнуровкой и поднятыми юбками.

- Я позволил тебе воспитывать нашего сына, я живу с тобой так, будто ты моя жена и, - жадные руки скользнули по животу, заставляя прижиматься к его возбужденной плоти. - Я хочу заниматься с тобой любовью.

- Ты хочешь заниматься любовью со всей женской частью населения Даманы.

- Ревнуешь?

- Я была твоей рабыней, потом стала содержанкой. Для того чтобы ревновать необходимо, чувствовать себя равной, но эту роскошь ты мне никогда не позволишь.

Арман неожиданно убрал руки и отступил.

- Затуши свечи и ложись в кровать.

И много позже, негромко произнес, прижимаясь губами к ее волосам:

- Если бы я был уверен, что ты не наделаешь глупостей, Ламис, не попытаешься сбежать, выкрав Латера.

В темноте спальни девушка зажмурилась, стараясь сдержать непрошенные слезы.

- Ты не хочешь меня, милая,... а я совсем не могу без тебя.

Любовницы Армана больше не появлялись в доме, его месть за то, что она отвергла его, была иной, более изощренной, чем банальные визиты великосветских гостей и их обворожительных дочерей. Арман приказал готовиться к поездке в Дарина, намереваясь отдать Латера в имперскую военную школу.

6

- Зачем мы приехали сюда?

Ламис напряженно смотрела на Армана, боясь услышать худшее подтверждение своим предположениям. Ей с самого начала не понравился этот неожиданный визит в Дарина, не нравился дворец и эти апартаменты, сохранившие страшные воспоминания о ее пребывание здесь. И больше чем не нравилось холодное выражение лица Армана, его отрешенный взгляд и циничная ухмылка, змеившиеся по лепным губам все последние дни.

- Я не имею права навестить своего отца и брата? - Арман развалившись на небольшом диване и закинув руки за голову, не сводил глаз от играющего в солдатики на полу сына. - Или я обязан спрашивать твоего на то позволения?

- Нет, конечно, только вся эта поездка стала для меня сюрпризом.

Ламис искусственно улыбнулась, пытаясь придать своим словам толику не испытываемой беззаботности, но прекрасно понимала, что притворство ей не удается. Гнетущая атмосфера этих комнат и даже диван, на котором полулежал Арман, все это будило воспоминания и вызывало неосознанный ужас.

- Я подумал, что Латеру пойдет на пользу смена изнеженной обстановки детской в Дамана на военную школу здесь, в Дарина.

- Мы возвращаемся в империю?

Голос предательски дрожал и, Ламис закашлялась, пытаясь скрыть неловкость. При сыне ее поведение должно было быть уравновешенным, Арман слишком часто повторял это ей, чтобы она могла это игнорировать.

- С чего бы это мне возвращаться в Дарина, милая? Я прекрасно устроился и в Дамана.

- Но наш сын...

Ламис прикусила губу и глубоко задышала, пытаясь успокоиться, но паника нарастала, грозя превратиться в истерику.

- Наш сын останется на попечение моего отца.

Арман перестал изображать заинтересованность играми Латера и впился ледяным взглядом в девушку.

- Это, моя сладкая бывшая рабыня, от тебя не зависит. Возможно, я буду иногда очень снисходителен для того, чтобы взять тебя при следующем визите в Дарина, но...

- Ненавижу, ненавижу тебя!

Ламис зажала себе рот рукой, испуганно глядя на медленно

поднимавшегося Армана, словно не верила, что этот полный безысходности крик принадлежал ей.

- Займитесь ребенком, - не глядя, он отдал приказ гувернантке и, сдернув Ламис со стула, вытащил ее из гостиной. - Любовь моя, где твои манеры?

- Прости.

Арман бесцеремонно втолкнул ее в спальню, которую они делили несколько лет, запер дверь и стянул камзол.

- Не нужно, - Ламис по одному его взгляду поняла все то, что сейчас здесь произойдет, и пыталась остановить наказание. - Я все сделаю для тебя, я буду самой послушной из твоих женщин.

- Ты и так сделаешь все, чтобы я не приказал, Ламис. - Арман почти нежно обвел кончиком пальца тонкий овал ее лица. - В тебя послушание необходимо вбивать, милая.

Латер медленно шел по коридору, сонно потирая глазки кулачками. Он проснулся в чужой спальне и какое - то время растерянно оглядывался, не узнавая комнату. Няня мерно похрапывала, сидя в кресле, со сдвинутым на бок чепцом. Накануне они приехали в большой дворец, и папа сказал, что они приехали в гости к его отцу. Дедушка Латеру понравился, он подарил ему множество игрушек и долго держал на руках, всматриваясь в его лицо и чему - то улыбаясь. Дядя Джан, вначале испугавший его обезображивающими лицо шрамами, вручил ему меч, с красивыми каменьями на рукоятке. Он был совсем, как настоящий, только маленький. Потом няня увела его из огромной залы и привела в комнату поменьше. Там была его мама. Она стремительно вскочила со стула и сжала его в объятиях, одновременно плача и целуя его лицо и руки. Мама всегда плакала и очень редко смеялась, она уложила его в красивую кроватку, и он уснул, счастливо улыбаясь, чувствуя нежное поглаживание маминой руки. Мама сказала, что их спальня немного дальше по коридору и сейчас он шел к родителям, сонно, придумывая причину, заставившую папу разрешить бы остаться в одной комнате с ними. Когда папа уезжал по делам, мама разрешала приходить к ним в спальню, папа же говорил, что он уже достаточно взрослый, чтобы спать одному в своей комнате.

Латер толкнул дверь в спальню родителей и остановился на пороге. Папа стоял к нему спиной, босой, одетый только в брюки. Он что - то тихо зло говорил, остервенело, пиная ногами, какую - то женщину с длинными светлыми волосами. Лица не было видно, только руки со странным рисунком на белой коже.

- Папа?

Отец стремительно обернулся к нему.

- Что ты делаешь здесь?

Латер всхлипнул, желая разжалобить отца.

- Мамочка сказала, что я могу прийти к вам, если проснусь.

Отец быстро взглянул на лежавшую без движения женщину, и, подхватив Латера на руки, поспешил выйти из спальни.

- Мама немного занята, сынок. Я разбужу твою няню, пусть посидит с тобой.

Латер недовольно надулся.

- Мама сказала...

Отец прижал палец к его рту, принуждая замолчать.

- Мама слишком много говорит, сынок, иногда во вред себе. Поэтому сделаем так, как я сказал: попросим гувернантку посидеть с тобой всю ночь.

Утром няня тщательно умыла его, поправила костюмчик и проводила до гостиной, где Латера ожидали родители. Отец стоял у окна, курил неизменную тонкую сигару, мама безучастно смотрела перед собой, сидя на небольшой кушетке и нервно комкая в руках белый платок. Увидев стоящего в дверях сына, раскрыла объятия, и Латер радостно бросился к ней, забираясь на колени. Отец недовольно оглянулся и размеренным менторским тоном произнес:

- Я предупреждал тебя, сын: ты уже достаточно взрослый, что бы сидеть на руках матери.

Пристыженный мальчик послушно сполз с коленей под немигающим взглядом отца и опустился на стул, стоящий рядом с кушеткой. Мама неожиданно всхлипнула и тут же испуганно зажала рот рукой. Латер перевел вопросительный взгляд на отца. Он чувствовал сгустившуюся атмосферу враждебности в комнате, видел заплаканные глаза матери и леденящий взгляд отца.

- Латер, пришло время заняться твоим образованием. - Отец докурил сигару, одним движением раздавив окурок в пепельнице. - Военные школы Дарина лучшие, поэтому мы с мамой пришли к выводу, что тебе будет лучше учиться здесь. Я сам в свое время окончил эту школу и надеюсь, что ты поддержишь славную традицию нашей семьи.

Мальчик перевел растерянный взгляд на маму, он совсем не хотел оставаться в незнакомом городе. Он любил свою страну, свой город, родительский дом, тепло маминых рук, любил отца, любил бегать за ним по лужайке, скакать на своем маленьком пони наперегонки с лучшим рысаком отца. Ламис сидела, закрывая рот рукой и из прозрачных зеленых глаз, устремленных

на сына, струились жгучие слезы отчаяния.

- Ламис, я же предупреждал, - голос отца зазвенел от еле сдерживаемой ярости. - И весьма доходчиво, но эта твоя неизменная страсть к мелодраме.

Он стремительно сдернул женщину с кушетки за ворот платья и, протащив волоком по комнате, вытолкнул за дверь. Потом пригладил и так идеально лежащие по плечам волосы и обернулся к сыну, со странной стывшей на губах ледяной улыбкой.

- Ты уже совсем взрослый, сынок. В пять лет ты почти мужчина и должен учиться вести себя как подобает сыну главнокомандующего войск Дамана и единственному внуку императора Дарина. Ты - наша гордость, Латер. Мы с дедушкой верим в тебя.

Мальчик осторожно поинтересовался, испытующе глядя на отца.

- А в школу родителей не пускают?

- Нет, - Арман присел на корточки перед сыном, накрывая его маленькие руки своими. - В школе у тебя будет много друзей, таких же мальчишек, как и ты. И самые лучшие учителя, конечно же.

Латер совсем не по-взрослому шмыгнул носом.

- А ты и мама?

- Мы будем забирать тебя на каникулы домой, в Дамана. Здесь за тобой присмотрят дедушка и дядя Джан. Они мне обещали. Я даже немного опасаюсь, как бы они тебя совсем не разбаловали визитами и подарками.

Отец, вставая, подхватил мальчика на руки и направился к двойным дверям, богато украшенным позолотой. Лакеи распахнули двери. Они спустились по широкой лестнице в холл, где уже стояли несколько мужчин в военной форме. Увидев Армана, военные сдернули фуражки и вытянулись по стойке "смирно".

- Мой сын, Латер Калин.

Мужчина подтолкнул мальчика к одному из военных.

- Присмотрите за ним, директор Лавсане.

- Почту за честь, мой принц.

Пожилой военный взял за руку мальчика и двинулся к выходу. Латер обернулся, предательские слезы страха задрожали в глазах, готовясь пролиться.

- Папочка...

- Ты станешь лучшим студентом, сын.

После возвращения в Дамана прошлое уже казалось сплошной сказкой и сбывшейся мечтой. Ламис осознавала, что еще раз увидеть сына Арман ей попросту не позволит. Слишком часто он упрекал ее в том, что она была плохой матерью для его единственного наследника, слишком мягкой для того, чтобы воспитывать настоящего Дарина. Он четко очертил границы дозволенного для нее, ограничив их стенами особняка, запретив даже в сопровождение охранников покидать территорию дома.

Ламис, спрятавшись за тяжелой портьерой, сидела на широком подоконнике, подобрав под себя ноги. Она вычисляла, рассеянно постукивая ноготками по серебристому теснению книги, заставляла себя стать смелее и снова трусливо отступала, боясь наказания. Глядела невидящим взглядом за окно, покусывая губы, и все яснее понимала, что выход один, и на него просто необходимо решаться. Приготовить немного наличных, собрать драгоценности и ... Ламис судорожно сглотнула от расползающегося вдоль спины липкого ужаса. Чулан под лестницей для слуг, самая последняя полка, бумажный пакет с крысиным ядом. Взять немного, только для того, чтобы выиграть время, растворить в утреннем кофе, и смятение среди охраны и прислуги обеспечено. После подобного отравления Арман вряд ли придет в себя раньше, чем через неделю. Она будет уже достаточно далеко. Можно было бы уехать в любую страну, расположенную достаточно далеко от Дамана и Дарина, и желательно не связанную с ними дипломатическими отношениями. Хотя, Ламис невесело улыбнулась своему отражению в оконном стекле, в ее положение выбирать особенно не приходилось. Она была согласна поселиться где угодно, только бы подальше от Армана и его удушающего общества. Она лелеяла мысль вернуть сына, выкрасть, увезти из Дарина и потом забыть, забыть ужас существования в полной зависимости от капризов своего господина.

Серебряный кофейник с обжигающе горячим кофе на столе, две ложки сахара в чашку и аккуратно, тоненькой струйкой ароматный напиток. Крепкий с изысканной ноткой горечи. Первая чашка, омлет, тарталетки с икрой, приказ и Ламис наполняет и подает вторую чашку. Спокойствие, отрешенность, она все сделала правильно, у нее все получится. Арман нахмурился, выругался сквозь зубы, попытался встать, но моментально расползающаяся по телу слабость не дала поднять даже руку. Неожиданно он понимающе улыбнулся, не сводя пристального взгляда, с напряжено застывшей у столика девушки.

- Далеко не уйдешь, милая.

Тяжелый грохот падения и Ламис, истошно крича, бросилась к двери. Начавшаяся паника превзошла все, на что она только могла надеяться. Девушка накинула на голову шаль и незаметно выскользнула из особняка. На соседней улице остановила извозчика и попросила отвезти ее до порта, намереваясь сесть на ближайший рейс, куда бы судно ни отплывало. Корабль направлялся в Зи - Хана. Именно в ту страну, куда она изначально и планировала. Либеральное правительство, экономика, основанная на игральном бизнесе и прочих развлечениях, свободные нравы.

Узкая, одноместная каюта второго класса. В запыленном стекле иллюминатора едва различимая прибрежная полоса Дамана. Ламис облегченно выдохнула: у нее все получилось.

Пять месяцев, наполненных пустыми надеждами и отчаянием. Она искала работу, любую достойную работу, но и здесь действовали те же принципы, что в Дарина и Дамана. Приличное место невозможно получить без рекомендации. Ламис хваталась за любую работу: убирала номера в гостиницах, служила прачкой и помощником костюмера в кордебалете при казино. Скудные сбережения постепенно таяли, нужно было платить за небольшую меблированную комнатушку под самой крышей, но в приличном районе и она, против желания, продала золотой кулон с огромным изумрудом в россыпи бриллиантов. Драгоценности, когда - то подаренные Арманом она берегла больше всего. У нее был план: она хотела вернуться в Дарина и увезти с собою сына. Подобное путешествие стоило дорого и, было полно опасностей, не говоря уже об угрозе разоблачения. В Дарина она вновь становилась рабыней, и ее неминуемо возвратят хозяину.

Ламис пересчитала вырученные от продажи золотые, ссыпала их в сумочку и направилась к дому. Прошла мимо нищенки, клянчившей деньги у прохожих и, внезапно для самой себя, обернулась и остановилась. За юбку женщины цеплялся изможденный, грязный ребенок, совсем крошечный, едва стоящий на худых, искривленных ножках. Кто - то кинул монету и, женщина бросилась за ней, отшвырнув от себя девочку. Та упала навзничь на каменную мостовую, но не заплакала, как следовало, а, засопев, принялась сосредоточенно подниматься. Ламис инстинктивно подала руку и присела рядом с малышкой. Девочка улыбнулась и Ламис бережно коснулась ее замызганного личика: глаза зеленые, и словно светятся надежде на что - то лучшее, чем это существование. Когда - то ей помог Вистериус, просто тем, что не остался безразличным к маленькой замухрышке из

соседнего поместья. Эта забота не принесла ей ничего, кроме разочарований от разбитой мечты, но у нее появился чудесный сын.

- Детей нет, красавица?

Ламис вздрогнула от неожиданности и перевела взгляд на попрошайку.

- Если понравилась дочка так покупай. Семь золотых и она вся твоя.

Цена крошечного ребенка была дешевле изумрудного кулона. Ламис без сожаления протянула женщине деньги и та, предварительно попробовав каждую монету на зуб, завязала их в узелок на драной кофте, молча развернулась и исчезла в толпе. Еще за один золотой девушка выправила документы на Асию Эстен, взятую в приюте на воспитание Ламис Эстен.

Вскоре после этого Ламис приняли прислугой в дом торговца и даже отвели комнату в пристройке. Маленькая Асия, отмытая и приодетая по случаю собеседования в пышное белое платьице и шелковые туфли с бантами невольно помогла Ламис получить это место без обязательных в таком случае рекомендаций. Пожилая матрона была столь сильно очарована молчаливой сосредоточенностью малышки, что соизволила принять в свой дом одинокую женщину с ребенком.

Семья торговца была небольшой: он сам, супруга, старший сын с женой и детьми проживал отдельно в соседнем доме, а младший, женившийся совсем недавно, поселился вместе с родителями. Прислуги было немного, помимо Ламис, принятой горничной, еще держали кухарку, конюха и дворецкого. Доброжелательная атмосфера, царившая в доме торговца, дарила ощущение тепла и уюта. Претензии к работе прислуги неизменно высказывались уважительным, но не терпящим оправданий, тоном. Работы хватало, но хозяйка великодушно позволила девушке брать повсюду с собой приемную дочь. Постепенно медные волосы отрастали, превращаясь в локоны до плеч, личико округлилось и розовело румянцем, Асия больше не напоминала того измученного ребенка, подобранного Ламис на улице. Ее привязанность к приемной дочери росла день ото дня, по мере того, как планы по возвращению Латера испарялись подобно утреннему туману. Девушка понимала, что даже если ей удастся въехать на территорию империи Дарина, купив себе новые документы и не вызывающего подозрений сопровождающего эскорта, то как именно ей удастся выкрасть сына из охраняемой военной школы? Арман давно предупредил отца и брата обо всех возможных действиях своей рабыни, и можно представить радость его семьи только попадись она в их руки. Ламис без

остатка дарила все тепло материнского сердца маленькой брошенной девочке, и когда та засыпала в своей кроватке, придвинутой к кровати самой Ламис, девушка едва слышно плакала, поскуливая от боли расставания с единственным сыном.

Когда Асие минуло два года, Ламис решилась продать оставшиеся драгоценности и вырученные таким образом деньги вложить в небольшую гостиницу, расположенную на одной из главных улиц Зи - Хана. Она слышала, как хозяин обсуждал предполагаемую сделку со старшим сыном, перечисляя все минусы и полюсы от покупки гостиницы. Сын упирался, убеждая отца заниматься только знакомым торговым бизнесом и не расширять сферу деятельности семьи. Ламис выждала несколько дней после случайно подслушанного разговора и как - то после завтрака попросила хозяина уделить ей несколько минут своего времени. Пожилой торговец какое - то время изумленно изучал служанку, оглаживая усы и бороду, потом неожиданно расхохотался, ударяя себя по коленям.

- Вот знал же, что ты не так проста, как пытаешься всем казаться. Слишком умна и красива, чтобы считаться обычной служанкой. И жена моя, сразу отметила твои манеры аристократки. Давно мы поняли, что ты словно прячешься от кого - то, все озираешься по сторонам, словно боишься быть найденной. Родители - то, небось, не шибко счастливы оттого, что ты им незаконнорожденную дочь принесла? - Ламис стыдливо потупилась, невольно радуясь тому объяснению, что нашли для себя эти пожилые люди. - Ну, если деньги дали, то и простили, значит. Ладно, помогу и сделку оформить, и советом подсоблю по части налогов и управления. Доходы там небольшие, но стабильные. Сын мой из-за этого и уперся, мало куражу, хочет сразу большими делами ворочать.

Когда документы были готовы и подписи поставлены в присутствии свидетелей и представителя властей, Ламис передала деньги за гостиницу ее бывшему владельцу. Она продала все украшения сразу одному ювелиру. Тот предложил такую высокую цену за пару обычных на взгляд Ламис колец, что просто дух захватывало от удачной сделки. Этих денег вполне хватило на покупку гостиницы, но ювелир, неуловимо напоминающий крысу своей востренькой мордочкой, так проникновенно убеждал девушку продать ему еще что - нибудь из своей коллекции, что Ламис невольно согласилась. Драгоценностями она не дорожила, а вот деньги, следуя советам пожилого торговца, вполне могла с выгодой вложить в какое - нибудь дело. Асия вырастет настоящей красавицей и Ламис хотела дать за ней приданное, чтобы ее дочь могли принять в

любом приличном доме Зи - Хана.

Арман рассеяно барабанил пальцами по столешнице, оценивающе разглядывая стоящего напротив человечка. Новости, принесенные им, были долгожданными. Арман пропустил меж пальцами витую цепь, богато украшенную редкой красоты изумрудами, подцепил совсем крошечное, в его ладони, колечко и, не глядя, швырнул обратно в шкатулку. Ламис преспокойно жила в Зи - Хане и даже обзавелась приемным ребенком. Последняя новость застилала глаза алым цветом неконтролируемого бешенства. Она оставила собственного сына только для того, чтобы воспитывать приемыша.

- За услугу вам щедро заплатят.

Ювелир согнулся пополам, почти уткнувшись кончиком носа в ковер, устилавший пол кабинета.

- Ваше Высочество, я узнал работу мастеров империи Дарина, как только взял изделие в руки. В фермуар колье был вправлен герб Дарина. Сами украшения бесценны и то, как дешево их продавала госпожа Эстен, наводило на определенную мысль: она не знала и совершенно не догадывалась об истинной цене драгоценностей. Я спешно отплыл в Дамана, надеясь на вашу милость, Ваше Высочество.

Ювелир неумело льстил, упорно величая его утраченным титулом. Арман холодно усмехнулся, отпуская мастерового взмахом руки. Его расчет оказался верным: прихваченные при побеге украшения, Ламис должна была когда - нибудь продать. Ему оставалось только выжидать, когда осведомленные по его приказу ювелиры прибудут к нему, чтобы он выкупил фамильные драгоценности Дарина. Глупенькая Ламис никогда не задумывалась над тем, что он делал для нее и подлинной ценой того, что он ей дарил. Из всех его женщин, именно это милое и невинное существо, лишенное корысти обходилось ему дороже остальных любовниц вместе взятых. Он потерял империю, покой и чувство собственного достоинства, прекрасно осознавая, что не сможет отплатить девчонке за то, во что она превратила его существование, когда отыщет ее. Арман вызвал секретаря, приказав тому подготовить корабль к немедленному отплытию в Зи - Хан. Повел плечами, разминая затекшие мышцы спины и невольно улыбаясь: Ламис снова в его объятиях, в его постели. Две недели морского путешествия и он сможет прижаться ртом к ее губам, почувствовать бархатистость нежной кожи и ласку тонких рук. Наказание придумает позже, сразу после того, как утолит первый голод. Он искал ее больше года, пылая праведной местью за отравление, приковавшее его к постели больше чем на

месяц. Сколько изощренных пыток он изобрел, лежа прикованный к кровати, не в силах поднять даже руки. Арман вышел из кабинета, на ходу расстегивая черный, затканный серебром камзол, прошел в гостевое крыло и толкнул первую дверь.

Золотистые локоны вдоль тонкой спины, девушка обернулась, призывно улыбаясь мужчине, прозрачные зеленые глаза, прихотливо изогнутый рисунок губ. Приблизилась танцующей походкой искусительницы, обвивая его шею руками, приподнимаясь на носочках, целуя подбородок. Его руки подхватили, приподнимая, жадно раздвигая языком податливые губы. Цвет волос Ламис, глаза, он отдал любовнице ее духи и платья. Но девушке не хватало главного: характера, силы воли Ламис, ее способности не опускаться, даже стоя на коленях перед ним. Война: он был завоевателем, она сопротивлялась его власти, не желая принимать мирное соглашение только на его условиях. Она была настоящей, эта изнывающая от желания шлюха в его руках была обычной дешевой подделкой.

Арман лежал, развалившись на кровати, лениво перебирая пальцами шелк золотистых волос. В дверь постучали, и девушка попыталась приподняться, но запутавшаяся в локонах рука жестко надавила вниз, вынуждая не прерывать изысканную ласку.

- Войдите.

Голос слегка охрип от получаемого удовольствия.

- Все готово к отплытию, главнокомандующий Калин.

Секретарь неуверенно мялся в дверях, старательно отводя глаза от происходящего в кровати.

- Приготовь мои вещи и прикажи подать карету.

Слуга поспешно скрылся за дверью, и Арман усилил давление на затылок любовницы.

И позже, уже садясь в карету, Арман обернулся к секретарю, коротко приказав:

- Заплатишь ей и ее родителям столько, чтобы хватило купить непривередливого жениха.

Арман откинулся на спинку оббитого темным бархатом сиденья и хищно оскалился. Всего несколько дней пути и Ламис снова будет принадлежать только ему.

Весенние дожди сменились солнечными днями, с цветочным запахом ветра. Ламис шла по улице, подставляя лицо теплым лучам чудесного летнего утра. Весело приветствовала знакомых: хозяев мелких лавочек, занимавших почти все первые этажи зданий на этой улице. Кто - то подметал тротуары, другие поливали цветы, обильно разросшиеся в кадках у самых дверей лавок, большинство же с безграничным усердием натирали

витринные стекла до зеркального блеска. Ламис нравилась эта спокойная неторопливость, царившая здесь по утрам, в ожидание первых покупателей. Девушка повернула за угол. Два наемных экипажа стояли у дверей ее гостиницы, новые постояльцы. Ламис приплачивала портовым людям за то, чтобы рекомендовали ее гостиницу вновь прибывающим в город. Она поднялась по ступеням, прошла через небольшой холл с парой кресел, к конторке администратора и, передав поджидавшей служанке, корзинку со свежей выпечкой, все еще улыбаясь, спросила у служащего:

- Откуда к нам прибыли на этот раз, Мелл?

Юноша, на миг оторвался от заполнения журнала своим аккуратным подчерком, и не определенно пожал плечами.

- Они упоминали о каких - то путешествиях, но я не прислушивался. Один из них, загонял меня капризами: кофе, горячий кофе, очень горячий кофе. - Мелл понизил голос, оглядываясь на закрытые двери столовой. - Очень требовательный господин, мисс Эстен. И он желал видеть вас по возвращении, хотел уточнить что - то с задолженность и оплатой. Я точно не запомнил.

Ламис походя, глянула в зеркало и, проворно пригладив выбившиеся из прически пряди, направилась в гостиную. Несколько мужчин, в темных одеждах, переговариваясь между собой, стояли группой возле накрытого к завтраку стола, но, увидев девушку, внезапно замолчали и расступились. Приветственная улыбка медленно сползла с лица Ламис. Арман, в походной одежде и с собранными кожаным шнурком волосами, стоял у раскрытого настежь окна и наслаждался утренним кофе с неизменной тонкой сигарой.

- Ламис, ты ничуть не изменилась, даже стала обворожительней и, кофе твой повар готовит просто отменный. - Мужчина поставил чашку на стол, раздавив в пепельнице сигару, и не спеша, направился к девушке. - Страна очаровательная, город необыкновенно пленителен, и не сомневаюсь, ты была здесь счастлива, но нам пора отплывать, милая.

Арман, обхватив рукой тонкие плечи, подтолкнул несопротивляющуюся девушку к выходу.

- Маленькая просьба, Ламис, - его губы нежно коснулись ее виска. - Не нужно кричать и сопротивляться, желая привлечь зрителей, если хочешь, чтобы твоя бродяжка последовала за нами во втором экипаже.

Манигет. Тот же липкий ужас, сковывающий льдом движения, тот же стук колес наемной кареты по булыжникам мостовой и оскалившееся в довольной усмешке лицо того, кого

она больше всего ненавидела. Пронзительные крики чаек, скрип снастей и хлопанье парусов на ветру. Обычные звуки для портовой жизни Зи - Хана. Экипаж, мягко качнувшись на рессорах, остановился и, Арман, выдернув забившуюся в угол девушку, вытолкнул ее из кареты. Уже находясь на середине трапа, Ламис услышала отчаянный вопль ребенка:

- Мама, мамочка!

Девушка инстинктивно обернулась на крик, но мужчина, вывернув ее руку за спину, ударил, заставляя буквально пролететь остаток пути до палубы судна.

- Еще раз услышу, как эта приблудная тварь называет тебя мамой, Ламис, без сожаления выброшу ее за борт.

Арман проволок девушку за собой, втолкнул в капитанскую каюту и захлопнул дверь, провернув ключ в замке. Ламис застыла посреди каюты, боясь пошевелиться, испуганно отводя глаза в сторону, но взгляд, словно зачарованный все равно возвращался к огромной кровати под шелковым, затканным золотом, пологом.

- Я же не насильник, милая. - Арман нетерпеливо стянул через голову рубашку, скинул сапоги и, мягко ступая босыми ногами по ковру, остановился перед Ламис. - Я ни к чему не хочу тебя принуждать, только твое собственное желание.

Губы мимолетно коснулись ее рта, скользнули к виску, приподнимая жарким дыханием золотистые пряди.

- Я так сильно скучал без тебя, а ты вижу, совсем нет, да?

Жадные ладони ласкали узкую спину, приподнимаясь вверх.

- Опять сбежала, глупая, от меня, от сына. Подарила драгоценную любовь отребью.

Голос предательски охрип, Арман надавил на тонкие плечи, вынуждая Ламис встать перед ним на колени.

- Твоя слабость делает тебя уязвимой, милая. Для того чтобы снова увидеть девочку, тебе придется сильно постараться.

Ламис проскользнула в приоткрытую дверь каморки, с единственным тусклым фонарем на стене. Асия сидела, забившись в дальний угол, затравленно таращась из-за завесы растрепанных волос на девушку.

- Асия, это же я! - Девушка лихорадочно убирала рыжие волосы, целуя залитое слезами личико. - Цветочек мой, ты испугалась? Я здесь, недалеко, рядом. Я поговорю с капитаном, ты будешь со мной, обещаю, Асия.

Ребенок задрожал, тихо всхлипнул, потом еще раз, впился ручками в платье Ламис и неожиданно громко расплакался. Девушка прижала ее к себе, пытаясь успокоить, солгав. Дверь

скрипнула, тени качнулись и, Асия испуганно зарылась лицом в юбки Ламис, прерывисто шепча:

- Плохой дядя, плохой дядя.

Охранник демонстративно постучал пальцем по часам.

- Пять минут вышли.

Ламис встала, старательно улыбаясь девочке дрожащими губами.

- Я сейчас уйду и сразу же вернусь за тобой, цветочек. Ты только не плачь и жди меня.

Охранник нарочито громко хлопнул дверью. Ламис не выдержала и, глядя ему прямо в глаза, ядовито прошипела:

- Нравится измываться над беззащитными, мразь? Смотри, сам не окажись на нашем месте.

И, развернувшись, зашагала к каюте, гордо выпрямив спину и расправив плечи.

Арман протяжно застонал, сквозь стиснутые зубы, выгнулся и кончил, изливаясь, едва ощущая нежное касание языка к своей плоти. Все еще, окончательно не проснувшись, приподнялся, бессмысленно глядя на Ламис в полупрозрачной сорочке, сидящую у его ног с обольстительно влажными губами. Понимание отразилось сполохами ярости в льдисто - серых глазах.

- Сука.

Мужчина ударил внезапно, тяжело, наотмашь, одним ударом сбивая Ламис на пол. Потом встал, презрительно глядя на испуганно отползающую к стене девушку.

- И где ты научилась подобным фокусам, моя невинная девочка?

Ламис чувствовала закипающее бешенство в низком, тягучем голосе мужчины, видела, как он повел, словно играя широким плечами, разминаясь. Он шагнул ближе, и она заговорила, сбиваясь, пытаясь, все объяснить до того, как он ударит ее в первый раз.

- Это было обыкновенной шуткой, - смоляная бровь выгнулась и Ламис поспешно исправилась, уже глотая предательские слезы панического страха. - Сюрприз. Ты же сам постоянно говорил, что нужно быть раскованней, проявлять...

- И много лет трахал фарфоровую куклу, Ламис. Потом ты сбегаешь от меня и на пятый день нашего волнительного путешествия я просыпаюсь от мастерски исполненного минета. На тебе соблазнительная сорочка, кружевной пояс и шелковые чулки. Все так сразу и в одно утро?

Ламис уперлась спиной в стену.

- Это сюрприз, Арман. Я хотела тебе понравиться.

Мужчина усмехнулся и коротко приказал, безучастным до жути голосом.

- На стол, лицом вниз.

Девушка испуганной тенью метнулась на середину комнаты к столу, покорно легла, вытягивая шею, пытаясь взглянуть на принца, надеясь обратить только, что произошедшее в безобидную шалость.

- Глупость, какая, правда? Шутка совсем не удалась.

- Мне понравилось.

Арман приподнял сорочку и, потянув девушку на себя, встал между ее широко разведенных ног.

- Удивишь меня снова?

Палец надавил на тугое колечко и, девушка часто задышала, пытаясь убедить себя, что это все лишь случайная ласка. Асия маленькая, под замком, совершенно одна. Давление усилилось и, Ламис попыталась расслабиться, тут же почувствовав, как палец вошел в нее, растягивая, двигаясь по кругу. Если она будет послушной, то Арман позволит пересилить девочку из сырого, затхлого трюма наверх, в приличную каюту. К первому пальцу присоединился второй, теперь каждое движение внутри тела заставляло Ламис кусать губы. Мужчина медленно вывел пальцы и, Ламис облегченно выдохнула. Всего - то и нужно было, немного потерпеть. Арман отвечал неизменным отказом на ее робкие просьбы увидеться с ребенком. Ламис совсем отчаялась и только поэтому осмелилась на авантюру соблазнения. У нее все получиться: она доставит удовольствие и сумеет вытащить Асию из корабельного трюма.

- Приведи себя в порядок.

Ламис неуклюже попыталась сползти со стола, упала, мутный взгляд уперся в босые ступни ног и, девушка невольно попятилась, глупо пытаясь спрятаться от Армана. Удар в живот, еще один, рывок за волосы, но она смогла устоять только на коленях. Пошатываясь, в залитой кровью сорочке, спросила прокушенными губами:

- Ты, правда, считаешь, что после такого я могла лечь в постель еще с кем - нибудь, Арман? Я всего лишь хотела просить тебя об одолжении.

Мужчина молчал и, Ламис, поощренная этим молчанием, униженно прижалась губами к его руке.

- Асия, еще ребенок, она не выживет при подобном обращении. Я сделаю все что угодно, только позволь мне приглядывать за ней.

- Именно поэтому я и отправил Латера в Дарина, к отцу и брату. Кем он вырос бы с тобой?

- Пожалуйста, Арман, - Ламис заплакала, с удвоенным усердием покрывая поцелуями его руку. - Все, что ты только скажешь, любое желание, я все сделаю.

- Приведи себя в порядок.

После этого утра, Арман больше не притрагивался к девушке, а, укладывая в постель, принимал определенные меры, пытаясь сделать близость с ним предельно терпимой. Он не наказал ее за отравление и побег, позволил оставить в доме Асию и даже согласился оплатить для нее учителей и постоянную гувернантку. Его месть была расчетливой и жестокой: сына Ламис увидела только через десять лет.

Арман предупредил ее за день до приезда мальчика в Дамана. Ламис выбежала на крыльцо, взволнованно приглаживая свою незатейливую прическу и поправляя лучшее платье, едва услышав стук колес подъехавшей кареты. Слуга распахнул дверцу и Латер легко спустился по ступенькам, неловкое движение лакеев и один из чемоданов упал на вымощенную камнем подъездную аллею. Юноша оглянулся и холодно приказал, не глядя на склонившегося в почтительном поклоне, дворецкого.

- Выпороть эту тварь немедленно.

Латер стянул перчатки, все так же, не глядя, швырнул их кому - то из слуг, и ласково улыбаясь, повернулся к застывшей от только что увиденного матери.

- Моя дорогая мама! Я видел ваш портрет. Вы по-прежнему очаровательны.

Ламис попыталась улыбнуться, с ужасом понимая, что ее сын вырос полной копией отца. Она совсем не эти слова хотела сказать при встрече с единственным сыном через столько лет, но голос дрогнул, и она тихо заметила.

- Людей нельзя наказывать плетью.

Мягкий упрек матери, не сумевшей вырастить достойного сына.

- Эта собака, раб. Они не люди, мама.

- В Дамана нет рабства, Латер.

Недоуменный взгляд серых, таких же льдистых, как у Армана глаз.

- Я бы выпил с дороги чаю, мама.

Ламис все время молчала, не находя предметов для разговора с собственным ребенком, наблюдая за тем, как весело и непринужденно переговариваются за столом Арман и Латер,

ставший слишком красивым юношей. Его длинные черные волосы, спускались вдоль спины, уложенные в затейливую косу, овал лица ее, правильный, без ломающей линии тяжелого подбородка, как у отца. Густые брови, серые глаза, прямой нос и четко очерченный рисунок губ. Более совершенная, утонченная копия Армана. Ламис отлично помнила маленького мальчика и не находила ничего знакомого в этом пренебрежительно - равнодушном, чужом для нее человеке. Она перехватила повелительный взгляд Армана и поспешно встала, мучительно надеясь, что Латер попросит ее задержаться за столом, но тот лишь отстраненно, как чужому человеку, улыбнулся, учтиво выразив надежду непременно увидеться с ней в следующий свой приезд. Утром следующего дня он вернулся в империю Дарина. Ламис не было позволено с ним увидеться и проводить до экипажа.

Через пять лет Латер завершил образование в Дарина и вернулся домой, заняв отдельное крыло великолепного загородного особняка, отстроенного не так давно Арманом. Он неизменно завтракал и обедал в обществе родителей, обмениваясь парой вежливых фраз на общие темы с матерью, и более не обращая на нее внимания, вечерами же посещал светские рауты и балы. Иногда, перед сном, находясь в особенно благодушном настроении, Арман, лениво перебирая золотистые локоны, рассказывал Ламис, какой одаренный у них вырос сын. Она соглашалась, не смея возражать, и постоянно возвращаясь к тому утру, в воспоминаниях, когда красивый высокомерный юноша велел выпороть раба за ничтожную провинность.

Асия привычно нарезала цветов, проворно уложив их в корзинку и, убрав на место перчатки и ножницы, пошла к выходу из оранжереи. Господин Калин увез госпожу Ламис на побережье Дарина, в Темный замок, связанный с какими - то романтичными событиями в их жизни и она впервые осталась совершенно одна, лишенная постоянной опеки Ламис. Ей не было скучно. Асия проводила почти все время за книгами, готовясь к поступлению в женскую гимназию на должность учительницы, если конечно ей удастся с блеском выдержать испытательный экзамен. Ламис была совершенно уверена в ее успехе, но воспитанница отчаянно трусила, боясь не оправдать надежд своей наставницы.

- Ммм, по утрам в оранжерее, в самом деле, бывает интересно.

Молодой человек стоял, небрежно облокотившись плечом о дверной проем. Пронзительные серые глаза скользнули вдоль

стройной фигурки в дешевом утреннем платье и задержались на рыжих, собранных в низкий хвост, волосах.

- Асия, надо понимать?

Девушка сделала книксен.

- Я, Латер Калин.

Асия еще раз присела, пытаясь вспомнить сразу весь свод светских правил.

- Приятно познакомиться, господин Калин.

Латер шагнул вперед, протягивая руку и насмешливо улыбаясь над учтивыми манерами воспитанницы матери.

- Мы можно сказать родственники, к чему подобная официальность? - Ее крошечная ручка утонула в его смуглой ладони. - Я провожу тебя до комнаты?

Асия чувствовала, как его палец скользит по ее запястью, ласково, дразняще, рисуя непонятные узоры на нежной коже.

- Тебе кто - нибудь говорил, что ты очень похожа на принцессу? Очень красивая.

Асия стыдливо опустила глаза. Латер разочарованно вздохнул: еще одна дура - девственница. О чем думал отец, когда просил его присмотреться к этой девушке? Парень почти вырвал корзинку из ее рук и далеко не вежливо подтолкнул к дверям.

- Я обещал вас проводить, принцесса.

Асия почувствовала его внезапное отчуждение и приписала это своему несовершенному знанию светского этикета, на каковом постоянно и настаивала Ламис. Они дошли до ее комнаты и, девушка, окончательно смутившись, предложила:

- Я могла бы сыграть с вами в шахматы. Я - отличный соперник, господин Калин, и могу вас удивить.

Латер смотрел в зеленые глаза и вспоминал наставления отца. Он никогда не ошибался и... одна партия в шахматы с самоуверенной девчонкой. Он ничего не теряет. Парень согласно кивнул и, Асия счастливо улыбнулась.

- До вечера, принцесса, постарайся продержаться несколько ходов.

Латер шутливо коснулся пальцем кончика маленького носа и зашагал в свои апартаменты.

Девушка напряженно застыла на самом краешке кресла, одетая в свое самое лучшее платье, удивительное шедшее к ее рыжим волосам и зеленым глазам. Яблочно - зеленое, с узкой кромкой кружева по высокому вороту. По ее меркам почти наряд для особо торжественных случаев. Подарок на совершеннолетие. Из подслушанного случайно разговора, Асия знала, что господин Калин весьма неохотно выделяет средства на ее содержание. Он

оплатил учителей, позволил остаться в доме на положении средним между горничной и приживалкой, но не более того. Девушка слышала, как зло и резко господин Калин выговаривал Ламис за то, что та тратит слишком много времени на подобранную на улице дворняжку. Асие было тяжело слышать подобное, именно поэтому она так стремилась получить место преподавателя в гимназии для девочек. Это был ее единственный способ отблагодарить госпожу Ламис за доброту и заботу, и избавить ее от выговоров господина Калина.

Латер остановился в дверях, пристально разглядывая девушку у шахматного столика. Да, весьма недурна собой, но вот умна ли?

- Принцесса, я заставил себя ждать? Примите мои самые искренние извинения.

Девушка заметно встрепенулась и мило покраснела до самых кончиков маленьких аккуратных ушек. Латер скользнул губами по тоненькой ручке и опустился в кресло напротив.

- Приступим?

Асия послушно кивнула.

- Первый ход ваш, принцесса.

Девушка еще раз кивнула и осторожно переставила фигуру на доске. Латер выразительно закатил глаза: вечер обещал стать весьма занимательным при такой интригующей общительности девушки. Двинул пешку и, плеснув немного вина в бокал, пригубил, перехватив заинтересованный взгляд Асии.

- Не желаете попробовать?

Девушка опять покраснела и смущенно пролепетала:

- Госпожа Ламис говорит, что мне еще рано пить вино.

- Мы никому не скажем, - заговорщицки прошептал Латер, наполнив еще один бокал и, протянул его девушке. - Это будет наш общий секрет.

- Попробуй, это очень хорошее вино, - добавил он, видя нерешительность девушки. Парень перегнулся через стол, заставив ее обхватить бокал руками. - Один глоток, это почти фруктовый сок. Тебе понравится.

Девушка отпила и замерла, прислушиваясь к новым ощущениям. Латер рассмеялся и отсалютовал своим бокалом:

- До дна, Асия.

Бокал опустился с легким стуком на столик.

- Всего лишь сок!

Девушка улыбалась, глаза оживленно блестели.

- Я же говорил, в этом нет ничего особенного. Ты сегодня ужинала?

Асия удивилась неожиданному вопросу.

- Я не успела, увлеклась книгами, а опаздывать к ужину дворецкий ни кому не дозволяет.

Вокруг нее клубился туман с фруктовым привкусом вина, смущение отступало, позволяя наслаждаться беседой.

- Вы много путешествовали, господин Калин?

Парень демонстративно поморщился.

- Латер, - с обворожительной улыбкой напомнил он. - Мы же почти родственники.

- Латер, - согласно кивнула Асия, не желая выплывать из сладкого тумана. - Я бываю в обществе вашей мамы, у меня было два учителя, а до этого гувернантка, но я впервые разговариваю с почти, что своим ровесником. Это так увлекательно. А вы бывали на балах? Я читала о них, но никогда не видела по настоящему. Господин Калин не дает балов, а это было бы так интересно. Чудесная музыка и дамы в шелковых платьях, и свет множества свечей... Было бы так замечательно видеть подобную красоту.

Девушка перевела мечтательный взгляд на парня.

- А вы умеете танцевать? Я совершенно не умею.

Латер поднялся, галантно протягивая руку девушке.

- Я научу тебя, если хочешь.

Асия грустно усмехнулась:

- Здесь нет музыки.

- Нам музыка не нужна. Мы будем отсчитывать ритм.

Парень притянул девушку на расстояние вытянутой руки, едва касаясь ее талии кончиками пальцев.

- Следуй за мной и считай. Раз, два, три, поворот.

Латер скользил по паркету, умело, ведя партнершу.

- Спина прямая, не отводи взгляда. Раз, два, три, поворот. Раз, два... Всего лишь моя нога.

Они дружно рассмеялись и остановились посредине залы.

- Отдохнем, принцесса?

Девушка согласно кивнула, пытаясь справиться с неуместным весельем: она была так неуклюжа, что наступила на ногу Латеру.

- Ты превосходно двигаешься. - Парень протягивал бокал вина и, Асия послушно пригубила его, боясь обидеть отказом. - Еще пара занятий и ты вполне сможешь посещать танцы в городском парке.

- А город очень красивый?

Латер невольно переспросил, не понимая вопроса:

- Какой именно город?

- Столица Дамана, - девушка неуверенно пояснила. - Я никогда не была там.

- Ты жила в нашем городском доме, но никогда не

выходила за его ворота?

Парень недоуменно уставился на девушку, невольно смущая своим пристальным вниманием.

- Мне было позволено остаться в карете с госпожой Ламис во время переезда, и мы надеялись увидеть живописные улицы города, но господин Калин велел охране плотно задернуть шторы.

Латер никогда не задумывался о том, как именно живут его родители. Он знал, что отец отрекся от права на трон Дарина, для того, чтобы остаться с любимой женщиной. Дедушка не раз высказывался весьма нелицеприятно по поводу слабости наследного принца Армана к маленькой блондинке, заставившей его покинуть империю и сменить имя. Он видел безразличный взгляд матери, пустой, потерянный, словно и не было меж ними той страстной любви, толкнувшей их на противостояние воле всемогущего императора и устоям светского общества. Главнокомандующий тщательно оберегал личную жизнь от стороннего интереса высшего света Дамана: получалось до полной изоляции его матери.

- Я приглашаю тебя на утреннюю прогулку.

Глаза девушки засияли, и она по детски захлопала в ладоши, радуясь предстоящему развлечению.

- Я согласна, а куда мы направимся?

- В ближайшую деревню, зайдем в кондитерскую, потом устроим пикник на берегу ручья.

Для прогулки Латер выбрал изящное ландо и приказал запрячь самую смирную кобылу. Прибежала Асия, в белом платье и соломенной, слегка потрепанной шляпке с дурацкими цветами на тулье. И к этому ребенку его попросил присмотреться отец? Латер галантно придержал ее под руку, подсаживая в экипаж, опустился рядом и тронул вожжи, лошадь резво затрусила по затененной аллее к кованым воротам.

К тому моменту, как они вышли из деревенской кондитерской с упакованными в корзинку пирожными, Латер отчаянно ругал себя последними словами за глупый порыв показать девочке что - то за пределами фамильного поместья. Если бы он только знал, сколько восторженных словоизлияний вызовет посещение небольшой деревни, а потом и покупка обычной выпечки в обычном магазине! Асия не закрывала рот с тех самых пор, как они отъехали от границ поместья, и подробно делилась каждым наблюдением, будь то пробегавшая мимо собака или дом фермера. Пикник у ручья уже не казался Латеру блестящей идеей. Он по - настоящему боялся не сдержаться и утопить болтливую девчонку, предварительно оглоушив

увесистым камнем. А то ей еще придет в голову поделиться незабываемыми впечатлениями во время утопления по поводу рыбок, плещущихся в прозрачных водах небольшой речки.

Пока девушка бегала по песчаному берегу и безостановочно трещала о непередаваемой живописности данной местности, Латер откупорил бутылку вина, наполнил бокал и залпом выпил его. Асия опустилась напротив, подобрав под себя ноги и чуть склонив голову к плечу. Рыжие пряди огненными всполохами разметались по плечам, лицо разрумянилось, подчеркивая россыпь веснушек на вздернутом носике. Виновато взглянула из под неимоверно длинных ресниц, ослепляя зеленью глаз.

- Я вас совсем заболтала? Простите, знаю этот свой недостаток, но вы показали мне сегодня столько интересного. Я никогда не бывала в деревне, и в кондитерской, и не ездила в открытом экипаже, и не видела сразу столько людей, и я опять слишком много говорю. Госпожа Ламис мне постоянно твердит, что манеры это, прежде всего, необходимо держать себя в руках и следовать строгим правилам света, если я хочу чего - нибудь добиться.

- А чего ты хочешь добиться? - спросил Латер, делая ударение на слове "ты".

Асия смутилась, уловив намек на то, что она нарушает договоренность, заключенную между ними ранее.

- Я хочу получить место учителя, - девушка запнулась и мужественно добавила. - Латер.

Парень довольно улыбнулся и, достав на бумажной тарелочке пирожное, протянул его девушке.

- С чего ты решила, что обучать несносных детей грамоте, твое призвание?

Девушка изумленно посмотрела на него и неуверенно сказала:

- Госпожа Ламис говорит, что это достойное занятие и очень занимательное. Я смогу сама себя обеспечивать.

- Моя маменька никогда не преподавала, откуда ей знать, что это интересно? Все мои знакомые девушки думают лишь о том, чтобы сделать выгодную партию с представителем знати, но не мечтают получить место в гимназии. Мужчина обеспечивает их, давая возможность вести светскую жизнь на том уровне, к какому они привыкли. Им не приходится забивать свои хорошенькие головки такими глупостями, как деньги. Они наслаждаются прогулками, нарядами и дорогими безделушками. Нужно всего лишь привлечь внимание, какого - нибудь богатенького хлыща.

Асия задумчиво откусила кусочек пирожного и слизнула

крем. Латер напрягся, пристально следя за тем, как маленький розовый язычок скользит по ее нижней губе. Соблазнительно. Девушка подняла глаза, перехватила его тягучий, плавящийся взгляд и недоуменно приподняла брови. Парень усмехнулся.

- Почему маме не пришло на ум выдать тебя замуж, принцесса?

Асия рассмеялась.

- Для того чтобы выйти замуж надо обязательно полюбить, иначе ничего не получиться. А ты уже полюбил кого - нибудь?

Девушка откусила еще один кусочек, прикрыв глаза, наслаждаясь тающим на языке нежнейшем кремом. Латер придвинулся ближе, стараясь не напугать ее внезапным перемещением. Один невинный поцелуй, уговаривал он себя, не в силах отвести глаз от лица девушки.

- Я знаю, как определить: любишь ты этого человека или нет.

Асия, на что он и рассчитывал, заинтересованно уставилась на него.

- А есть такой способ?

- Да, принцесса. Я покажу, как только ты доешь десерт.

Его голос предательски охрип при виде того, как девушка поспешно затолкала себе в рот остатки пирожного и проглотила. Она приподняла руку, но он, перехватив тонкие пальцы, остановил ее.

- Я сам, принцесса.

Латер наклонился, осторожно слизывая остатки крема с ее губ. Девушка прерывисто вздохнула от влажного прикосновения его языка.

- Это неприлично, я точно знаю.

- Мы никому не скажем, принцесса, - прошептал парень, не сводя голодного взгляда с ее рта. - Ты же хочешь узнать любовь?

- Да, но...

- Никаких "но", принцесса. Есть только ты и я.

Один невинный поцелуй, уговаривал он себя.

- Вы же не собираетесь меня поцеловать? - спросила Асия, жалобно заглядывая ему в глаза.

- Ты боишься, принцесса?

- Я могу потерять сознание, я читала, я знаю.

Латер не сдержавшись, коротко хохотнул.

- Ты не то читала, милая. Закрой глаза и чувствуй.

Девушка напряглась, но глаза послушно закрыла. Один невинный поцелуй. Отец ему карт-бланш выдал, откровенно намекнув чего, ждет от сына, а он? Латер нежно накрыл ртом дрожащие губы, обвел языком их контур, толкнулся между

губами и отступил.

- Не страшно, принцесса?

Асия глубоко вздохнула, не открывая глаз, и прошептала:

- Только мокро.

- Тогда продолжим.

В этот раз он был смелее, прикусил губу, чуть потянул и, когда она испуганно охнула, втолкнул свой язык глубоко внутрь, вылизывая небо, исступленно лаская ее язык. Ее руки уперлись ему в грудь, пытаясь оттолкнуть, глаза испуганно распахнулись. Латер тяжело дыша, покорно оторвался от ее губ, пытаясь успокоиться.

- Напугал, принцесса?

- Немного.

- Прости, милая.

Асия по-прежнему упиралась ему в грудь, но испуганной больше не выглядела.

- Это и есть любовь? Поцелуи.

- Нет, не только. - Латер отодвинулся от девушки, пытаясь избежать соблазна, уложить ее под себя прямо сейчас. - Пора возвращаться домой, принцесса.

Асия выглядела такой разочарованной, что парень, не сдержавшись, провокационно сказал:

- Позволишь мне нечто больше поцелуев, и я устрою еще одну прогулку.

Девушка подозрительно спросила:

- А что бывает больше поцелуев?

Латер учтиво протянул ей руку, помогая подняться с расстеленного на траве пледа.

- Все лучшее начинается после поцелуев, принцесса, но только с твоего позволения.

Он обещал показать ей любовь... и узнал ее сам.

7

Карета, мягко раскачиваясь на рессорах, катила по вымощенной камнем проселочной дороге. Ламис зябко кутала плечи в плед: ей не нравилась утренняя сырость, не нравилась мерзкая хищная усмешка, змеившаяся по губам Армана, не нравилась эта поездка, придуманная им по неизвестной ей причине. Они прожили две недели на побережье, в Темном замке, где одних только воспоминаний хватало на то, чтобы старательно избегать его залов и красочных заливов. Потом отправились в Сталлору. Ламис убежденно ненавидела империю, и эта ненависть только усиливалась, стоило им пересечь границу между Дамана и Дарина. Прошлое накрывало волной, пережитого унижения и страха, заставляя чувствовать себя, маленькой девочкой, посмевшей бросить вызов наследному принцу. И долгие годы за толстыми стенами его богатых особняков, под пристальным слежкой его преданных слуг, послушная его воле, не смея выказывать недовольство своим положением. И она молчала, она потеряла одного ребенка по собственной глупой несдержанности, и не могла потерять второго. Асия - добрая девочка, непосредственная, любознательная, прилежная. Ламис всеми силами пыталась дать ей то, что утратила сама: независимость, право выбора, близких людей. Она не могла помочь ей финансово, Арман великодушно согласился оплатить учителей, но отказался отправлять Асию в пансионат без вразумительного объяснения причины своего отказа. Получив место преподавателя, девочка получала необходимое содержание, а при ее скромных требованиях ей вполне хватит заработанного для того, чтобы откладывать в банк. У нее появятся друзья, ее ровесники, она сможет побывать везде, где пока только мечтает побывать. За высоким забором столько всего увлекательного и познавательного.

Карета, качнувшись, остановилась, натужный скрип кованых ворот, понукание лошадей кучером. Дом, пять этажей из серого камня с императорских каменоломен, бесчисленное количество комнат, галерей, лестниц и переходов. Арман вошел во дворец, потянув за собой Ламис, та обернулась, не узнавая окружающий интерьер.

- Крыло нашего сына, - пояснил мужчина. - Хочу его поздравить с предстоящим заключением брака. Очень выгодная партия, Дамана получит новые богатые земли за принцессой.

- Какое отношение ты имеешь к власти этой страны?

Ламис рассеяно осматривалась вокруг, она никогда не

бывала в комнатах сына.

- Самое поверхностное, милая.

Арман уверенно зашагал вперед, крепко удерживая ее за руку. Открыл двойные двери и, удовлетворенно выдохнув, отступил, давая Ламис насладиться в полной мере открывшимся видом. Латер спал, раскинувшись на спине, властно обнимая тоненькую девушку с разметавшимися по его груди, ярко - рыжими прядями. Тонкая шелковая простыня, сбившаяся много ниже талии обоих, не оставляла места воображению. Арман склонился к ошеломленной Ламис и ядовито прошипел, едва касаясь губами виска:

- Надеюсь, тебе очень больно, Ламис.

Ламис отрешенно смотрела в чашку кофе, все еще не в силах осознать увиденное в спальне сына. Асия, ее маленькая девочка, в постели Латера. Она, видимо, закричала, потому что Арман запечатал ей рукой рот и поволок к выходу, но она успела увидеть заспанный, недоуменный взгляд серых глаз, и неосознанное движение прикрыться, едва сын узнал ее. Монотонное постукивание приборов по фарфору заставило Ламис очнуться и взглянуть на спокойно завтракающего Армана. Теперь уже понятная ей усмешка, змеилась на четко очерченных губах.

- Надеюсь, ты не ждешь от меня дальнейшей поддержки этой рыжей бродяжки? Латер немного развлекся, и не сомневаюсь, научил ее весьма увлекательным фокусам. При определенном старание эта маленькая содержанка успешно найдет себе следующего покровителя. Ты так переживала за это воздушное создание, столько сил потратила на занятия с ней и... воспитала шлюху.

- Он принудил ее.

Ламис отчаянно кусала губы, пытаясь сдержать слезы.

- Я не заметил следов побоев на ее теле. Возможно, мне и показалось, но во сне она выглядела более чем довольной, утомленной, пресыщенной ласками. Латер, при своем темпераменте, вряд ли дает ей прилично выспаться.

- Не нужно этих подробностей, - глухо выдавила Ламис.

- Тогда перестань изображать из себя холодную суку, милая. С чего ты решила, что твой сын - насильник?

- Может быть, потому что он - твоя полная копия? - Ламис смерила долгим презрительным взглядом мужчину. - Такая же мразь, готовая растоптать то, что не способен понять и принять. Ты мстил мне, выжидая столько лет, лишил сына, позволил вырастить Асию, подобно дочери и приказал мальчику сделать ее своей любовницей. Поэтому и увез меня из Дамана, чтобы не

мешала осуществлению твоей мести. Но за что?

Ламис горько усмехнулась и тихо ответила сама себе:

- Всего лишь за то, что не смогла полюбить, переступив через себя, законченного эгоистичного мерзавца, считающего себя совершенством.

- Прекрасная речь, дорогая! Тебя бы на баррикады, под знамена, отстаивать честь всех униженных и поработенных.

Арман поднялся из-за стола, громко аплодируя Ламис, и та невольно вжалась в спинку кресла.

- Ударишь?

- Нет, конечно, золотом осыплю. - Мужчина грозно навис над ней, замораживая льдистым взглядом серых глаз. - Тебя и девку твою. Поэтому встань, вытри глазки, переоденься в красивое белье и жди меня, будешь долго и старательно извиняться.

Ламис сидела на кровати, подтянув ноги к груди и обхватив их руками. Распущенные волосы струились золотым водопадом по узким плечам, выгодно оттеняя хрупкую красоту обнаженного тела. Арман усмехнулся, ему нравилось смотреть на Ламис: тоненькая, как и в день, их знакомства, движения полны неосознанной грации, только глаза уже давно не обжигают зеленым пламенем неповиновения. Но так даже лучше, это поначалу нравится и кажется притягательным жаркие споры и постоянное сопротивление, а после стольких лет прожитых вместе начинаешь ценить такие вещи, как домашний уют и покой. Эта возможность расслабиться, забыть на время о государственных проблемах делала возвращение домой неимоверно желанным. Горячий кофе, уютное кресло, ее неповторимый запах, и ее ладони на его плечах, невесомо гладят, нежно скользят по верх рубашки, именно так как ему нравится. Ммм, он так любил возвращаться домой: вечер, рядом с ней плавно перетекающий в ночь, наполненную страстью. Арман сыто потянулся и, прихватив золотистую прядку, дернул, заставляя Ламис взглянуть на него.

- Ну, вот, снова этот затравленный взгляд провинциальной девочки, изнасилованной прекрасным принцем.

- Мне нужны деньги, Арман.

Мужчина насмешливо выгнул бровь, расплываясь в хищном оскале.

- Деньги необходимо заслужить, милая, старательно ублажая своего единственного мужчину, а не смотреть на часы, покусывая губы, и непрестанно думая о том, когда же я кончу.

- Я так не делаю.

- Делаешь, милая, делаешь. И споришь, а нужно соблазнять

и очаровывать, стараясь угадать сокровенные желания.

- И у многих ты просил, таким образом, деньги?

Арман рассмеялся, придвинулся ближе, накрывая ладонями ее груди. Прикусил кожу у основания шеи, одна рука медленно скользнула вниз, принуждая раздвинуть ноги. Ламис послушно изогнулась, опираясь спиной о его мускулистую грудь, поворачивая голову навстречу жадному поцелую.

- Превосходно, милая, - Арман благодарно коснулся губами тонкого изгиба плеча. - Но ты забыла застонать, когда я кончил.

Он упал на спину, не выпуская Ламис из своих рук, и не выходя из нее. Мужские ладони лениво скользили, рисуя замысловатые узоры, задерживаясь на груди, спускаясь вниз.

- Наполни ванную, добавь ароматического масла в теплую воду, зажги свечи, удиви меня, - Арман перевернулся, подтягивая Ламис выше, заглядывая в ее глаза. - И попытайся отработать содержание своей дворняжки.

- В последний раз, когда я проявила инициативу, милый, ты ее не оценил.

Мужчина хрипло рассмеялся, расслабленно поглаживая узкую спину.

- Я не любитель сюрпризов, особенно, когда задевают мои собственнические инстинкты. Ты только представь, милая, просыпаюсь, думаю в моей постели очередная шлюха, а тут ты, вот и ...не сдержался.

Арман обвел большим пальцем контур ее губ, склонился, языком проникая глубже, лизнул ее язык и, неожиданно прервав поцелуй, прошептал:

- Ладно, обойдусь обычными ласками, только желание изображай естественнее и, возможно, я подумаю о том, чтобы обеспечить приданное твоей очаровательной бродяжке.

Латер метался по комнате, с усиливающимся волнением ожидая встречи с отцом. Он, конечно, знал, что все равно настоит на своем, но очень хотелось надеяться на безоговорочную поддержку самого близкого для него человека. Отец хотел, чтобы он женился на принцессе и увеличил свою будущую империю, не рискуя в сражениях за новые земли. И Латер охотно соглашался с доводами отца, понимая и принимая важность подобного супружеского союза для Дамана, пока по его же просьбе не спустился в оранжерею, чтобы познакомиться с воспитанницей матери. Ему надо было всего лишь обольстить Асию, но он потерялся в прозрачной зелени глаз, запутался в ее искрящейся

теплом улыбке и сердечной доброте. Латер действительно уложил ее в постель, на чем так настаивал отец, но только после того, как ей сделал предложение. Они молоды, они влюблены и станут родителями.

Наконец, появился личный камердинер главнокомандующего Калина, поклонился и учтиво пригласил пройти в кабинет. Отец сидел, вальяжно развалившись в кресле, с влажными волосами, босой, в одних брюках.

- И что заставило тебя требовать немедленной встречи?

Латер замялся, нерешительно подбирая слова:

- Я сделал все, как ты и просил, но возникло небольшое ... недоразумение.

Арман натянуто улыбнулся.

- Асия беременна, я полагаю.

Парень облегченно выдохнул: отец достаточно умен, чтобы догадаться самому.

- Я люблю ее.

Арман, не сдержавшись, оскалился, оглушенный неожиданным признанием сына.

- Это еще не повод для расторжения выгодной помолвки. Твой союз с Тессией весьма важен для Дамана.

- Мне все равно. - Латер в упор посмотрел на отца и твердо добавил. - Я люблю Асию, я хочу на ней жениться.

- Налей нам вина, сын. - Арман закурил, взял бокал из рук парня и кивнул на соседнее кресло. - Садись, поговорим.

Латер уперто смотрел на него из под насупленных бровей.

- Я не отступлю.

- Я все понимаю. - Арман криво усмехнулся, глубоко затягиваясь тонкой сигарой. - Сам однажды попался на обаяние невинности. Асия не похожа на других девушек: неподдельная, неповторимая, лишенная корысти во всех ее проявлениях. И ей, конечно же, наплевать на то, кто ты такой, какое место занимаешь в обществе, потому что она просто любит тебя. Она - особенная, Латер, кому как не мне знать это. Ты можешь жениться на ней, но одна твоя ошибка, в ее понимании, заметь, сын, не твоем, и она никогда тебя не простит. Подобным твоей Асие, не хватает ума и изворотливости, или одного весьма важного качества: умения вовремя заткнуться и наслаждаться драгоценностями.

- Я достаточно умен для того, чтобы тщательно скрывать свои связи на стороне, если ты об этом, отец.

Арман невольно усмехнулся.

- Я боялся, что ты начнешь клясться ей в верности. Меня радует, что ты не окончательно потерял голову от любви к этой

милой девушке. Зачем же жениться? Закрой ее в городском доме, развлекайся, пока не наскучит.

- Я люблю ее, отец.

- У каждого есть хотя бы одна слабость, Латер, но причем тут обязательства? Ваш ребенок будет иметь все права перворожденного, если ты признаешь его, брак совсем не обязателен. Тессия и ее приданное очень важны для Дамана. Нам необходимо расширяться и ваш союз дает неплохую возможность получить новые земли без военной агрессии. Стилианас дал нам рабов, но почти полностью отошел Дарина.

Парень медленно поднялся, отставил бокал и, холодно взглянув на отца, процедил, сквозь стиснутые зубы:

- С твоим позволением или без, но я женюсь на Асие.

Арман отсалютовал бокалом, неожиданно отступая.

- Женись, Латер, я вовсе не против. Только одна просьба: пусть все пройдет без огласки.

Ламис было позволено присутствовать на торжестве, но Арман допустил это, казалось, только для того, чтобы напомнить ей все те обидные слова, что она позволила сказать о собственном сыне в пылу ссоры с ним.

- Милая, ты была не права, обвиняя нашего сына в немыслимых преступлениях против твоей воспитанницы и столь не лестно, сравнивая его со мной. Он женился на этом рыжем отвратительном создание и оказался не таким эгоистичным мерзавцем, каким был я при встрече с тобой на балу дебютанток.

Латер и Асия сияли, ослепляя гостей лучами своей любви, и словно не замечали натянутости в отношениях между приглашенными на торжество. Хотя гостей, на самом деле, было немного: Его Величество император Джан Дарина и несколько близких друзей жениха еще с военной школы. Ламис, впервые попавшей в общество после представления к императорскому двору, было неуютно под косыми пронизывающими взглядами императора. Арман не счел необходимым представлять ее кому бы то ни было из прочих гостей, пренебрежительно, оставив сидеть одну в кресле весь вечер.

Молодые отбыли в свадебное путешествие на побережье Дарина, в Темный замок, тем же вечером, любезно подаренный им дядей жениха и все гости отправились проводить их до городского порта. Ламис то же покинула кресло, желая попрощаться с сыном и Асией, но Арман предусмотрительно придержал ее, произнеся, так чтобы никто не слышал:

- На этом развлечения закончились, дорогая, больше я не позволю тебе видеться с маленькой бродяжкой: теперь Асия

принадлежит Латеру.

Ламис почувствовала, как прогнулась кровать и подтянула шелковую простынь выше, пытаясь изобразить глубокий сон. Арман негромко рассмеялся над ее неумелым притворством и, нежно притянув за плечи ближе к себе, прижался теплыми губами к тонкой шее, обдавая запахом дорогого вина и сигар.

- Ты когда - нибудь устанешь изображать холодную суку, милая?

Арман замолчал, ожидая ответа и, не дождавшись, тихо сказал:

- Ламис, ты никогда не задумывалась над тем, чтобы перестать холить и лелеять прошлые обиды и попытаться жить дальше, не обдавая меня презрительным взглядом? Наш сын вырос и только что отбыл в свадебное путешествие. Расслабься, забудь о том, что было между нами, попробуй простить и позволь получить себе удовольствие оттого, что принадлежишь мне.

Ламис, не сдержавшись, фыркнула и, Арман тут же придвинулся еще ближе, вжимаясь в хрупкое тело, нежно поводя губами по золотым волосам.

- И опять это оскорбительное пренебрежение к моему несомненному очарованию, а ведь я - красив, Ламис, и богат, и знатен, и многие женщины находят меня обворожительным, но вот мать моего единственного сына не хочет видеть во мне никого, кроме жестокого насильника. Да если бы я только знал, к чему приведет моя несдержанность в тот вечер, вообще бы к тебе не подошел, сбежал из дворца, поспешно уехал за границу, раздал все состояние сиротам и нищим, остриг волосы, отказался от трона в твою пользу. Ну, зачем ты так с нами, милая?

Арман рассеяно гладил ее сведенные напряжением плечи, перебирал пальцами длинные пряди.

- Ты только взгляни на нас со стороны: мы же идеальная пара при условии твоей полной амнезии. Я же люблю тебя.

- Спасибо, не нужно такой любви.

Ламис завозилась, пытаясь высвободиться из его объятий, но мужчина лишь крепче сжал руки.

- Ну, конечно, куда мне с моими низменными инстинктами пытаться добиться твоей взаимности. Я попросту недостоин, обладать этой невинной чистотой.

Арман доверительно наклонился к девушке и еле слышно произнес:

- Ты знаешь, как досадно осознавать, что ты - принц крови, наследник империи Дарина не пришелся ко двору нищей девочки с Вэлльских болот? Ты понимаешь, как меня злит твое

пренебрежение к тому, что я тебе великодушно даровал и, что ты, глупышка, не можешь оценить своим ограниченным провинциальным умом? Ты думаешь в любви самое главное эта твоя пресловутая верность и преданное заглядывание в глаза друг другу?

Его губы презрительно изогнулись.

- Самое главное в любви, это то, что я, эгоистичное животное, раз за разом возвращаюсь к тебе. Но все мои попытки изменить отношения между нами натыкаются на возведенную тобою стену. Не жизнь, а одна сплошная мелодрама, где тебе отведена роль покорной жертвы, а мне - злого дракона, насилующего белокурую деву.

- Стены выстроил ты, Арман, и нет нужды затевать эту игру в фальшивую откровенность.

Ламис отбросила его руки и приподнялась, кутаясь в простыню. Ее всегда умиляла способность Армана толковать произошедшее с несомненной выгодой для себя.

- По одному твоему желанию, я оказалась рабыней. И я, в самом деле, была невинной девочкой, но ты исправил это с просто выдающимся энтузиазмом. Почему после для тебя стало таким важным мое отношение к физической стороне любви? Ты насиловал меня неделями, не спрашивая моего согласия, не интересуясь моими чувствами. Ты дрессировал меня, принуждая запоминать и повторять все те непотребства, что Твое Очаровательное Высочество желало проделывать со мной в постели. Тебя интересовали исключительно собственные ощущения, тебе же так понравилось насиловать девственницу. Это было новым для тебя. Только мне это не понравилось. Меня мутило от твоих прикосновений, от страха перед наказанием, оттого, что я не могла сопротивляться, потому что ты бил, постоянно бил и пихал в меня свой член. Я ненавидела тебя тогда и ненавижу сейчас. И я не холодная сука, я - обычная женщина, просто ты - исключительная мразь, уверенная в собственной неотразимости. И после стольких лет, прожитых рядом с тобой, запертой в твоих апартаментах, без права на собственное мнение, чувства и желания, я жалею только об одном. Мне очень жаль, что тогда на побережье, я не опустила камень поувесистей на твою голову.

- Ты не первая и не последняя женщина, прошедшая через изнасилование, но только ты так непреклонно продолжаешь цепляться за плохие воспоминания и обвинять в случившемся меня.

Арман подвинулся на кровати, подкладывая подушку под голову и насмешливо наблюдая за покрасневшей от злости

Ламис.

- Только мне повезло быть изнасилованной прекрасным принцем.

- Да, Ламис, другим так не повезло. Их насиловали восставшие рабы, выстраиваясь в очередь, и сменяя друг друга, или солдаты победившей армии, или насильники с темных улиц. От меня, по - крайней мере, приятно пахнет, и я оставил тебя только себе.

- Я должна быть тебе благодарна?

- Одного спасибо было бы более чем достаточно, милая. Ты живешь во дворце, одеваешься в дорогой шелк и бархат, на твое самое дешевое кольцо можно купить десяток рабов, но ты упорно продолжаешь цепляться за то, что я - монстр.

- Я не считаю, что мне повезло оказаться в твоей постели и, что я не желаю привыкать к существованию по твоим правилам в золотой клетке. Я хочу быть с близкими мне людьми, но именно это ты мне никогда не позволишь. Ты отнял у меня сына, потом лишил Асии, ничего не меняется: мне неизменно остаешься только ты.

- Почему ты не думаешь о том, что я не смог получить от тебя, Ламис? Оставим в покое мою неверность и твое нежелание отвечать на мои ласки.

- Ты забрал у меня все...

- Я хотел детей, милая, наших с тобою детей. День, когда мне сказали, что ты ждешь Латера мое самое счастливое воспоминание. Но счастье, смешивалось с ужасом, вы вполне могли не выжить, я бы потерял вас обоих. Я просил у тебя прощения, стоял на коленях перед твоей постелью и целовал, постоянно целовал твои руки, касался твоего живота, пытаясь передать свою нежность нашему сыну. Я хотел, жаждал твоего прощения, но ты продолжала смотреть на меня своими пустыми глазами и вздрагивала, вздрагивала от любого моего прикосновения. Ожидание появления Латера... я думал, надеялся, что это сблизит нас с тобой, но ты оставалась верна самой себе и смотрела на меня как на какое - то дикое животное, способное на любую подлость. Потом у нас появился сын, и я снова сделал шаг к примирению и твоему прощению, но ты даже не заметила этого. Ты посчитала, что просто стала для меня не притягательной и даже попыталась перебраться в детскую. Я пытался вызвать твою ревность, но видел только облегчение на твоем лице: ты была искренне рада тому, что я не прикасаюсь к тебе. Я хотел детей, надеялся на то, что мы сможем стать близки, когда нас свяжут друг с другом дети. Но все врачи, раз за разом говорили одно и то же: ты погибнешь и, у тебя нет даже малейшего шанса. Я принял

это, я хотел детей только от тебя, но для тебя это никогда не станет чем - то большим, чем мой пустой каприз. Ты привыкла меня ненавидеть жить с этой столь долго лелеемой тобою ненавистью, не думая о том, что я могу отомстить, Ламис. Отомстить тебе за твою холодность, за твое пренебрежение мною, за то, что ты отказалась любить нашего сына, когда поняла, что он моя совершенная копия.

- Я люблю его, Арман, здесь ты не прав, но...

- Тебе неприятно от того, что он вырос таким же ублюдком, как и его папенька?

Ламис опустила голову, избегая пронизывающего взгляда заледеневших глаз Армана и тут же коротко вскрикнула, почувствовав властный захват его руки.

- Я люблю тебя, - он яростно выдохнул ей эти слова в лицо. - Но я устал ничего не получать взамен от тебя, милая.

8

Латер с молодой женой возвратился из путешествия и сразу поселился в городском доме. Неделю они наслаждались обществом друг друга, но дела требовали присутствия Латера рядом с отцом. Арман перебросил сыну следующую бумагу для ознакомления и когда тот в очередной раз не обратил на нее внимания и дал ей мягко спланировать на пол, наконец, наигранно вяло поинтересовался:

- Тебя так выматывает семейная жизнь или ты завел связь на стороне?

Латер утомленно провел рукой по лицу и слабо улыбнулся отцу, пытаясь за улыбкой скрыть беспокойство.

- Ни то и не другое, для усталости и измен еще слишком рано. Я счастлив, просто Асия после путешествия не хорошо себя чувствует. Доктор говорит, что ничего особенного, обычное недомогание, небольшое переутомление после дороги, рекомендовал ей больше сна и отдыха. Я переволновался за нее, Асия же смеется, говорит, что я напрасно беспокоюсь за нее.

- Ожидание в подобном положение всегда волнительно.

Мужчина, снисходительно ухмыляясь, посмотрел на сына. Арман учел просчеты императора, не оставив ни малейшего шанса юной Асие и, если доктора не ошиблись в расчетах, его сын освободиться от связи с беспризорной девчонкой через пару дней.

Латер осторожно отвел упавшую прядь со лба девушки дрожащими пальцами. Ночью он проснулся от странного чувства непонятного дискомфорта, приподнялся, зажигая свечу и обмер, в страхе глядя на огромное пятно крови, медленно расползавшееся по постели. Асия горячечно металась, что - то, едва слышно шепча пересохшими губами. Он закричал, голос сорвался, потом все вокруг заметалось. Появились слуги, послали за доктором, весь дом бестолково суетился и он стоял на коленях возле кровати, в отчаяние, сжимая тонкую руку с едва прощупываемым пульсом, глядя на бледное лицо с посиневшими губами. Приторно - сладкий запах крови, и волны липкого ужаса наполняли комнату. И, кажется, были слезы, он плакал, беспомощно всхлипывал, подобно маленькому ребенку, не обращая внимания на окружавших его людей. Латер боялся, боялся ее потерять, целовал холодеющие пальцы, бессмысленно шепча слова любви. Она была для него всем, он так сильно любил ее, она была ему необходима. Одна мысль о том, что он сможет ее потерять, приводила его в исступление. Прибыл доктор, долго осматривал девушку, так и не пришедшую в себя, долго, путано

что - то пытался объяснить Латеру, потом попросил послать слуг за своим учителем. Еще один осмотр, тревожный шепот, свет дрожащих свечей, и этот приторно - сладкий запах крови... Асия уже не металась, лежала неподвижно, словно вытянувшись и тяжело, прерывисто дыша. Латер видел панику в глазах доктора, видел трясущиеся пальцы, напрасно пытавшиеся нащупать ускользающий пульс на тонкой запрокинутой шее и, понимал, что остается наедине со своей утратой.

Последующие события растворялись в тумане. Он много пил, желая заглушить боль потери, запирался в комнате и напивался до тех пор, пока не засыпал, сжимая стакан рукой. Приезжал отец, молча смотрел на пьяного сына и уезжал, давая время смириться, принять осознание потери, успокоиться. Но Латер не желал принимать и смиряться с утратой Асии, и продолжал пить, забываясь тяжелым хмельным сном.

Однажды Арман положил руки на поникшие плечи сына, чуть сжал, заставляя Латера оторваться от отупевшего созерцания портрета Асии.

- Перестань, она бы не одобрила это. Ты напиваешься с самого утра, валяешься под ее портретом, спишь, потом опять напиваешься. Неужели ты думаешь, что она любила тебя такого: опустившегося, жалкого, ни на что не пригодного?

Через полгода Латер Калин заключил союз с принцессой Тессией, и Дамана получила столь желанные земли, не прибегая к военной кампании по захвату приграничный земель.

Арман налил себе вина и, отсалютовав своему отражению в зеркале бокалом, залпом выпил, отмечая очередную победу в полном одиночестве. Дамана расширила границы, а после кончины короля, отца принцессы, оставалось лишь припугнуть возможных наследников и прибрать все королевство к своим рукам. Двадцать лет назад он прибыл сюда, думая лишь о том, чтобы обеспечить Ламис и ребенку возможность считаться свободными, равными ему по положению. Он сделал все возможное, чтобы Латер стал его законным наследником и только после всего этого, отослав мальчика в Дарина, под защиту императора, принялся за выполнение основного, тщательно продуманного, плана. Наследный принц Дарина был вынужден отказаться от трона и власти империи, но ничто и никто не мог ему помешать отстроить свою собственную империю при военной поддержке отца и сводного брата. Через год главнокомандующий Калин стал единовластным главой государства Дамана, сместив правительство и поставив на ключевые посты близких друзей. За образец управления он взял империю отца: несколько удачных

военных компаний, сотни тысяч пленных и в Дамана появилась бесплатная рабочая сила: рабы. Он основательно перестроил дворец бывшего короля, приблизив ее по размерам к императорскому дворцу Сталлоры, возвел загородную резиденцию на манер даринской архитектуры с обширной парковой зоной и стражей у ворот. И именно сюда, а не за высокие стены реконструированного дворца, перевез Ламис, желая подарить ей иллюзию свободы. Десять лет спокойной семейной жизни с единственной любимой женщиной, засыпать рядом с ней, просыпаться, он был счастлив, а она… она следила за словами и манерами, так тщательно избегая вызвать его малейшее неудовольствие, что порою зубы скрипели от проступавшего на ее губах сахара. Арман знал, что она беспокоиться за приблудную голодранку, боится, что он вышвырнет ее на улицу, но у него были свои планы на девочку, едва только он понял, что та значит для Ламис.

Несколько раз в год он отправлялся в Дарина, и каждый раз Ламис с надеждой заглядывала в его глаза, надеясь услышать приглашение сопровождать его в поездке. Она хотела увидеть сына, и он расчетливо мстил, неизменно отказывая, ничего не обещая, но мягко, давая ей надежду.

Латер вырос именно таким, каким он и желал его видеть: достойный сын наследного принца и внук императора Дарина. Жесткий, целеустремленный, способный править твердой рукой, не поддаваясь на сантименты. В семнадцать Арман позволил сыну увидеть мать не только на портрете, и был вполне удовлетворен недоумением читавшемся во взгляде сына, не понимавшего мать. Они стали чужими друг другу, Арман почувствовал удовлетворение: первая часть его мести Ламис за неизменную холодность и нежелание принять осуществилась, оставалась вторая, и он не сомневался, что Латер с нею блестяще справиться. Он оплачивал обучение Асии вовсе не для того, чтобы та имела возможность заработать себе на хлеб. Нет, девочка должна быть достаточно умной, чтобы его сын сразу же не потерял интерес к еще одной смазливой мордашке. Хотя, он немного умалял ее достоинства: Асия выросла редкой красавицей. Но полной неожиданностью для Армана стало непоколебимое желание узаконить то, что должно было стать для сына обычным загородным развлечением. Он метался по кабинету, круша мебель, давая выход необузданной ярости. Он столько сделал для того, чтобы его сын и наследник получил хотя бы часть того, что потерял, когда Арман отказался от трона империи Дарина. Арман захватил власть, предав доверие старинного приятеля отца, принявшего его в своей стране и позволившего занять тот пост в

правительстве, какой он счел достойным себя и своего утраченного положения. Провел успешные военные компании по расширению границ крошечного Дамана, и не без помощи политики Дарина, оказавшей давление на заупрямившегося отца принцессы, заключил помолвку с Тессией и все напрасно. Латер потерял голову от любви, Арман видел в его глазах отражение себя, много лет назад, влюбленного, готового отказаться от семьи и от власти, ради обычной, не заметной девушки. И он уступил, вспоминая грубое давление императора и себя, уже продумывая то, как можно изменить ситуацию в свою пользу, не потеряв при этом сына. Латер молод и доверчив, он еще не стал тем, кем станет через много лет, тем, кем являлся его отец. Ламис могла сколько угодно находить его мерзавцем и подонком, Арман же считал себя умным и дальновидным человеком, оберегающим близких ему людей.

И вот заключение союза состоялось, он одержал победу. Латер отбыл в свадебное путешествие: отстраненный, замкнутый, с пустым потерянным взглядом. Арман за него не переживал, придет время успокоиться, забудет и сделает выводы из преподанного ему урока. Наполнил бокал, снова выпил, вспомнил Ламис и отправился в гостевое крыло, где поселил очередную любовницу. После замораживающего безразличия Ламис было очень неплохо очутиться в обществе жаждавшей его женщины, способной на неподдельную страсть. Любовницы менялись часто, брюнетки сменяли блондинок, имена забывались, лица стирались, он щедро платил за то, что не в силах был получить от Ламис. Иногда он срывался и заставлял ее принимать зелье, но потом злился и вымещал на ней всю накопившуюся ярость, опускаясь до банального рукоприкладства. И каждый раз, обещая себе, что это происходит в последний раз.

Арман остановился посреди коридора и усмехнулся неожиданно пришедшей ему гениальной идее. Если его милая Ламис так любит брошенных детей, так почему бы ему, не дать ей возможность завести себе еще одну приблудную тварь? Он много лет надеялся на то, что однажды она будет снова беременной от него, он хотел, чтобы Ламис родила ему еще одного ребенка. Он даже был готов оставить этого ребенка ей, надеясь на благодарность, но гарантии давать никто из приглашенных докторов не желал и Арман, боясь потерять любимую, смирился с тем, что Латер останется их единственным сыном.

Он позволит ей взять опекунство над приютом, пусть поездит, развлечется и присмотрит себе очередную сиротку. Губы исказила циничная усмешка: возможно, воспитает еще одну любовницу для собственного сына.

Арман молча наблюдал за Ламис, бездумно гонявшей по тарелке ножом и вилкой истерзанный кусочек омлета.

- Можно привыкнуть ко всему, милая, но не к твоему недовольному виду за завтраком, обедом и ужином, день и ночь, год за годом, одна и та же измученная гримаска недовольства, - не сдержался он, делая глоток вина из бокала. - Ты сама не устала изображать из себя несчастную жертву низменной похоти подлого мерзавца?

Ламис скупо, едва заметно, улыбнулась.

- Ну, тебе же не приелась за все эти годы представлять окружающим роль идеального принца с безукоризненной внешностью и безупречными манерами. Одна сплошная мечта для жаждущих тебя леди, хотя о чем это я? Какие могут быть леди в твоем окружении? Жадные, расчетливые и циничные стервы - аристократки, получающие несомненную выгоду от положения твоей любовницы.

- Мне нравятся стервы, милая. - Арман сардонически выгнул смоляную бровь, не отводя изучающего взгляда от Ламис. - Ведь дома меня ждет безропотное, запуганное, но от этого не менее прекрасное создание, полностью подчинившееся моей власти.

- Это ты про ту жгучую брюнетку, развлекающую тебя в южном крыле? Вот уж не соглашусь. Ее разъяренный визг и отборная ругань были слышны мне даже в саду, когда одна из горничных сожгла ее новое платье. То ли ты становишься излишне скупым, Арман, то ли твоя пассия настолько жадна, что готова убить человека из-за обычного куска ткани. Так грустно, что дела в Дамана пошатнулись и тебе приходится экономить на капризах твоих многочисленных пассий.

- Твои тревоги напрасны, Дамана процветает, я весьма и весьма неплохой правитель.

Ламис презрительно скривила губы.

- Так приятно осознавать, что сломанные судьбы нескольких тысяч человек, ставших рабами обеспечили благополучие мерзавцам вроде тебя и твоего отца.

- Ты тоже не плохо обеспечена, благодаря мне и моему великодушию.

- О, твое благородство для меня несомненный и неиссякаемый источник радости и счастья. Каждый раз, когда я смотрю на свои руки, то вспоминаю, как сильно мне повезло стать объектом выражения твоего несравненного благородства и любви. Думаю, тот камень на побережье или утренний кофе с ядом ни за что не смогут отобразить всю меру моей

благодарности за то, что ты для меня сделал.

- Ламис, я вполне могу разозлиться...

Ламис насмешливо заметила, дерзко, глядя в стывшие льдом серые глаза.

- Мне уже давно все равно, злишься ты на меня или нет, Арман. Одна из твоих любовниц оставила светский журнал на скамейке в беседке несколько недель назад, а твои преданные слуги недоглядели за мной. Там было написано, что Латер объявил о помолвке с хастонской принцессой. Асии больше нет. Я понимаю: для нее это лучше, чем пара отметин и сомнительное удовольствие быть собственностью мужчины, считающего тебя чем - то средним между персональной шлюхой и девочкой для постоянных избиений.

- Латер ее действительно любил.

- И это принесло ей так много счастливых мгновений.

- Ты не справедлива к собственному сыну.

- Это уже давно не мой сын. - Ламис рассеяно улыбнулась, не отводя зачарованного взгляда от истерзанного куска омлета на тарелке из тончайшего фарфора. - Ты сделал все, чтобы превратить моего милого мальчика в точное подобие себя, любимого и неповторимого.

- Милые мальчики не правят империями, Ламис.

- Да, я и забыла, насколько счастливым сделала тебя власть. Но ты можешь принудить меня быть с тобой, но никогда не вынудишь согласиться быть с тобой по собственной воле. Если у меня будет выбор то, я покину тебя, не раздумывая. Я понимаю, что слаба для того, чтобы сражаться с тобой на равных, но если бы я переступила через себя тогда, когда травила тебя и увеличила дозу яда хотя бы на немного, то стала бы такой же, как ты. Беспринципной и безжалостной дрянью, сметающей все на своем пути ради достижения собственной цели.

- Дорогая, - Арман хищно ощерился, поигрывая ножкой бокала и не отрывая напряженного злого взгляда от Ламис. - Для меня никогда не представляла особого интереса твоя воля, твои желания или же твои высокие стремления к воздушным идеалам. Меня вполне удовлетворяет то, что ты просто находишься рядом и делаешь то, что я тебе приказываю. По глупости я пытался что - то изменить между нами, построить наши отношения несколько иначе принципа хозяин - раб, но это была пустая затея. Ты, милая, пригодна только для того, чтобы быть зависимой и подчиняться мне.

Ламис видела, что Арман уже достаточно зол, чтобы в любой момент сорваться и наброситься на нее, выплескивая ослепляющую его ярость. Только она устала бояться, ко всему

можно привыкнуть, и к страху оказывается тоже. Та статья в обычном светском журнале стала последней гранью, после нее начиналась оглушающая пустота беспросветного одиночества. Асия была для нее ребенком, единственным и любимым. Она дарила ей всю свою любовь и теплоту, что не могла передать Латеру. Подругой, готовой разговаривать обо всем на свете. Близким человеком, родственником, всем... Она была для нее всем. И это больше не была ненависть к Арману, это было нестерпимое желание вырваться из клетки, уйти, чтобы не опуститься и окончательно не сломаться, потерять себя, подчинившись его железной воле.

- Я хочу свободы.

- Да, пожалуйста, - Арман издевательски хохотнул, указав рукой в сторону распахнутого в сад окна. - Ты вполне свободна, милая, до забора и вдоль него.

- Ты не понял меня, милый, - лицо Ламис на мгновение исказила гримаса жгучей ненависти. - Я хочу иметь возможность уехать далеко и никогда больше тебя не видеть, и я сделаю это, с твоего согласия или нет. Ты перестарался, пытаясь отомстить мне за несуществующие злодеяния, я больше не буду покорной рабыней. Ты отобрал у меня свободу, и я смирилась, ты забрал у меня сына, и я снова склонила голову, признавая твою силу и власть, столько лет, наполненных неизбывной тоски и тьмой глухого отчаяния, но больше я просто не выдержу. Я хочу уйти от тебя, немедленно, и никогда больше не видеть тебя, не слышать твоего имени. Ты мне отвратителен.

Ламис тяжело прерывисто дышала, будто долго бежала, спасаясь от преследования. Уголки плотно сжатых губ Армана невольно дернулись вниз: единственное, на что хватало силы воли его женщины так это на многолетние упорное противостояние его власти. Другая бы давно смирилась и принялась получать удовольствие от изобилия драгоценностей и нарядов, но это жалкое дрожащие создание, раз за разом поднимало свое знамя на борьбу с тем, кого считала своим завоевателем. Терпела поражение за поражением, смирялась, но это смирение длилось так недолго, и было больше похоже на некое затишье перед очередным выступлением за желанную независимость. Он не хотел ее ломать, окончательно и бесповоротно, но именно к этому вынуждали его обстоятельства.

- Я вовсе не то бездушное чудовище, каким ты рисуешь меня в своем богатом воображение, Ламис. Я скрывал от тебя правду, только потому, что знал каким ударом, будет для тебя известие о том, что Асии больше нет. Они, Латер и Асия ожидали ребенка, но все пошло не совсем так, как предполагалось. И мне

жаль слышать от тебя несостоятельные обвинения по поводу нашего сына и его поведения. Мы всего лишь пытались защитить тебя, но ты, как обычно, все решила за нас.

Арман прикрыл глаза, пытаясь скрыть насмешливый блеск цинизма.

- Если хочешь свободы и я настолько отвратителен твоей утонченной природе то, пожалуйста, ты больше не пленница в этом доме. Я даже оплачу твое путешествие, куда бы ты ни пожелала, милая. Я тоже, как это не странно, устал от нашего постоянного противостояния. Твое место в моей постели пустовать не будет, да и не настолько ты хороша в качестве любовницы, чтобы пытаться сохранить наши отношения.

Ламис печально усмехнулась, отводя глаза в сторону, не решаясь взглянуть на Армана.

- Жаль, что ты это понял только сейчас, а не тогда, когда увозил меня из Зи - Хана. Я была там счастлива.

- Ты можешь вернуться туда снова. Я больше не держу тебя, если хочешь, можешь покинуть меня хоть сейчас.

Ламис отложила салфетку и медленно встала, словно ожидая, что в любой момент Арман вскочит на ноги и набросится на нее, жестоко насмехаясь над тем, что она так легко поверила его лживым словам. Сделала шаг, другой, но мужчина все так же продолжал сидеть за столом, глядя на нее из полуопущенных ресниц. Она прошла совсем рядом с его стулом, еще шаг, но тут его рука резко взметнулась, сжимая в стальных тисках ее руку. Глухо, не поворачивая головы, он хрипло спросил:

- Неужели я не заслужил прощального поцелуя после стольких лет, Ламис?

- Отпусти.

Ламис напряглась в ожидание неминуемого всплеска злобы, но его пальцы послушно разжались, отпуская ее навсегда от себя. Дверь в столовую плавно закрылась и, Арман прошипел, запуская бокалом в стену:

- Наслаждайся свободой, пока можешь, сука.

Арман отворил дверь в спальню, обвел удовлетворенным взглядом царящий здесь беспорядок и, неспешно, направился к распахнутым дверям в гардеробную. Судя по тому, что почти все вещи по-прежнему занимали свои места, Ламис собиралась покинуть его надменной и неподкупной нищенкой. Ламис уложила в саквояж два самых скромных из своих платьев, белье и как раз направилась за сменной парой туфель, когда заметила, стоящего в дверях мужчину. Она не хотела больше с ним встречаться, не хотела выяснять отношения или спорить, она

просто хотела незаметно исчезнуть из его жизни.

-Ты можешь сказать мне, куда именно отправляешься?

- Мне все равно куда отправляться, я только хочу немедленно покинуть Дамана.

- Ты не возьмешь свои драгоценности?

Арман оттолкнулся плечом от косяка и подошел ближе, мимолетно заглянув в саквояж, и переводя пристальный взгляд на Ламис.

- Я никогда не испытывала к ним склонности. Это было только твоим желанием - дарить мне нечто подобное.

- Ну, конечно же, моя любовь, - Арман небрежно сунул руки в карманы брюк и теперь стоял, слегка раскачиваясь, и не сводя с Ламис напряженного взгляда. - Когда это я мог угодить тебе своими ничтожными подарками или ничего не стоящим вниманием наследного принца империи? Я - полное ничтожество, не достойное обладания столь чистым и невинным цветком, подобным тебе, дорогая. Я недостоин, касаться пыли под твоими ногами. Я - мерзавец, подлец и циничный поддонок, но...

Арман внезапно шагнул к Ламис, вынуждая ее отпрянуть в сторону и испуганно вжаться в стену.

- Меня устраивает это. Ты знаешь, любовь моя, все эти эпитеты, коими ты так щедро награждала меня все эти годы, были вполне оправданы и справедливы в отношении того, что я делал с тобой или любимыми тобою людьми. Мне никого из них не было жаль, Ламис.

Мужчина бесцветно улыбнулся одними губами, глаза же, казалось, совсем заиндевели, покрываясь кристаллами серого льда.

- Я никогда не был, тобою любим, Ламис, но я так желал этого. Иногда это причиняло настоящую боль, особенно, когда я понял, что получаю удовольствие от твоего страха и боли. Ты привила мне наклонности садиста и, у меня был только один способ отплатить тебе за пренебрежение: я мстил тебе. Твои родители не в счет, просто парочка спившихся ублюдков, продавших собственную дочь наследному принцу империи Дарина за состояние средней руки. Но они стали болтать, набрались дешевого вина в первом попавшемся трактире и выложили собутыльникам все нюансы столь щекотливой сделки, состоявшейся между нами. Я приказал их казнить, барона и баронессу Эстенбук, твоих отца и мать. И твой дражайший учитель и мой горячо любимый родственник Вистериус, я ему многое прощал, но когда он в очередной раз попробовал подкупить моих людей с целью избавить тебя от позорного положения любимой игрушки, мне пришлось принять

соответствующие меры. Я был просто вынужден отправить на встречу с палачом и его тоже.

Ламис ошеломленно смотрела на него огромными, расширившимися от ужаса глазами полными слез, не в силах полностью осознать всю чудовищность его неожиданного признания.

- Ну, же, не молчи, милая, скажи мне снова, что ненавидишь и презираешь меня, такого слабого и никчемного в безрассудной любви к тебе. - Арман протянул руку, нежно касаясь ладонью ее лица. - Это ведь я приказал убить Асию, эта глупая девчонка мешала моим планам по укреплению политических и территориальных претензий Дамана. Когда - то мой отец задумал нечто подобное совершить с тобой, но тебе повезло и, ты не только подарила мне сына, но и смогла выжить после всего произошедшего. Твоей приблудной твари я такого шанса не оставил.

Жгучие слезы плескались в зеленых глазах, Ламис судорожно всхлипнула, не в силах принять то о чем говорил Арман, отказываясь поверить в расчетливый цинизм его поступков.

- Ты не мог, ты просто не мог так поступить со всеми ними, - тонкий голос сорвался, Ламис закашлялась и прошептала.- Этого просто не может быть.

- Я сделал все это, милая, и ты даже не представляешь, на что именно оказывается способен отвергнутый мужчина, каким изобретательным он становиться в выборе мести для своей маленькой и невинной девочки.

- Я убью тебя...

Арман непринужденно рассмеялся над жалкой угрозой плачущей перед ним женщины.

- Вот это точно нет, Ламис.

Он шагнул ближе, нависая над ней, едва притрагиваясь кончиками пальцев к ее плечам, скользя выше, зарываясь в золотистые пряди волос, глубже, сильнее, причиняя намеренную боль, запрокидывая ее лицо, заставляя не отводить от него затуманенного слезами взгляда.

- Моя основная ошибка была в том, что я позволил своей игрушке почувствовать себя человеком, но впредь я этого не допущу. Ты сдохнешь моей шлюхой, бесправной куклой со стеклянными глазами и пустым взглядом. И ты знаешь, почему я говорю тебе все это сейчас, моя прелестная храбрая девочка?

Голос Армана неожиданно дрогнул, сорвавшись на протяжное шипение.

- Я тебя сломаю, Ламис, и больше чинить не буду, но мне

искренне жаль... что я не сделал с тобой этого раньше.

Эпилог

Латер стоял на террасе, лениво наслаждаясь теплым летним вечером и прекрасным видом парка герцога Мавелло. Широкими ступенями терраса спускалась к зеленой лужайке, плавно переходя в вымощенную гладким камнем дорожку. Небольшое озеро с парой лебедей, беседка, увитая плющом и раскидистые деревья, высаженные с изящной небрежностью. Все дышало уединением и покоем, чрезвычайно уместным после вечера, проведенного в кругу семьи давнего друга. Супруга, трое шустрых детей, няни, гвалт и суматоха. Айдин Мавелло смотрелся презабавно: отец семейства с кучей обязанностей и забот. Латер вспомнил собственную жену и пренебрежительно усмехнулся: он не видел ее много лет, сослав в дальнее поместье наслаждаться свежим воздухом и обществом местных дворян.

Дверь в комнате за его спиной скрипнула и, Латер недоуменно обернулся. Час назад он недвусмысленно дал понять Айдину, что хочет побыть в уединение отведенных ему апартаментов, но кто - то все же нарушил его покой. Мужчина шагнул к дверям и застыл на пороге. Она была рыжей, огненно - рыжей, совсем тоненькой и с несомненным талантом к акробатике, ошеломленно подумал Латер, глядя на девушку, ловко балансировавшую на приставной лестнице с кучей книг в руках. Стеллажи упирались под самый потолок, но девушка смело поднималась вверх, попутно расставляя увесистые тома по местам. Легко оттолкнулась от полки и, ухватившись за соседнюю стойку, притормозила, ловко останавливая движение лестницы. Пробежалась пальчиками по корешкам книг, выудила парочку и, зажав их подмышкой, легко спрыгнула на пол. Повернулась в сторону окна, к Латеру, не замечая его, улыбнулась, и мужчина прерывисто выдохнул. Он думал, что все давно забыл и ничто не заставит его вспомнить отчаяние потери, предательскую слабость, уныние тоски. Но вся оборона пала от мимолетной улыбки незнакомой рыжеволосой девушки, даже не подозревающей о его существование. В груди заныло, выворачивая, заставляя снова чувствовать изматывающую боль потери, терзавшую его на протяжении долгих лет. Он не любил вспоминать и тем более сожалеть: все давно ушло и забыто. И ее улыбка, нет, она вовсе не была похожа на улыбку Асии. Латер недовольно передернул плечами, отгоняя разрушительные ужасы прошлого. Он был слишком молод и самонадеян, его первый брак продлился жалких три месяца, оставив после себя лишь туманный шлейф из воспоминаний, вызывающих необъяснимую злость и досаду. Они

хотели только любви, и ничего не получили, потом он остался один, преданный, оставленный расплачиваться за счастливую встречу с ней. И вот опять, маленькая, худенькая рыжеволосая девочка чем - то неуловимо напомнившая на мгновение его первую любовь. Она не была красива. Латер видел россыпь веснушек на ее чуть вздернутом носике, не в меру большой рот для такого узкого личика, девушка подняла глаза и, мужчина холодно усмехнулся: слишком зеленые, слишком огромные и ... испуганные.

- Ой, извините, я не знала, что здесь кто - то остановился.

Латер шагнул в комнату, пристально следя за перепуганной девицей. Совсем не похожа на Асию, может быть цвет волос, что - то проскользнуло в движение или это был просто момент, заставивший его вспомнить.

- Прошу прощения, я вернулась этим вечером и, мне не успели сказать, что эти комнаты заняты, - девушка смущенно попятилась к дверям, прижимая к себе книги. - Я иногда пользуюсь этой библиотекой, с разрешения герцога Мавелло, разумеется. Прошу еще раз меня простить за то, что без спросу вошла к вам.

- Я не в обиде.

Голос низкий, с хриплой ноткой неожиданного желания. Латер прокашлялся и постарался изобразить на лице приветливую улыбку.

- Неудачно все получилось, - девушка также неуверенно улыбнулась ему. - В следующий раз буду обязательно стучать, эээ...

- Латер Калин...

Мужчина вопросительно посмотрел на нее, выгнув смоляную бровь, и девушка, поспешно сделав книксен, учтиво представилась:

- Асами Наджат, господин Калин.

Латер довольно усмехнулся: она не знала кто он, и ему это неожиданно пришлось по нраву, только все это ненадолго. Когда ей откроют глаза на то, кем он является, забавная непосредственность общения сменится церемонным поклонением и почтительным трепетом перед его титулом и властью.

- До встречи, Асами Наджат.

- До свидания, господин Калин.

Двери с легким стуком закрылись за девушкой, но Латер все стоял и смотрел, словно не в силах отвести зачарованного взгляда от того места, где она только что стояла. Вынужденное путешествие в Дарина, заполненное печалью и пустотой, возможно, подарило ему судьбоносную встречу с юношеской

грезой. Но все это было так не вовремя, в его жизни давно не было места для свиданий, ухаживаний и проявления чувств, для чего - то большего, чем мимолетная связь без обязательств с очередной светской львицей. Отец всего раз поднял в разговоре с ним тему наследника. Арман Калин на миг оторвался от утреннего кофе и пытливо посмотрел на сына через стол.

- Я не давлю на тебя, но не тяни долго с этим вопросом, Латер.

И снова уперся взглядом в кружку. Его ум был ясен, но горькие складки, залегшие у рта и, в раз поседевшие волосы не делали его моложе, выдавая настоящий возраст бывшего наследного принца империи Дарина и нынешнего главнокомандующего все еще непобедимой армии Дамана.

Обычная развлекательная прогулка в ландо ранним утром: он, мать, отец и опытный грум, не сумевший удержать лошадь на узком мосту через реку, остались живы все... кроме матери. Лошадь отец пристрелил собственноручно в тот же день, кучера долго и страшно пытали, требуя выдать имена сообщников покушения. Но что он мог рассказать своему господину? Латер считал все произошедшее нелепой случайностью, но, если от пыток слуги отцу станет легче перенести боль потери любимой, кто он такой, чтобы этому мешать? Но лучше отцу не становилось, по большей части именно потому, считал Латер, что нельзя искать замену утраченному, исступленно подбирая любовниц, походивших на покинувшую его возлюбленную. Несколько лет отец мужественно пытался справиться с утратой, с головой погрузившись в насущные заботы Дамана, потом заперся в загородном имении, передав сыну бразды правления, и месяц назад официально отказался от власти в пользу своего единственного сына и наследника, приняв неожиданное решение вернуться в Дарина, и поселиться в Темном замке.

Латер проводил отца до побережья, потом посетил дядю в Сталлоре и, уже по пути в Дамана, неожиданно уступил настойчивым уговорам Мавелло, посетить его загородное поместье. И тут такая занимательная встреча. Да, Асами нельзя было назвать красавицей, слишком много вызывающих изъянов во внешности, но его неожиданно потянуло к ней. Что - то давно забытое, запретное для воспоминаний проснулось в нем при первом же взгляде на рыжеволосое чудо, затрепетало, забилось, расправляя крылья радужной мечты. И он имел на нее полное право, протянуть руку, коснуться нежной кожи лица, потеряться в удивительной зелени глаз, почувствовать себя счастливым рядом с ней. Он слишком долго существовал за стеной, запрещая себе чувствовать, теперь он хотел жить, наслаждаясь тем, в чем так

долго себе отказывал, опасаясь новой боли и утраты.

Латер приказал слуге немедленно пригласить к нему герцога, рванул верхние пуговицы рубашки и встал возле раскрытого окна, жадно вдыхая воздух полной грудью. Что ее здесь ждет, думал он, роль прислуги, немногим выше раба, но несоизмеримо ниже аристократа. Он же осыплет ее украшениями и мехами, пожалует титул и одарит лучшими землями. Только за одну возможность испытать снова то, что ему пригрезилось несколько минут назад.

Вошел Мавелло, недоуменно глядя на него и подозрительно оглядывая, отведенные почетному гостю апартаменты.

- Тебя что - то не устроило, Латер?

- Вовсе нет, Айдин. - Калин ухмыльнулся, поворачиваясь к старинному другу и, засовывая руки в карманы брюк. - Я более чем доволен, но ты сделаешь меня, несомненно, более удовлетворенным, если во всех утомительных подробностях поведаешь мне кто такая Асами Наджат.

Герцог чуть приподнял брови, выказывая удивление необычной просьбой, но все же сказал, равнодушно пожимая плечами:

- Обычная гувернантка, одна из пяти, между прочим. Преподавала в школе, получила отличные рекомендации, супруга выбрала ее из множества претенденток на место. Сейчас уехала к родственникам, на свадьбу одной из сестер. Больше ничего добавить не могу, но я могу позвать Саганет, возможно она поведает тебе больше. Я не понимаю твоего неожиданного интереса, к какой - то гувернантке, Калин. С каких это пор ты стал интересоваться маленькими невинными девственницами?

- Она вернулась из поездки к родственникам, Айдин, и пришла сюда, пользуясь твоим разрешением на посещение здешней библиотеки, - губы Латера чуть дернулись, хищно скалясь и приоткрывая идеальный ряд крепких зубов. - Я хочу эту девочку к себе в постель, немедленно.

- Но я не хочу терять хорошую гувернантку, Латер, если хочешь развлечений, то я пришлю тебе одну из своих наложниц. Она доставит тебе настоящее удовольствие, такое вытворяет, что ты будешь еще просить меня продать ее тебе.

Латер отрицательно покачал головой, отвергая любезное предложение герцога.

- Я хочу Асами.

Асами убаюкивала перебинтованную, горящую нестерпимым жаром руку. Лицо онемело от выверенных, хлестких

ударов, впрочем, как и все ее тело, сплошь покрытое кровавыми бороздами от плети милейшего гостя четы Мавелло.

Латер потянулся за бокалом, сделал глоток и, смерил насмешливым взглядом поверх бокала, сжавшуюся в углу девушку.

- Обойдемся без мелодрамы, Асами, - мужчина сделал еще один глоток вина и жестом приказал девушке подойти, но та ответила мятежным взглядом и осталась на месте. - Даже мой вздох отныне для тебя неоспоримый закон.

Девушка упрямо вжалась в стену, но глаз не опустила и вызывающе усмехнулась.

- Да плевать я хотела на все ваши законы вместе взятые, многоуважаемый господин Калин, он же главнокомандующий, он же повелитель Дамана и просто свихнувшийся на власти ублюдок.

- Почти сорок лет назад, Асами, мой отец, в то время наследный принц империи Дарина, предпринял определенные шаги, чтобы ни одна мразь не посмела назвать меня незаконнорожденным ублюдком.

- Лучше бы ваш досточтимый папенька принял определенные меры по тому, чтобы ни одна мразь вообще вас не увидела. Удавил бы, к примеру, подушечкой или утопил в инструктированной золотом ванной. В принципе я вполне могу исправить досадное упущение, господин Калин, вы только не сопротивляйтесь в следующий раз, когда я вас решу приложить серебряным канделябром.

Асами заметила, как он вздрогнул от ее дерзких слов, но не отступила. Терять ей было больше нечего: он уже избил ее, изнасиловал и выжег клеймо рабыни. Теперь он мог ее только убить, главное умело подтолкнуть его к подобному действию. Девушка тряхнула головой, пытаясь привести мысли в порядок и глухо, сквозь стиснутые зубы, застонала. Все тело, начиная с макушки и заканчивая измазанными ее же кровью пятками, нестерпимо болело. Она прекрасно помнила начало этого кошмара, то, как вошла в эти покои, недоумевая по поводу неожиданного приказа герцога, возмутительное предложение Калина, собственную несдержанность в выборе слов относительно его высказывания, первый удар, свое отчаянное сопротивление. Она очнулась от резкой, разрывающей боли, на столе, с закинутыми на его плечи ногами. Он возвышался над ней с совершенно бесстрастным лицом и ритмично раскачивался, придерживая ее бедра руками. Его движения причиняли боль, она попыталась отодвинуться, избежать проникновения, но он чуть наклонился вперед, проникая еще глубже и, надавил ребром

ладони на ее шею, перекрывая воздух. Тогда Асами впервые за все это время заплакала, уже не пытаясь сдержаться и выказывая врагу свою слабость. Потом он отошел в сторону, вытирая влажной салфеткой, кровь со своих бедер, отвернулся и она, зажав в руке тяжелый подсвечник, прыгнула на него, из последних сил стараясь непременно убить насильника. Неудачно, впрочем. Он легко и даже красиво развернулся и прямо в полете приложил ее так, что она буквально влетела в стену и тяжело сползла по ней, уже находясь где - то на краю сознания. Кто бы мог подумать, что все самое интересное только начинается... После ему принесли плеть.

- А просто убить меня нельзя?

Асами мило улыбнулась Калину, пытаясь не обращать внимания на странную неподвижность половины лица, она ее больше не чувствовала.

- Тебе лучше не улыбаться, милая, - Латер допил вино и шагнул ближе к девушке. - Выглядишь на редкость плохо, Асами.

- Я точно помню, что подкрасила блеском губы, господин Калин.

- Тебя это не спасло.

- Мне так жаль.

- И мне, Асами, мне тоже искренне жаль.

Девушка хрипло рассмеялась и тут же закашлялась, обхватывая занывшие ребра здоровой рукой.

- Хотите сказать, что у выродков, вроде вас, тоже есть совесть и они могут о чем - то сожалеть? Право, вы меня разочаровали. Хотя представляю сожаление вашего папеньки, когда он понял какое чудное чудо, досталось ему в сыновья.

- Асами, - мужчина присел на корточки рядом с ней и, брезгливо поморщившись, приподнял ее лицо, заставляя смотреть в стывшие серым льдом глаза. - Не нужно мне больше дерзить и сегодня ты должна усвоить на отлично: мне не отказывают.

- Мне все равно...

- Мне тоже, Асами, мне тоже: твоя сестра развлечет меня ничуть не хуже. Кстати, самой младшей из них, сколько?

- Ублюдок.

Короткий взмах, удар и девушка резко выдохнула, чувствуя теплую струйку крови, побежавшую по подбородку из разбитой ударом губы.

- В последний раз, милая, ты говоришь мне нечто подобное. Отныне, я - твой хозяин.

Асами затравленно втянула голову в плечи, признавая поражение.

- Да, господин.

Неделю назад, на свадьбе сестры, она и Тейсилл объявили о помолвке в присутствии родственников и множества друзей. Ее рыжие тщательно завитые локоны прикрывала кокетливая шляпка, новое платье, купленное по случаю праздника, изящно облегало фигуру, ложась кружевными волнами на шелковые туфли с атласными бантами. Он подарил ей кольцо и впервые робко, трогательно нежно, прикоснулся рукой к ее руке. Лето бушевало россыпью ярких красок, пело чарующей трелью соловья и, Асами заливисто смеялась, чувствуя себя самой счастливой невестой. Она вернулась в поместье герцога Мавелло только для того, чтобы просить об увольнение и надеялась на известную щедрость герцогини. Ее свадьба должна была быть идеальной. Девушка закрыла глаза, безропотно позволяя хозяину трогать ее тело.

Латер довольно улыбнулся покорности юной рабыни, скользнул пальцами вниз, по груди, к животу, распластывая на нем ладонь. Он хотел от нее сына.

Арман стоял в полном одиночестве на балконе Темного замка и смотрел на восходящее солнце, когда - то наследный принц Дарина, потом отрекшийся от престола Калин и теперь уже бывший главнокомандующий Дамана. Теперь его волосы стали совсем седыми и, Арман невольно поднял руку, запуская пальцы в белоснежные пряди. Ламис давно нет, но тоска не отступает, возвращаясь в каждом сне, ненужном воспоминании, звучит ее смехом, внезапно разливается зеленью глаз, раздается мягкой поступью шагов по начищенному до блеска паркету. Внезапно обернешься, но вокруг оглушающая тишина, звенит натянутой тетивой, лишая покоя, заставляя вновь и вновь осознавать свое одиночество. У сына своя жизнь, свои развлечения и вроде жалеть его не нужно, но Латер упорно шагал за ним, след в след, с упорством достойным лучшей цели, повторяя его ошибки и не желая совершать собственные. Он возненавидел Асами, едва Латер ввел ее в гостиную замка. Рыжеволосая рабыня казалась ему продолжением Асии, словно приблудная дрянь вернулась, чтобы исполнить самое заветное желание его сына. Арман прекрасно видел кровоподтеки на тонком личике, пустой взгляд и суетливые движения затравленного зверя. И неожиданно ему нестерпимо стало жаль Латера. Сын хотел возвращения мечты, не желая понимать, что в Асие был свет и сила, в этом же избитом создание не было ничего, кроме отчаянного желания выжить, даже напрочь сломавшись и полностью покорившись своему господину. Латер опустился в кресло, рабыня сжалась у его ног,

слишком привычным жестом втягивая голову в плечи, прижимая коленки к груди, обхватывая их тощими руками. Он все это уже видел, гораздо раньше и с другой девушкой, подарившей ему когда - то единственного сына. Он не был счастлив сам, он не позволил быть счастливой Ламис и теперь наблюдал за тем, как его наследник повторяет все его ошибки, принуждая оставаться с ним против воли, не считаясь ни с чьими желаниями. Потом Асами действительно подарила ему внука, маленького, черноволосого, зеленоглазого. Все были слишком заняты юным наследником Дамана, чтобы остановить тонкую фигурку, поднявшуюся с постели и шатаясь направившуюся к распахнутому настежь окну. Арман перехватил ее прощальный взгляд к детской колыбели, где Латер и прислуга склонились над ее сыном, испуганный взгляд на него, но он не собирался останавливать ее, ведь Асами делала именно то, на что он и рассчитывал. И она послушно шагнула вниз, прямо навстречу прибрежным скалам. Единственный сын отрекшегося от престола наследного принца Дарина был достоин лучшей участи, чем день за днем видеть угасающие глаза любимой женщины.

Арман прикрыл глаза, приподнимая лицо навстречу легкому бризу, кривя губы в наполненной неизбывной тоской усмешке. Возможно ли, что слова его матери наложили некую печать на весь их род? Неужели, она, совсем юная и наивная, что - то увидела в них такое, что заставило ее отказаться и от властного любовника, и от маленького сына? У Дарина слишком много власти, чтобы кто - то из них стал счастливым. Но он отрекся от трона, сменил имя, но так и не увидел нежного света любви в глазах своей женщины. Одиночество бывает разным, но становится поистине чудовищным, когда тебя отталкивает любимый человек. Тебе не оставляют ничего, кроме горечи воспоминаний и, возможно, слабого сожаления от принятых когда - то решений. Давно отец сказал ему странную фразу, напрасно пытаясь удержать от необдуманного поступка. Он не понял его тогда, потом увидел ответ в собственном сыне. Его мать ненавидела его отца, сломавшего ее жизнь ради собственного каприза, принудившего стать любовницей супруга собственной сестры. Несколько лет насилия и унижения, прежде чем она смогла подарить ему сына. Сына, рожденного от своего жестокого насильника. Арман открыл глаза, вдохнул свежий морской воздух полной грудью и подошел к парапету. Внизу суетливо мелькали огни факелов, слуги искали тело погибшей рабыни их повелителя.

- Ты мог ее остановить.

- Зачем?

Латер встал рядом с отцом у парапета, тяжело упираясь руками в холодный гранит.

- Однажды мой отец сказал мне, что дети должны рождаться от любви. Я не обратил тогда на это внимания. Мы с твоей матерью уже ждали тебя. Ты знаешь, - Арман запнулся и бросил неуверенный взгляд на сына. - Я ведь ее тогда постоянно бил, бил и насиловал. Она так дико кричала от боли и умоляла, умоляла меня остановиться. Она унижалась, ползала передо мной на коленях, но мне... нравилось причинять ей эту боль. Дети не должна появляться от методичного изнасилования день за днем. У нас с Ламис это вышло не без коварной помощи моего отца, стремившегося всеми силами избавить меня от странной зависимости к никчемной рабыне...

- И поэтому ты решил избавить меня от Асии, потом не остановил Асами.

Голос Латера неожиданно охрип.

- Я думаю, что они тебе не нужны.

Латер закинул голову, усталым жестом разминая затекшие о напряжения плечи.

- Похоже, мы просто не можем быть счастливы только потому, что ни за что не позволим себе этого, себе и тем, кого мы любим. Мое детское воспоминание о поездке во дворец к деду. Я проснулся среди ночи и пошел в вашу с мамой спальню... Ты стоял спиной ко мне и у твоих ног лежала женщина с разметавшимися по лицу и полу длинными, светлыми волосами. Ты что - то говоришь ей, бьешь ногами, она не шевелится и ее руки... тонкие, изящные, со странным рисунком руки... Когда там, на мосту, ты вынес маму на берег и начал отчаянно трясти, пытаясь привести в чувство. Я почему - то смотрел на ее руки и проступивший рисунок на намокшей ткани рукавов. И думал о том, что она не хотела оставлять меня в империи Дарина, но ты наказал ее, ты запретил нам встречаться, ты заставил меня, ее, если не забыть, то стать к ней равнодушным. Она не любила тебя, ты заставил меня разлюбить ее, ты мстил ей через меня... Ты думаешь, что именно так поступил бы и я, останься Асами со мной.

Латер подставил лицо свежему ночному бризу и, усмехнувшись, добавил:

- Возможно, ты был прав. Я с ума схожу по Асами, она моя одержимость, я совсем потерялся в ней...

- Поэтому я не стал останавливать твою рабыню. Остекленевшие глаза любимой женщины это не то, что хочется вспоминать, стоя в полном одиночестве в старом замке, который помнит твою любовь.

notes